О. В. АЛЕКСАНДРОВА

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА

О. В. АЛЕКСАНДРОВА

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА

(на материале английского языка)

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1984

ББК 81.2 Нем-9
А 46

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов институтов и факультетов иностранных языков

Рецензенты:

Д-р филол. наук Г. А. Золотова (Институт русского языка АН СССР);
д-р филол. наук, проф. М. Я. Блох (Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина)

Александрова О. В.

А46 Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1984 — 211 с.

В пер.: 65 к.

В настоящем издании раскрываются выразительные возможности синтаксических средств английской речи. Обширный языковой материал, заимствованный из английской литературы различных жанров, и образцы текстов различных регистров наглядно иллюстрируют синтаксические закономерности построения как письменной, так и устной форм речи.

А $\frac{4602000000 - 492}{001(01) - 84}$ 187 — 85

ББК 81.2 Нем-9
4И (Нем)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга предназначена для студентов-филологов университетов и институтов иностранных языков в качестве учебного пособия по теоретической грамматике английского языка (раздел «Синтаксис»). Она может также представить определенный интерес для лиц, занимающихся проблемами выразительных возможностей языка.

Известно, что в основе всякого произведения речи лежит желание его автора не просто донести информацию до читающего или слушающего, но и определенным образом воздействовать на них. Поэтому все вопросы синтаксического построения речи теснейшим образом связаны с лингвостилистикой. В этой связи особый интерес приобретает изучение различных экспрессивных средств, используемых при создании письменной и устной речи. В предлагаемой книге делается попытка очертить круг явлений, включаемых в область экспрессивного синтаксиса, проиллюстрировать их использование в речи.

Теоретической основой при описании экспрессивных потенций синтаксических конструкций послужила разработанная А. И. Смирницким и развитая в работах его последователей система синтаксических связей. Эта система оказалась чрезвычайно плодотворной, поскольку она дала возможность изучать синтаксические отношения не только внутри предложения, но и в рамках более протяженных синтаксических единиц. Более того, как показали исследования, многие закономерности синтаксического построения речи невозможно понять без обращения ко всему тексту во всей совокупности составляющих его синтактико-стилистических единиц.

Синтаксическое исследование было поднято на качественно новый уровень в связи с обращением языковедов к изучению звучащей речи. Оказалось, что просодия и, в частности, система диерем, дает возможность более полно понять тонкие нюансы синтаксических отношений в речи. Так, в данной работе использованы результаты исследований соответствующих аспектов синтаксического построения речи, полученные как автором Пособия, так и его коллегами по кафедре английского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

При написании Пособия автор опирался на труды советских и зарубежных лингвистов по освещаемой тематике, часть которых приводится в соответствующем списке в конце книги.

Лингво-дидактические цели обусловили авторский подход к выявлению лингвистических основ экспрессивности в синтаксисе, а именно путем членения текста. Иллюстративным материалом послу-

жили фрагменты из произведений крупных английских писателей, ученых, критиков и др.

Пособие содержит введение, шесть глав, заключение, приложение и список использованной литературы.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить профессора, доктора филологических наук О. С. Ахманову, чья глубокая эрудиция и тонкое понимание языка, чьи ценные советы помогли автору в работе над книгой. Искреннюю признательность автор выражает рецензентам настоящей книги — профессору, доктору филологических наук М. Я. Блоху и доктору филологических наук Г. А. Золотовой за рекомендации, которые позволили автору улучшить содержание рукописи. Автор благодарит также коллег по кафедре за внимательное прочтение рукописи и пожелания по ее усовершенствованию.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Люди говорят и слушают, что говорят другие, пишут и читают. Отсюда две формы существования речи — устная, имеющая звуковую форму, и письменная, имеющая графическую форму. Из двух форм существования речи первая является основной. Письменная форма возникла исторически на базе устной как средство фиксации произведенного в устной форме и для последующего воспроизведения в устной форме, т.е. для прочтения вслух. Устная и письменная речь не являются каждая отдельной, особой речью, но представляют собой лишь различные формы, в которых существует одна и та же речь.

Для того, чтобы лучше понять единство устной и письменной речи, необходимо уточнить и понятие внутренней, мысленной речи. Эта форма речи не имеет материальной внешней стороны. Эквивалентом этой стороны для нее является соответствующий речевой образ, который может быть слуховым (звуковым), двигательным (графическим) или представлять собой их различные комбинации. Читая текст, мы воспринимаем его не только глазами: мы проговариваем его в нашей внутренней речи. Письменная форма любого текста, его онтология зависит от существования людей, которые могут, глядя на письменный текст, отражать в своей внутренней речи его звучание (в широком смысле слова). Заметим, что и для мертвых языков чтение текста предполагает владение читающим привнесенным в этот язык звучанием (воссозданным исследователями, принятым в качестве нормы).

Известно, что язык как общественное явление не может быть оторван от жизни общества, от общественной жизни данной совокупности людей[1]. Поэтому, когда мы говорим о соотношении устной и письменной форм языка, мы не

должны упускать из виду того, что письменная речь для культурного языка имеет очень большое значение. Его носители, как правило, знают, что такое текст, обязательно соприкасались и соприкасаются с разнообразными произведениями письменной речи.

Совершенно иначе обстоит дело со звучащей формой тех же текстов. Те реальные оттенки фонации, которые воспроизводятся говорящим даже при произнесении самого простого отрезка речи, представляют еще серьезную проблему даже для филологов, поскольку звукоанализирующая и звукозаписывающая аппаратура только сравнительно недавно вошла в научный обиход. В какой-то степени изучены элементы, т.е. состав сегментного ряда и наиболее простые просодические контуры. Но реальное соотношение тех или иных массивов письменного текста с их устными аналогами все еще находится в стадии постановки проблемы. Развитие речеведения и особенно филологической фонетики английского языка[2] создает реальные предпосылки для успешного развития этого направления синтаксического исследования также и в общенаучном плане.

В естественной человеческой речи на первый план всегда выходит данное языковое в ы р а ж е н и е. Именно оно непосредственно и прямо воспринимается слушающим или читающим — конечно, в непосредственной связи с данным содержанием.

Прежде чем перейти к изложению теоретических основ заявленной нами проблематики, остановимся на некоторых моментах, имеющих непосредственное к ней отношение.

Язык в своей коммуникативной функции служит человеку не только для выражения мысли, но и для выражения его субъективного отношения к высказываемому — чувства, воли, оценки и т.п., ибо эмоции, воля, оценки, желания — неотъемлемые факторы в познании человеком действительности, «... без «человеческих эмоций» никогда не было, нет и быть не может человеческого и с к а н и я истины». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112). «... нельзя «изучать действительное положение вещей», *не квалифицируя*, не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т.п.!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 240). «Стремления, желания, эмоции и чувства возникают в силу того,

что отражаемые нами предметы и явления действительности затрагивают наши потребности и интересы и выражают нашу связь с миром, нашу привязанность и тягу к нему. ... Вещи и явления действительности, таким образом, изначально причастны к самому возникновению психических явлений, которые они и отражают»[3].

Итак, человеческая мысль, совершаясь на базе языка, оформляется в речи, речь — это, как известно, и речевая деятельность и речевое образование — текст (его устная и письменная формы), который по-разному экспрессивно окрашен — результат действия экспрессивной функции языка. Экспрессивная функция языка — это, следовательно, способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности.

Экспрессивность как общеязыковая категория затрагивает все сферы языка и арсенал его выразительных средств необозрим. Однако, проблемы экспрессивного синтаксиса приобретают в современной лингвистике всё бóльшую актуальность. Это связано с интенсивным изучением структуры текста, языковой личности как субъекта речевой деятельности, ее прагматических аспектов разговорной, устно-диалогической речи, взаимоотношения говорящего и адресата, звуковых средств усиления выразительности речи и усиления ее воздействия на воспринимающего.

На важность изучения экспрессивного синтаксиса указывали многие видные лингвисты. Академик В. В. Виноградов в круг необходимых исследований по стилистическому синтаксису включал «проблему экспрессивных — выразительных, изобразительных — оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций»[4]. Он отмечал то огромное значение, которое для стилистики имеют «... различия в формах и видах строения, состава и объема даже простого предложения»[5].

Говоря об экспрессивном синтаксисе, обычно данный термин уточняют словом «стилистический» — «экспрессивный (стилистический) синтаксис», подчеркивая тем самым его принадлежность к категориальному аппарату стилистики. Нам представляется правомерным термином «экспрессивный синтаксис» обозначить учение о построении

выразительной речи, предметом изучения которого являются лингвистические основы экспрессивной речи, термин же «стилистический синтаксис» отнести к метаязыку стилистики, ибо, как известно, стилистический прием всегда является обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств общенародного языка.

Изучая живую речь, следует отметить, что ее арсенал средств (принимая во внимание и экстралингвистические) не только несравненно богаче ее письменного аналога, но они имеют специфический характер. Поэтому изучая эти средства, следует не упускать из виду те различия, которые характерны для языковой (ингерентной) экспрессивности и речевой (адгерентной).

Экспрессивность живой речи, в первую очередь, реализуется с помощью таких просодических средств, как ритм, темп, тон, паузы, мелодика, интонация и т.п., а также порядка слов и т.п. Мы не ставим перед собой цели осветить все вопросы, касающиеся экспрессивного синтаксиса, а ограничиваемся рассмотрением под углом зрения экспрессивности тех явлений, которые ранее были предметом нашего исследования и описания.[6]

Язык как общее в отдельном существует только в речи и через речь. Поэтому следует отличать существование языка в речи от существования его отображения в сознании владеющих этим языком, т.е. от з н а н и я ими данного языка. Заметим, что взаимоотношение между языком, существующим в речи, и знанием языка, которое приобретается в процессе речевого общения с уже владеющими данным языком, отличается значительным своеобразием ввиду особого характера языка как общественного явления.[7]

Необыкновенная сложность и своеобразие того явления, которое называется человеческой речью, настоятельно требовало и требует отыскания путей ее расчленения и аналитического рассмотрения, так как без этого невозможно придти к научному синтезу — общей теории изучаемого явления.

В целях раскрытия специфики взаимосвязи формы и содержания языковых явлений, распределенных между различными областями синтаксической системы, которые вычленяются по ведущим функциональным признакам, мы объединяем их в определенную систему. Сами эти области

мы условно называем «уровнями синтаксического анализа». Они формируются, соответственно, категориальными связями членов предикативных единиц («статический» уровень синтаксиса), информативно-перспективными связями компонентов актуального членения высказывания («динамический» уровень синтаксиса), смысловыми связями базовых и парантетических конструкций (уровень «парантетических внесений»), номинативными связями контекстуальных синтагм (уровень «фразировки»), функциональными связями просодико-текстовых сегментов.

При этом наша задача состоит в том, чтобы показать, каким образом единицы выделенных уровней синтаксической синтагматики дополняют друг друга при использовании языка в общении, т.е. в условиях непосредственной «речевой деятельности» языка.

В этом плане анализ по членам предложения предстает в качестве наиболее стабильной части синтаксиса, которая служит лишь глубинным костяком для выражения конкретных номинаций, подлежащих передаче от говорящего к слушающему.

Синтаксические связи, реализуемые между членами предложения, соотносятся с синтаксическим строем словосочетаний, который мы рассматриваем сквозь призму пяти категорий функциональной синтагматики. Это категории «коннотативности», «клишированности», «идиоматичности», «социолингвистической обусловленности», «концептуальной обусловленности». Как известно, сущность данных категорий состоит в соотношении значений и созначений словосочетаний по критерию коннотативности, степени устойчивости словосочетаний по критерию клишированности, в мотивированности значений по критерию идиоматичности, во внешней мотивации значений по критерию концептуальной обусловленности, в социальной подоснове значений по критерию социолингвистической обусловленности. Задача наша здесь заключалась в показе их экспрессивной функции в тексте.

В синтаксисе для того, чтобы данное синтаксическое содержание могло стать предметом или содержанием речевого общения, необходимо прежде всего найти оптимальную форму выражения. Поэтому во всех наших прежних работах[8] в центре внимания находились вопросы «диеремики», т.е. выявление и изучение тех элементов фонации,

тех диерем (в устной речи) и их аналогов, или эквивалентов, в речи письменной, от правильного воспроизведения которых зависит (по возможности однозначная) реализация тех или иных видов и разновидностей синтаксической связи. Более того, при изучении проблем экспрессивного синтаксиса в поле нашего зрения находилось все многообразие семиологически релевантных единиц выражения в том виде, в каком они реально воспроизводятся в устной и письменной речи.

В рамках данной работы мы хотим подчеркнуть роль диерем и других просодических средств не только как средств оформления синтаксических отношений между элементами высказывания (подробно эти вопросы изложены в наших прежних работах[8]), а также как важнейших средств экспрессивности: синтактико-семантическое описание словесно-категориальных связей в словосочетаниях дополняется демонстрацией словесно-интонационных и словесно-ритмических связей, формирующих синтагмы речевого потока. При этом и раскрывается роль пауз-диерем соответственно функциональному (в том числе экспрессивному) назначению выделяемых номинативных единиц.

Известно, что номинативные составляющие речи, организованные членным составом предикативных единиц и объединенные в линейные отрезки, становятся подлинными носителями смысловой информации лишь в конкретном акте общения. Таковыми они становятся, лишь поступая в распоряжение «динамического синтаксиса», т.е. системы актуального членения, функциональной перспективы высказывания. Здесь особое значение имеет раскрытие роли диеремики. Будучи составной частью синтаксической просодии, система пауз активно участвует в разграничении тематической и рематической составляющих высказываний, особую роль при этом играет «предицирующая пауза» — гибкое средство распределения и перераспределения информации между двумя полюсами актуального членения — темой и ремой.

Информативная перспектива высказывания, надстраиваемая над его статическим составом, может развертываться плавно, без перебивок базовой линии сообщения, а может прерываться добавочными, вспомогательными сообщениями, нарушающими последовательное развитие речи и превращающими ее в «неплавную». В данной ра-

боте наша задача заключалась в показе функциональных нагрузок парантетических внесений, в раскрытии стилемаркирующего, экспрессивного характера парантетических внесений. Выделенные нами подтипы парантетических внесений[9] рассматриваются здесь не только как категории предложения, но как категории текста сверхфразового единства, как текстосвязующие, текстообразующие средства. Этот последний факт, а также функция парантетических внесений в тексте в целях усиления его экспрессивной и, следовательно, воздействующей функций представляется нам наиболее верным при решении проблемы «вставности» и «вводности».

В настоящей работе особое внимание мы уделили выразительным потенциям отдельных синтаксических конструкций, увязав их с такими средствами, как просодия и пунктуация.

Пунктуация выступает в двойном знаковом качестве, с одной стороны, — средством выражения знаковых просодических контуров, как они даны в собственно устной речи, выступающей подосновой всех типов и видов языковой коммуникации, с другой же стороны, — регулятором экспрессивного изглашения письменного текста и тем самым адекватного этой экспрессии восприятия текста через внутреннюю пассивную речь читающего.

В этом свете оцениваются и два рода отклонений от усредненно-нормативной пунктуации, а именно, избыточная пунктуация и недостаточная пунктуация текста; оба рода отклонений несут свою особую экспрессивную функцию в тексте.

Последний раздел работы посвящен анализу синтактико-просодических свойств стихотворной речи, показу двух различных активно взаимодействующих просодических систем выражения: с одной стороны, логико-синтаксической, в чистом виде представляемой в прозаической речи, а, с другой стороны, ритмико-экспрессивной, находящейся в своеобразном противоречии с первой. Однако, их диалектическое противоборство несет четкую художественно-выразительную функцию, а их сложные соотношения лежат в основе собственно эстетической природы стиха.

Итак, основная часть книги — это попытка наметить пути для проникновения в сущность синтактико-стилистического построения речи, сосредоточить внимание

на предпосылках и способах придания речи наибольшей выразительности, выяснить экспрессивные возможности собственно синтаксических средств. Следует подчеркнуть в связи со сказанным, что понятие синтактико-стилистического построения речи обязательно предполагает «свободное варьирование», возможность по-разному членить текст одного содержания.

ГЛАВА I

РОЛЬ ПРЕДЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Язык состоит из слов и способов их введения в связную речь на основе диалектического единства коллокации (лексико-фразеологических связей между словами) и коллигации (формальных или грамматических правил, управляющих введением в речь слов как частей речи)[1].

Речь состоит из предельных синтагматических единиц и «последовательностей» (sequences), в каждой из которых (в условиях диалектического единства) обязательно воспроизводятся данные фразеологические и грамматические закономерности и правила введения данного слова в данное произведение речи.

Из сказанного следует, что знание языка — это прежде всего знание составляющих его слов, каждое из которых отражается в сознании овладевшего данным языком вместе с характерными для него лексико-фразеологическими и морфосинтаксическими правилами введения его в связную речь. Так, например, слово affair становится частью знания говорящим лексики только при условии, что в его сознании живут, взаимодействуют и развиваются эти правила и закономерности. Иначе говоря, если я знаю слово affair, то мысль о нем сразу же раскрывает целый ряд наиболее обычных и узуальных «предельных синтагматических составляющих» с этим словом в качестве ядра, например:

> to mind one's own affairs, the present state of affairs, affairs of state, Secretary of State for Foreign Affairs, to have an affair with somebody, to keep that (their) affair secret и т.п. и т.д.

Разумеется, знание слов, «словарного состава» или «лексикона языка» ни в коей мере нельзя приравнять к

знанию «словников» (перечней слов). В противном случае, это означало бы искажение представления об истинной онтологии предмета.

Можно считать, что уже существует традиция при членении английской речи из всего бесконечного разнообразия предельных синтаксических единиц речи выдвигать на первый план те, которые, будучи объединенными атрибутивной связью, по своим функциональным признакам ближе всего к отдельному (монолексемному) образованию (т.е. соответственно слову)[2].

Такой подход исследователей связан, в свою очередь, с особенностью английского языка, а именно с отсутствием четкой границы между сложным словом и словосочетанием и, следовательно, с трудностями их разграничения[3].

Были предприняты попытки установить эти различия с помощью анализа просодии этих единиц на основе лексической и синтаксической синтагматики английского языка.

Просодия лексической синтагматики в сочетаниях типа stone wall, speech sound, apartment house manager, Harward University, Russian History Research Center определяется ровным тоном или «неизменяющейся акцентной структурой высказывания». Просодия же синтаксической синтагматики характеризуется тем, что сочетания прилагательного с существительным регулярно воспроизводят соответствующую синтаксическую просодию, например:

> She was a woman of 'mean ˏunder\standing, 'little ˎinforˏmation and un'certain ˎtemper.
>
> Speaking of the comic songs and parties reminds me of a 'rather 'curious 'incident at which I 'once asˎsisted.

Однако, различие между сложным словом и словосочетанием не исчерпывается их разным просодическим характером. Оно, несомненно, лежит глубже.

Известно, что исследователи русского языка не считают словосочетание первичной единицей синтаксиса, исходя из того факта, что само оно «представляет собой некое соединение элементов»[4]. Под этой единицей в русистике понимаются синтаксические формы слова. Перенести механически это теоретическое положение синтаксиса русского языка на английский язык не представляется правомерным

в силу кардинальных различий, существующих между этими языками (флективным и аналитическим). Языковеды, анализируя природу словосочетания, отмечают, что словосочетание — единица номинативная, что она относится к «докоммуникативному» синтаксису и, следовательно, не выражает законченного высказывания. «Словосочетание входит в единицу сообщения как ее компонент, — необходимо в ней присутствующий или распространяющий, расширяющий ее»[5].

На вопросе о том, какую функцию словосочетание выполняет, «присутствуя», «распространяя» и «расширяя» единицу сообщения, мы и хотели бы остановиться. Признать, что словосочетание, обозначая «единое, хотя сложное и расчлененное понятие», входя в единицу сообщения, выражает лишь денотат — объективную сторону явления действительности, значило бы обеднить и исказить человеческую языковую практику. Уже в самом значении словосочетания может быть заключена (ингерентная) экспрессивность, т.е. определенные экспрессивно-эмоциональные, оценочные оттенки, присущие значению слова. Академик В. В. Виноградов писал, что слово «является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерения сообщения»[6]. Но этих эмоциональных оттенков слова могут и не иметь в своей системе значения, а возникать в речи на основе главного семантического содержания. Это — так называемое коннотативное значение. Оно возникает у слов и словосочетаний благодаря коллективному языковому опыту и отражает многие черты культуры народа, эпохи и т.п. Все возможные коннотации — источник экспрессивности. В реальной речи они становятся основой различных стилистических приемов и стилистических фигур, ибо, как мы уже указывали, стилистический прием всегда является обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств (в том числе и синтаксических структур) общенародного языка. Итак, экспрессивность приобретается словосочетанием в речи (так называемая адгерентная экспрессивность), ибо человек, общаясь, не только что-то сообщает, но сообщает это «что-то» с определенной целью, и прежде всего, с целью воздействия на партнера коммуникации. При реализации этой воздействующей функции и возникает экспрессивность,

включающая в себя отношение говорящего к предмету или явлению высказывания, их оценку и т.п. (Не будет преувеличением утверждение о том, что вообще нет высказывания без экспрессии: даже обычная, нейтральная и даже «монотонная» речь — экспрессивна благодаря именно этой (возможно нарочитой) «нейтральности» и «монотонности»).

Для изучения различных факторов, обусловливающих функционирование словосочетаний, в современной англистике разработана система категорий, позволяющая наилучшим образом представить всю разнообразную картину действия этих синтаксических единиц в речи, раскрыть особенности их употребления в речи.

1. Категория коннотативности, которая образуется противопоставлением двух категориальных форм, реализующих функцию воздействия и функцию сообщения. Например, в следующем предложении словосочетания yellow oxalis flowers, fallen lemons, tanned little body реализуют функцию сообщения:

> Below, under the lemons, the child was wading among the **yellow oxalis flowers** of the shadow, gathering **fallen lemons,** passing with his **tanned little body** into flecks of light, moving all dapples.
>
> (D. H. Lawrence.)

В следующем отрывке словосочетания piercing black eyes, steely covetous intent, a terrible glittering purity, a cold watchful wonder, имея определенный эмоционально-оценочный характер, выполняют воздействующую, экспрессивную функцию, ср.:

> Then they all looked at her with **piercing black eyes,** in which **a steely covetous intent** glittered incomprehensible. She was the more puzzled as there was nothing sensual or sexual in the look. It had **a terrible glittering purity** that was beyond her. She was afraid, she would have been paralyzed with fear, had not something died within her, leaving her with **a cold, watchful wonder** only.
>
> (D. H. Lawrence.)

Следует отметить, что определенный экспрессивный заряд несут и сами конструкции словосочетаний: их длина

(наличие нескольких препозитивных атрибутов, сочетание пре- и постпозитивных атрибутов при одном определяемом), например:

> Soames Forsyte, **flat-shouldered, clean-shaven, flatcheeked, flatwaisted,** yet with something round and secret about his whole appearance, looked downwards and aslant at Aunt Ann.
>
> (J. Galsworthy, The Forsyte Saga.)
>
> **Mr. Carker the manager, sly of manner, sharp of tooth, soft of foot, watchful of eye, oily of tongue, cruel of heart, nice of habit,** sat with a dainty steadfastness and patience, at his work, as if he were waiting at a mouse's hole.
>
> (Ch. Dickens, Dombey and Son.)
>
> Dombey was rather bald, rather red and though **a handsome well-made man, too stern and pompous in appearance to be prepossessing.**
>
> (Ch. Dickens, Dombey and Son.)
>
> He was **a tall, gaunt, cadaverous man, in an old great-coat and slippers, with sunken cheeks, and a restless, eager eyes.**
>
> (Ch. Dickens, Dombey and Son.)

Одним из важнейших параметров для категории коннотативности является просодия. Часто именно определенное просодическое оформление делает коннотативно нейтральные словосочетания коннотативно маркированными и, следовательно, экспрессивными:

> ‖I am 'sorry to have oc'casioned ↘pain to ˎanyone.‖ I hope it will be | of ↗short duˎration.‖
>
> (J. Austen, Pride and Prejudice.)

2. Категория клишированности определяется оппозицией категориальных форм узуальности/окказиональности. К клишированным словосочетаниям можно отнести, например, следующие: deep sympathy, bright colours, deep breath, high price, fresh air, high time, quick look, private school, strong will, short distance, dry bread, dry weather, happy event, fair hair, fast train, foreign country и др.

At sixteen he had lived almost entirely within himself, an inarticulate boy, **thoroughly un-American,** and politely bewildered by his contemporaries.

(Scott F. Fitzgerald.)

After that painful scene the Quiet of Nature was **wonderfully poignant.**

(J. Galsworthy, The Forsyte Saga.)

"I'm awfully sorry," I said, not knowing what else to say.

(W.S. Maugham, The Moon and Sixpence.)

There is no doubt that this approach, concentrating as it does on the learner's processes of knowing rather than on mechanistic procedures imposed upon him by the teacher, is in keeping with the anti-authoritarian, learner-centered education outlook ...

(Peter Strevens, New Orientations in the Teaching of English.)

Категории клишированности и идиоматичности тесно связаны между собой.

3. Категория идиоматичности зиждется на противопоставлении фразеологических единиц таким словосочетаниям, значения которых представляют сумму номинативных значений составляющих его слов:

I hope you are not a blue stocking, my dear.

(Iris Murdock, The Sandcastle.)

Также, как и первые две, категория идиоматичности тесно связана с другими категориями. Так, идиоматические словосочетания всегда клишированы. Неидиоматические же словосочетания могут быть как клишированными, так и неклишированными. Идиоматические словосочетания, как правило, коннотативны.

Известно, что идиоматические словосочетания — важное средство образно-эмоциональной оценки предметов и явлений действительности. Идиоматические словосочетания обнаруживают разную степень экспрессивности. Они могут быть с «книжной» или «разговорной» эмоциональной окраской, и встречаясь в текстах разных регистров, окрашивают их в диапазоне от торжественного тона до небрежного, например:

30 years ago ARA Fisher compared statistical procedures (then en vogue) **to cannons aiming at but missing the sparrows.** Now, with generalized distance, discriminatory analysis and latent roots at hand, we may sometimes start atomic rockets at the same sparrows — with no increased likelihood of hitting the birds.[7]

Memories of that lunch, and of his visit to June, were still **unpleasantly green.**

(J. Galsworthy, The Forsyte Saga.)

Phyllis was pale and trembling, Lady Carmichael **deathly white.**

(A. Christie.)

В научном тексте идиоматические словосочетания достаточно частотны, они вносят в него элементы экспрессивности и образности, которые, в свою очередь, подчинены прагматическим свойствам научного текста, а именно, аргументированности, доказательности, логической целесообразности и последовательности в изложении. Сама логика научного изложения фактов — выделить существенные моменты в цепи логически аргументированных рассуждений, — отграничить одну часть от другой, — придать изложению убедительность побуждает говорящего вносить в изложение элементы эмоциональной образности, в целях усиления воздействующей функции.

Все три категории словосочетаний, рассмотренные выше, представляют собой собственно языковые категории. Две следующие категории обусловлены экстралингвистическими факторами. Так, категория с о ц и о л и н г в и с т и ч е с к о й обусловленности предполагает знание социолингвистической основы функционирования данного языка. Социолингвистически обусловленные словосочетания отражают общий языковой опыт коллектива, например, такие словосочетания, которые характерны только для определенных социальных групп. Так, в следующих предложениях словосочетания white men, cold war, red scare обусловлены определенной социальной основой общества, где функционирует английский язык:

And sometimes her husband brought visitors, Spaniards or Mexicans or occasionally **white men.**

(D.H. Lawrence.)

What is not a quick, though, is Rhode's treatment of the so-called "**Cold war**" ... This, he says, was more a deadlock in international relations than a series of actual events — and he goes on to discuss American films made in response to the "**red scare**".

(D.H. Lawrence.)

Словосочетания, включающие так называемую «сниженную» лексику: слэнг, просторечные выражения, вульгаризмы, профессиональные и социальные жаргонизмы, арго, имеют самое прямое отношение к экспрессивности сообщения:

I met him at the Con ball at Leddersford. He made a pass within the first five minutes and invited me to **a dirty week-end** within another five.

(J. Braine, Room at the Top.)

You played **a dirty trick** — we'd have given you five if you'd asked for it.

(W. Golding.)

Так, яркую экспрессивную окраску высказыванию придают также просторечные выражения (атрибутивные словосочетания), как (to neep) a straight face; big guns; a dead loss; a meal ticket, ср.:

the children had hidden their mother's glasses for a joke and they couldn't neep **a straight face** while she was looking for them.

(Longman, Modern English Language.)

the group of people who talked to the president included several **big guns** from some of the important companies in the country.

(Там же.)

my wife is **a dead loss** as far as cooking is concerned.

(Там же.)

he'll have to get a job soon — his parents aren't rich, and he can't go on regarding them as **a meal ticket** forever.

(Там же.)

Ту же функцию выполняют словосочетания, относя-

щиеся к слэнгу, например, такие, как the big time, a cold turkey и др., ср.:

> Hill (a runner) is thirty-six. He won his first marathon at twenty-three. But he did not get into **the big time** until four years ago.
>
> (Там же.)

> He was... what we call a grouch-face, a drizzle-puss, a wet blanket, **a cold turkey.**
>
> (E. S. Gardner.)

Последняя по счету категория словосочетания — это категория концептуальной обусловленности. Словосочетаниям данной категории свойственно соотнесение их значения с экстралингвистической ситуацией. Если содержание языковой единицы соответствует ее понятийной основе, то она выступает как маркированный, если не соответствует, то как немаркированный член этой категории. Концептуально обусловленные словосочетания часто употребляются в художественной литературе для создания определенного экспрессивно-стилистического эффекта, который легко воспринимается читателем, знакомым с данной экстралингвистической ситуацией. Так, правильное восприятие словосочетания self-controlled English sun требует соответствующего «фонового знания», осведомленности об особенностях английского климата и некоторых черт национального характера англичан:

> The self-controlled English sun makes leafy shadows on this polished table and across the floor.
>
> (M. Spark.)

Анализируя экспрессивные потенции словосочетаний, следует отметить, что словосочетания являются лингвистической основой, благодаря определенной аранжировке в тексте, таких стилистических фигур, как повтор, эвфемизм, нарастание, антитеза, полисиндетон и др.

Так, перечисление в речи (тексте) синтаксически однотипных (что, естественно, не является избыточностью в языке), семантически сходных (синонимических), семантически контрастных (антонимических) словосочетаний и есть

источник и база выше указанных стилистических фигур, например:

повтора и нарастания:

> It was **a place to depend** on and **a place to go back to** and the place where they were known and knew everyone.
>
> (Gilden, Hurry Sundown.)

> Oh, what do you say, now, of Stephen Blackpool with a slight stoop in his shoulders and about five foot seven in height, as set forth in this **degrading** and **disgusting document, this blightning bill, this pernicious placard, this abominable advertisement.**
>
> (Ch. Dickens, Hard Times.)

или:

> So, whether I am waiting for a **stern look,** or a **hostile messiage,** or a **threatening answer,** or an **impromptu wrestle** with my friend in the Lancashire manner — **I'll** dine...
>
> (Ch. Dickens, Hard Times.)

> However, what she withhold from the infant, she bestowed with utmost profuseness on the poor unknown mother, whom she called an **impudent slut,** a **wanton hussy,** an **audacious harlot,** a **wicked hade,** a **vile strumpet.**
>
> (H. Fielding, The History of Tom Jones, the Foundling.)

> ...He is a **blessing to society,** the **glory of his country,** an **honour to nature.**
>
> (Там же.)

Как видно из приведенных примеров, несколько словосочетаний вносят в сообщение высокую степень экспрессии. Особенно это присуще атрибутивным словосочетаниям, где одно уже взаимодействие значений всех его компонентов создает напряжение в повествовании, передает состояние взволнованности говорящего, привлекая тем самым внимание слушающего к наиболее важному в данном высказывании и усиливая тем самым воздействующую функцию всего сообщения, ибо повтор, нарастание, полисиндетон и др. являются наиболее стабильными экспрес-

сивными средствами межфразовой связи, выполняющими текстосвязующую функцию.

Употребление в тексте словосочетаний, содержащих антонимичные по значению слова, служат основой антитезы, контраста, парадокса, например,

антитезы:

Their wearisome heads went up and down at the same rate, in **hot weather** and **cold, wet weather** and **dry, fair weather** and foul.

(Ch. Dickens, Hard Times.)

Why should we help the **nation lie** and then object to telling one little **individual private lie** in our own interest to go to bed on?

(M. Twain, My First Lie.)

As I understand it, what you desire is information about "**my first lie** and how I got out of it". I was born in 1835; I am well along, and my memory is not as good as it was. If you had asked about **my first truth** it would have been easier for me and kinder of you, I remember it as if it were last week.

(Там же.)

контраста, диспропорции:

He had rather full brown eyes that might have been called pretty if they had been set in a girl's face; a fairly **large nose** that should have been masterful but somehow was not; **a small still babyish mouth,** usually open and revealing several **big and irregular teeth**; and a drooping rather than retreating chin.

(J.B. Priestley, Angel Pavement.)

парадокса:

The **silliest woman** can manage a clever man, but it needs a very **clever woman** to manage a fool.

(R. Kipling, Dictionary of Humorous Quotations.)

Men always want to be **a woman's first love**; women have a more subtle instinct; what they like is to be **a man's last romance.**

(O. Wilde, Dictionary of Humorous Quotations.)

полисиндетона:

> A gleam of sun had come, sharpening to the hurrying senses all the beauty of the afternoon, on the tall trees *and* **lengthening shadows** of the blue, *and* **the white clouds,** the **scent of hay,** *and* the **cooing of the pigeons**; *and* the **flower shapes** standing tall.
> (J. Galsworthy, To Let.)

Социолингвистически обусловлены так называемые эвфемизмы (часто — это коннотативно негативная лексика и фразеология) употребляются для смягчения высказываний. Эвфемизмы, как правило, экспрессивно окрашены, например:

> Old Fonteony was always **in low water.**
> (J. Galsworthy, The White Monkey.)

здесь in low water="moneyless".

> We cannot say definitely when the **unhappy event** will occur.
> (A. Cronin, Hatter's Castle.)

the unhappy event="death".

> Sir James: And last, but by no means least — my son! My own flesh and blood, returned by a miracle from **the valley of the shadow,** to give us the value of his personal war experience.
> (N. Coward, Play Parade. Post Mortem.)

the valley of the shadow="grave".

На примере использования в тексте атрибутивных словосочетаний мы хотели показать их экспрессивные потенции. Анализируя атрибутивные словосочетания, уместно еще раз напомнить о том, что «атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова»[3]. Уместно также напомнить о тех наблюдениях, которые позволяли ставить вопрос о «внутренней форме» атрибутивного словосочетания, и соответственно различать: 1. мотивированные словосочетания, т.е. имеющие открытую смысловую структуру (такие как starry eyes, cleaned tools, grunting laugh), и 2. немотивированные (cold weather, delicate face, happy man и др.) и при этом рассматривать различие между такими парами

как, например, starry night и starry eyes, a cheerful person и cheerful brutality, sleepless night и sleepless pillow. Здесь открывается широкое поле деятельности для планомерного исследования в области стилистики словосочетания, т.е. его экспрессивной функции, и, прежде всего, перенесенного эпитета, т.е. таких словосочетаний, как distressed smile, relaxed gaiety, close-cropped look, gloomy menace, restless irritation и мн. др. Нельзя не заметить в связи со сказанным, что, хотя и считается, что перенос эпитета достаточно четко выделяется из всего бесконечного разнообразия «метафорических переносов» (или, попросту, «метафоры как фигуры речи»), на самом деле между такими, например, случаями, как furry roses или feathery snow, с одной стороны, и такими, как glazed stare, deep fear, dry laugh, sharpish exchanges, есть вполне определенная разница: взгляд, страх, смех и т.п. никак нельзя мыслить отдельно от взирающего, смеющегося, испуганного и др., т.е. от контекста. Однако, этой линии исследования уделяется пока мало внимания.

Различные виды синтаксической связи служат для выражения различных синтаксических отношений. Содержание синтаксических отношений квалифицируется как

1) Квалификативное, между признаком и определяемым предметом. Это содержательный аналог подробно рассмотренной выше атрибутивной связи. Связь прилагательного с существительным представляет собой простейший вид синтаксической связи и наиболее тесное просодическое объединение ее частей.

2) Предметное отношение — оно реализуется между предметом и процессом или между двумя предметами.

3) Отношение между процессом или предметом и обстановкой, в которой протекает процесс или находится предмет.

Каждому виду синтаксической связи соответствует определенное выражение, т.е. то, как эта связь реально представлена в речи данной разновидностью синтаксических дирем. Так, атрибутивная связь характеризуется потенциальной паузой; комплетивная связь представлена паузой, обладающей вполне ощутимой протяженностью — причем, последние исследования показали, что в действительности существуют по крайней мере 3 вида

комплетивной паузы, вполне определенно различающихся во взаимнооднозначном соответствии выражения и содержания.

Так, длина паузы от 0 до 100 м/сек. реализует наиболее тесную разновидность комплетивной связи; отношение между процессом или предметом и обстановкой, в которой протекает процесс или находится предмет.

Этому содержанию могут соответствовать разные, более или менее тесные виды комплетивной связи до 200 м/сек, например:

> But if one studies $\overset{200}{|}$ a modern living language it would be very strange if one confined oneself only to what is written or printed. (to study a modern living language)
>
> That is not the sort of society that is going to produce $\overset{200}{|}$ a great deal of high intellectual quality.
>
> That probably $\overset{200}{|}$ affected his output, affected his industry, may have affected his imagination. (to affect ...)
>
> Goldsmith $\overset{200}{|}$ wrote the "Deserted Village", for example, and other things. (to write smth ...)

В случаях левосторонней направленности предложного наречия связь выражается паузой от 400 до 600 м/сек и изменением движения тона:

> The way some more abstract meaning is derived from that $\overset{600}{|}$ **down-to-earth object** in cases of this kind is very clear.
>
> ... i.e. the remaining portions -"ash", -"y", etc., are completely unidentifiable as in any way connected with $\overset{600}{|}$ **morphology and morphonology.**

Это нейтральные случаи. Но эти тесные комплетивные комплексы могут под влиянием интра- или экстралингвистических факторов приобретать в речи определенную выразительность.

Связь «обстановки» (см. выше) возникает при право-

сторонней направленности предложного наречия, когда связь между наречием и глаголом становится более свободной. Данная связь выражается более длинной диеремой (600—800 м/сек.).

> To what has already been explained [600] | in that book, we should now add the following considerations.

> So, in both cases the voice rises [600] | at the end of the sentence.

> And there is very little of quality in Australia that was written [800] | in the first fifty or sixty years of the settlement.

Рассматривая содержание комплетивной связи, можно выделить:

1) случаи, когда наречие и глагол находятся в тесных лексико-фразеологических отношениях. Построения этого рода имеют левостороннюю направленность предложного наречия, здесь налицо «тесная разновидность» комплетивной связи:

> We shall now take a closer look | **←at some parts of our own texts** to give the reader an idea of how we think it ought to be done.

> In a great number of cases the meanings are directly deducib←le | **from the meaning of the parts, i.e. stem+er patterns.**

2) случаи с правосторонней направленностью предложного наречия; здесь связь глагола и предложного сочетания более свободная, чем в первом случае:

> Sometimes the whole of a longish narrative consists of perfect forms with only one indefinite form to indicate that two temporal planes are being opposed | **→within one and the same situation.**

> Our contention, then, is that the main division (or the line of demarcation) | **→lies between the first paragraph of the section and all the rest.**

Итак, мы кратко, на примере атрибутивных словосочетаний рассмотрели их функции как предельных синтаксических единиц речи. При этом мы хотели подчеркнуть, что, хотя словосочетание и не является «полноправной» коммуникативной единицей, однако, экспрессивность словосочетания — это тот «строительный материал» коммуникативной функции языка, который позволяет адекватно выразить мысль.

В первой главе книги мы не говорили о копулятивной связи, характерной для включения в высказывание разнообразных парантетических внесений и об экспрессивной функции последних. В этом случае рассмотрение копулятивной связи переводит нас как бы на новый уровень исследования — на уровень парантетических внесений, где мы сталкиваемся с иной синтаксической связью — копулятивной.

ГЛАВА II

ПАРАНТЕТИЧЕСКИЕ ВНЕСЕНИЯ И ИХ ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ

§ 1
Парантетические внесения в текстах научного регистра

В наше время проблема реального членения устной и письменной речи остается одной из наиболее актуальных для современного языкознания. Введение в научный категориальный аппарат таких понятий, как «текст», «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое», «абзац» отражает интерес исследователей к изучению синтаксических единиц, превышающих рамки предложения.

Исследования последних лет в области текста направлены, в частности, и на изучение его структуры как целостной коммуникативной единицы, на поиски формальных показателей, осуществляющих целостность и связанность текста (структурную и, соответственно, смысловую).

Одной из важнейших проблем в исследовании текста — сверхфразового единства — является изучение взаимосвязи и взаимодействия синтаксического построения предложения и синтаксиса сверхфразового единства.

Предложение как линейная структура характеризуется определенными закономерностями организации семантических и коммуникативных отношений. Будучи, в свою очередь, структурной частью целого, предложение обнаруживает разного рода слова, конструкции («сигналы», «признаки»[1]), свидетельствующие о его связи с предшествующим сообщением (либо в рамках предложения, либо в рамках сверхфразового единства, текста).

К совокупности т е к с т о с в я з у ю щ и х средств (анафорических, катафорических, выражающихся союзами, местоимениями, синтаксическим параллелизмом и т.д. и т.п.), осуществляющих структурную (и смысловую) связь между предложениями сверхфразового единства, несомненно, относятся, несмотря на их «обособленность», и многие парантетические внесения.

В английском языке строение предложений, формирующих сверхфразовое единство (текст), как мы знаем, далеко не всегда отвечает тем правилам построения, которые предписывает нормативная грамматика. Предложения реальной живой речи очень часто обнаруживают разного рода «нарушения» стройности, плавности и чеканности «нормального» ритма и норм интонационного рисунка.

Эти особенности, характерные для текстов всех регистров, давно подметила риторика и использовала их для создания таких стилистических приемов, как пролепса, парантез и др. Изучение же лингвистической основы этих приемов — задача экспрессивного синтаксиса.

Теоретической основой изучения явления «нарушений» послужил уровень парантетических внесений — предложенный нами прием синтаксического исследования, суть которого изложена в наших прежних работах.[2] Сущность этого «нарушения» заключается в том, что в состав предложения «вторгаются» слова или синтаксические конструкции (мы называем их «парантетические внесения») и «нарушают», «разрушают» линейные синтаксические связи.

Изолированное предложение, содержащее парантетическое внесение, часто не может обеспечить полного представления ни о предмете высказывания, ни о содержании парантетического внесения. Лишь в рамках текста он становится ясным, а само парантетическое внесение, разрывая связи предложения, своим содержанием переключает внимание слушающего/читающего к ранее сказанному и позволяет тем самым увязать (обобщить, сделать вывод, установить тождество и т.д.) с воспринимаемым в данный момент содержанием.

Прежде чем говорить об экспрессивной функции подобных «нарушений» рассмотрим строение и значение подобных внесений.

С точки зрения строения их можно разделить на:

1) однословные внесения:

again, anyway, doubtless, first, further, furthermore, hence, however, indeed, moreover, next, nevertheless, now, otherwise, perhaps, probably, rather, say, second, since, so, sometimes, somewhat, still, too,

then, thenceforward, thereby, therefore, though, thus, well, whenever и т.п.

Следует отметить, что такие единицы, как however, perhaps, say, then, therefore, well очень частотны.

2) внесения-сочетания слов, среди которых широко распространены сочетания с предлогами after, along, at, by, for, from, of, on, since, to, towards, throughout, with, without и др.:

after all, at any rate, at best, at least, by and large, for example, for instance, in addition, in any case, in a sense, in a way, in fact, in general, in passing, in my judgement, in my opinion, no doubt, no wonder, on this view, on balance, on the contrary, on the other hand, of course, in the common view, by deed or word, with any tolerable degree of assurance, with qualifications already noted, on this basis, on each such occasion, for any of a range of reasons, at any time и др.

Среди них for example, for instance, no doubt, of course также обладают весьма высокой частотностью. Особенно распространенными являются внесения на -ly:

intelligibly enough, quite independently, differently from but quite compatibly with, less discriminatingly, effectively realised, antecedently to and independently of the rule, more importantly, surely-truly, evidently but interestingly, non-exhaustively no doubt, less pompously, generally speaking, consistently and reasonably, very differently, a bit abbreviatedly, reasonably enough, pretty uncontroversially, more or less persuasively, vaguely enough, clearly enough, quite hypothetically, no doubt imperfectly and often obscurely и др.

3) внесения-предложения:

he said, he will observe, I believe, I fancy, I suggest, I suppose, I take it, I think, I would think, it is true, it seems to me, one may say, one may think, one would suppose, one would think, some would further urge, some would say, they said, we believe, we may agree, we said, we suggested и др.

С точки зрения общего содержания внесения делятся на три категории:

1) категория отсылки — это слова и синтаксические конструкции, иногда очень протяженные, которые использует говорящий в речи с целью сослаться на какой-либо факт, литературный и иной источник, на свое предыдущее высказывание и т.п., например: hence, then, too, thenceforward, to my mind, as you say и др., ср.:

> **As we have seen,** the facts of speech lend themselves to the separation of muscular speech or active speech from merely auditory or visual speech.
> (J.R. Firth, The Tongues of Men and Speech.)

> When Bally called his book Le Langage et la Vie, **as far back as 1913,** he meant to point the contrast with earlier titles such as La Vie du Langage.
> (Там же.)

> **As we shall see,** the movement for the second kind of general or common language has not proved very successful...
> (Там же.)

> How, **then,** shall we, the minority, carry out the duty which our position thrusts upon us, of striving to grow in majority?
> (W. Morris, The Art of the People.)

2) категория экземплификации, включающая слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры, пояснения, уточнения ранее сказанного и т.п., например: say, for instance, suppose we take, for example и др., например:

> Suppose that, **for instance,** being struck by the vastly different character of the carvings of some primitive tribe and of contemporary sculptors, I were to conclude that "of course, aesthetic concepts change"...
> (G.J. Warnock, The Object of Morality.)

> Take **for example** the following words for 8...
> (J.R. Firth, The Tongues of Men and Speech.)

3) категория делиберативности — это слова и синтаксические конструкции, выражающие сомнения, раздумья, оценку и т.п.: it seems, no doubt, no wonder, in a sense, at any rate, at best, at least, no wonder и др., например:

> I want to consider the idea that the subject-matter of Ethics is, **so to speak,** inherently shifting and unstable because of the phenomenon of social and historical change.
>
> (G.J. Warnock, The Object of Morality.)
>
> Moral philosophy, **it might be said,** is concerned with the "logic" or "analysis" of these words and their synonyms.
>
> (Там же.)
>
> So now we need, **in a sense,** to re-open the question.
>
> (Там же.)
>
> **At any rate** the end to which the method and the estimate are designed to lead, and from leading to which, if they do lead to it, they get their whole value, **— the benefit of being able clearly to feel and deeply to enjoy the best, the truly classic, in poetry, —** is an end, let me say it once more at parting, of supreme importance.
>
> (M. Arnold, The Study of Poetry.)

Объективность данной категоризации подтверждается тем, что она релевантна для каждой из названных выше структурных разновидностей внесений. Так, абсолютное большинство однословных внесений свободно укладывается в выделенные категории:

1) отсылки: hence, then, too, thenceforward и др.;
2) экземплификации: thereby, thus и др.;
3) делиберации: again, anyway, doubtless, indeed, moreover, next, of course, perhaps, say, sometimes, somewhat, though и др.

То же относится и к внесениям-синтаксическим конструкциям:

1) отсылка: in general, as you say и др.

2) экземплификация: for example, for instance, that is, that is to say и др.

3) делиберация: after all, at any rate, at best, at least, by and large, in addition, in a sense, in fact, it seems, let us say, no doubt, no wonder, on the whole, so to speak и др.

Каждая из указанных групп может, в свою очередь, делиться на более мелкие семантические подгруппы. Однако для нашей цели подобная классификация непринципиальна.

Предпринятая нами выше структурная и семантическая категоризация тесно связана с экспрессивной функцией парантетических внесений, с той ролью, которую они играют в тексте (речи).

Обобщенно функция парантетических внесений заключается в том, чтобы «характеризовать сообщаемое с позиций говорящего к сообщаемому»[3], т.е. она тесно связана с категорией модальности.[4]

Известно, что модальность — это понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражаемое различными лексическими и грамматическими средствами (такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация[5], лексические и лексико-фразеологические средства выражения категории модальности). При анализе парантетических внесений перечисленные выше средства выражения модальности, а главное, контекстное окружение и регистры должны рассматриваться в аспекте построения экспрессивной речи.

Для текста научного регистра модальным стержнем служит модальность действительности с разной степенью ее достоверности и предположительности[6], ибо главная цель научного текста — информация о действительности, ее объяснение и оценка.

Информативную сторону научных текстов формируют различные теории, описание фактов, формулировок законов, вопросы методологии.

Объяснительная сторона — это отражение научного мышления, этапов познания, демонстрация его результатов и их оценка.

Существует мнение, что при выборе языковых средств, научный регистр «тяготеет к речевым средствам, лишенным

эмоциональной нагрузки и экспрессивных красок»[7]. Действительно, в научном регистре лексические средства по своему характеру относятся к так называемой книжной или терминологической лексике, как правило, лишенной экспрессивности. Но как мы указывали выше, экспрессивность — общелингвистическая категория, и выражаться она может различными средствами. Так, любое научное объяснение должно строиться на основе логических законов. Однако для речи ученого характерно стремление не только объяснить, путем рассуждения довести до сознания слушателя объективную истину, но и воздействовать на этого слушателя (или читателя), убедить его, заставить воспринимать речь заинтересованно, заставить его размышлять. Поэтому достаточно часто научному тексту свойственна (разная степень) экспрессивности. (Средства, которыми пользуется говорящий (ученый, лектор и т.п.), могут быть и экстралингвистическими — жест, мимика и т.п.)

Экспрессивность научного текста могут определять и такие его качества, как глубокая содержательность, строгая логичность, точность и ясность формулировок (следовательно, мысли ученого).

Экспрессивность текста зависит и от области знания и от самой личности ученого, его темперамента, эрудиции, его общей и языковой культуры. Все это, несомненно, тесно связано с выбором языковых средств при организации научного текста. Языковые, и в частности, синтаксические средства, характерные для текста научного регистра — это, как правило, развернутые синтаксические периоды, обилие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, различного рода распространенные обособления, аналитические конструкции и т.п. Поэтому в целях наглядности, облегчения понимания подобным образом оформленной речи (текста) и для повышения ее воздействующей функции говорящий п р е р ы в а е т свою речь, сознательно «нарушая» линейные синтаксические связи.

Обычно речь прерывается для того, чтобы автор мог сослаться на какое-то предыдущее соображение, высказанное им самим, или какой-то предшествующий вклад в исследуемую область, задержаться на каком-то из своих положений, углубить его, сделать более доходчивым для

слушателя, заставить слушателя сосредоточить на нем внимание при помощи примера и, наконец, что самое интересное, также и в плане социолингвистическом — как бы пригласить слушающего или читающего в свою научную лабораторию.

Для подобных «экскурсов» особенно характерны парантетические внесения, относящиеся к категории о т с ы л к и и экземплификации, оформленные соответствующей просодией. Они могут быть достаточно распространенными и выделяться на письме запятыми, тире и скобками, например:

> Muir began his career as a critic writing for *The New Age*, and it was Orage who arranged for him to be psycho-analysed by Maurice Nicoll, one of the earliest English Jungian analysts **(and the son of Sir William Robertson Nicoll).**
> (J. Gross, The Rise and Fall of the Man of Letters.)

> He, with his copy-rights and copy-wrongs, in his squalid garret, in his rusty coat; ruling **(for this is what he does),** from his grave, after death, whole nations and generations who would, or would not, give him bread while living, ...
> (T. Carlyle. The Hero as Man of Letters.)

> To this the English critic **(whose name, by the way, was Mr. Wharton)** replied that it was unseemly for me to discuss "major form" ...
> (R. Graves, Legitimate Criticism of Poetry.)

> Personal rhythmic variations can be, and should be, made on the metrical norm — **I have quoted Frost and Ransom** — just as one expresses one's personality by an individual variation of copperplate handwriting.
> (Там же.)

> **In other words,** we could take for granted an interest, a delight, in ideas for their own sake, in the free play of the intellect ...
> (A.L. Morton, T.S. Eliot — a Personal View.)

> Of course the book, as I have said, has always

been a "medium" — **a technologie of communication** — as well as a form of literature; ...

But, while it has always expanded itself technologically **(through new methods of type-setting, better machinery, larger print-runs, greater distribution)**, it has normally tended to present itself, so to speak, on a pre-technological model ... .

(M. Bradbury, The Social Context of Modern English Literature.)

The postwar period was, of course, the first period in which the book-trade had to compete with other media — **particularly television** — on equal footing for a share of attention and interest.

(Там же.)

For example, off and on for seven years I have been working on a book on the Metaphysicals, ...

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

Today, **then**, we live in a world in which communications are not selective.

(M. Bradbury, The Social Context of Modern English Literature.)

In fairness one should point out that Ella Sharpe **(who incidentally taught English literature for many years before becoming a psycho-analyst)** was born in 1875.

(J. Gross, The Rise and Fall of the Man of Letters.)

What makes his poetry so memorable **(literally memorable)** is that each line seems to have been looked at for six months, and the same is true of his best essays.

(Там же.)

They may prove very slight moral consequences, and very shallow moral impressions in the long run, but there they are, **none the less**, its inevitable accompaniments.

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

The ill-taught — **also an increasing number** —

read many books, seem to themselves able to write others surprisingly like what read, and probably superior, since the variations are such as please their own fancy ...

(G. Eliot, Leaves from a Note-book.)

He must be aware that the mind of Europe — **the mind of his** own **country** — a mind which he learns in time to be much more important than his own private mind ...

(Там же.)

In this passage **(as is evident if it is taken in its context)** there is a combination of positive and negative emotions: ...

(Там же.)

Экземплификативные парантетические внесения могут указывать на отношения между частями высказывания, на порядок сообщений или степень их значимости, могут выражать обобщения, итог, заключение и т.п.:

To which I shall answer: **First,** That it is very difficult to pursue a Series of human Actions and keep clear from them. **Secondly,** That the Vices to be found here, are rather the accidental Consequences of some human Frailty, or Foible, than Causes, habitually existing in the Mind. **Thirdly,** That they are never set forth as the Objects of Ridicule but Detestation. **Fourthly,** they are never the principal Figure at that Time on the Scene; **and lastly,** they never produce the intended Evil.

(H. Fielding, Preface to *Joseph Andrews*.)

Now then go we to the most important imputations laid to the poor poets. For aught I can yet learn, they are these: **first,** that there being many other more fruitful knowledges, man might better spend his time in them than in this; **secondly,** that it is the mother of lies; **thirdly,** that it is the nurse of abuse, infecting us with many pestilent desires, with a siren's sweetness drawing the mind to the serpent's tail of sinful fancies (and herein especially Comedies give the largest field to ear, as Chaucer says); ...

(Ph. Sidney, Defense of Poesy.)

But in order to render myself intelligible I must previously, in as few words as possible, explain my views, **first**, of a Poem; and **secondly**, of Poetry itself, in kind, and in essence.

(S.T. Coleridge, Biographia Literaria.)

Высказывая свое отношение к способам выражения мысли, к излагаемым фактам, говорящий как бы «разрыхляет» текст, делает его более обозримым, наглядным, легче воспринимаемым. Но эти же парантетические внесения категории отсылки и экземплификации, а в особенности парантетические внесения категории делиберации способствуют усилению экспрессивности научного текста. Делиберативные парантетические внесения-предложения в сочетании с соответствующими просодическими средствами (диеремы, тон, темп и т.п.) наиболее экспрессивны. Их предикативный характер, а следовательно, и более эксплицитно выраженный модальный характер, их протяженность позволяют создать различный эмоциональный фон высказывания: глубокого размышления, рассуждения, размеренности, собеседования. Особенно часто подобные парантетические внесения носят субъективный экспрессивно-оценочный характер, они выражают оценку степени достоверности к сообщаемому, сомнение, удовлетворение, радость, удивление, огорчение, иронию, сожаление, досаду, возмущение и т.д., ср.:

Shall we sleep it all away?—Yes, and never wake up again, **I should hope**, in that case.

(W. Morris, The Art of the People.)

The spokesman coughed and said a little stiffly: "I understand, Mr. Graves, that the essays that you write for your English tutor are, shall I say, a trifle temperamental. It appears, **indeed**, that you prefer some authors to others."

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

There is, **I am aware**, the theory that the novel[1] is wholly and solely a means of relaxation.

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

And I am sure that if ever I — **and how many others**! — committed ourselves to little good and kindly actions or courses of life it was because we in

our youths fell under the influence of that beautiful and lambent spirit ...

(Ford Madox Ford, Turgenev.)

Poetry **(need I say?)** is more than words musically arranged.

(R. Graves, Legitimate Criticism of Poetry.)

Yet how few students ever get beyond the jingle-loving or, **at best,** the music-loving stage, of poetic appreciation!

(Там же.)

All excursions into journalism, broadcasting, propaganda and writing for the films, **however grandiose,** are doomed to disappointment.

(C. Connolly, The Unquiet Grave.)

The subject of that, **believe it or not,** is *The Rape of the Lock.*

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

Few, **I suppose,** will nowadays, claim empirical knowledge of such concord.

(Там же.)

He is, **I mean,** someone to whom ideas are emotionally important, who responds to experience by thinking for himself. This, **I take it,** is what makes Donne the first properly intellectual poet.

(Там же.)

Nor, **I think,** can Proust claim a much greater success than Joyce. True, he understands men and women better, but these world-weary ghosts in the Paris drawing-room are still only shadows.

(R. Fox, The Novel and the People.)

Huxley, **I feel,** has much in common with Wells, the same passion for ideas which gives a vitality to his books ...

(Там же.)

He is, **indeed,** what Wells would have been if he had gone to Eton and Oxford instead of the Bromley Grammar School and South Kensington.

(Там же.)

In a very real sense, such large changes as the book has gone through in our century are substantial changes in the forms and relationships of internal dialogue.

(M. Bradbury, The Social Context of Modern English Literature.)

In the same manner, were we to enter a poor House, and behold a wretched Family shivering with Cold and languishing with Hunger, it would not incline us to Laughter, **(at least we must have very diabolical Natures, if it would:)** ...

(H. Fielding, Preface to *Joseph Andrews*.)

The only Source of the true Ridiculous **(as it appears to me)** is Affectation.

(Там же.)

The thing — **a privilege — a miracle — what you will** — is not quite hidden from the meanest of us who run as we read.

(H. James, An Appreciation.)

Seldom, **perhaps,** does the word appear except in a phrase of censure.

(T.S. Eliot, Tradition and Individual Talent.)

We were to be made to feel that the human nature — **i.e., the divine nature of love and mercy, spread through the hearts of all creatures, and seldom utterly withdrawn from man** — was gone, vanished, extinct, and that the fiendish nature had taken its place.

(Th. De Quincey, On the Knocking at the Gate in *Macbeth*.)

The novel was good — **if it seemed to harmonise with the graver exercises conducted by Mr. Chadband** — ana it was bad and outcast if Mr. Chadband said so.

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

That we are of this mind — **the minority that is right** — is, I hope, the case.

(W. Morris, The Art of the People.)

The essence of his job, **in fact,** is judgement.

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

That, **as I understand it,** is what Eliot meant when he disposed, offhand, with the whole problem of critical method: "The only method," he said, "is to be very intelligent."

(Там же.)

And therefore, though he recount things not true, yet because he tells them not for true, he lies not, without we will say that Nathan lied in his speech before alleged to David. Which as a wicked man durst scarce say, so think I none so simple would say that Aesop lied in the tales of his beasts **(for who thinks that Aesop wrote it for actually true, were well worthy to have his name chronicled among the beasts he writes of).**

(Ph. Sidney, Defense of Poesy.)

Как показывают приведенные выше примеры, парантетические внесения по своей структуре очень разнообразны: слова, словосочетания, распространенные и сложные предложения. Однако, даже значительная распространенность парантетических внесений не является языковой избыточностью, более того, их структурная несамостоятельность вследствие обособленности, «внесенности» обусловливает определенную компрессию информации, которую они несут. Это позволяет в относительно небольшом высказывании представить несколько линий повествования или — основную линию в сочетании с содержанием, заключенном в парантетическом внесении той или иной категориальной принадлежности, ср.:

The existing monuments from an ideal order among themselves, which is modified by the introduction of the new (the really new) work of art among them.
(T.S. Eliot, Tradition and the Individual Talent.)

Both brands of professors, in short, distrust literature.

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

Eliot's social-critical positions — the belief that the preservation of culture, which he has tended to interpret very narrowly, depends upon a small élite, the increasing stress laid upon the importance of

authority and tradition — have proved deadening both to himself and to those readers who have been so misguided as to swallow him whole.

(A.L. Morton, T.S. Eliot — a Personal View.)

Приведем более протяженные фрагменты, содержащие разные по значению и объему парантетические внесения, ср.:

It is, perhaps, merely a statement of thesis and antithesis: the expression of mentalities diverse enough to be called positive and negative. Monsieur Thibaudet's theory has, it should be noted, certain Bergsonian affinities, and Bergson is merely the latest philosopher of Romanticism. The dramatic theory, on the other hand, is more reminiscent of Aristotle.

The temperamental novel — we may call it the modern novel — does not exist before Richardson, and does not exist in any of its essential subtlety until we reach Stendal. It thus began its existence at a time when all other literary forms — poetry and drama — had for centuries been defined and had even outlived their possibilities of experiment. Perhaps this alone is a situation sufficient in itself to explain the rapid — too rapid — growth of the mere numerical units of the novel; ...

(H. Read, The Modern Novel.)

Выше мы отмечали, что парантетические внесения могут выступать текстообразующим средством. В этом случае парантетические внесения, актуализируя свое категориальное значение, содержат информацию, которая относится либо к фоновым знаниям («фонду культурных знаний»), и тем самым обусловливают семантическую целостность и информативность текста, либо их информация связана с содержанием всего текста, ср.:

Suggested to my mind long ago — long before I dealt in fiction — by what I often saw and read of, in actual life around me, I have, for years, tracked it through many profligate and noisome ways, and found it still the same.

(Ch. Dickens, Preface to the Third Edition of *Oliver Twist*.)

"Poetry," they seem to say, "may be marginal, antisocial nonsense, but we can at least write about it as thoroughly and unsentimentally as if it were the latest A.E.C. report."

(A. Alvarez, The Limits of Analysis.)

It is not so much a question of the complexity of their work — most of them know how to attain at least the appearance of considerable difficulty — it is a question of attitude.

(Там же.)

We know, or think we know, from the enormous mass of critical writing that has appeared in the French language the critical method or habit of the French; we only conclude (we are such unconscious people) that the French are "more critical" than we, ...

(T.S. Eliot, Tradition and the Individual Talent.)

Even the gentleman of our age — this is an attempt to describe one of them, no better nor worse than most educated men — even these we cannot show as they are, with the notorious foibles and selfishness of their lives and their education.

(W. Thackeray, Preface to *The History of Pendennis*.)

Следующие парантетические внесения выполняют свою функцию на уровне предложения, ср.:

Science, I say, will appear incomplete without it.

(M. Arnold, The Study of Poetry.)

... whom I will maintain against all comers to be the subtlest and greatest *artist* — I lay stress upon that word artist — that Great Britain has ever produced in all that is essentially the novel, ...

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

The essay on Charles Whibley is a special case (Whibley was a friend, who had helped the *Criterion* over a bad patch with financial support), but it is generally true that you are more likely to find Eliot being complimentary about F.P. Ker than about Hardy or Meredith.

(J. Gross, The Rise and Fall of the Man of Letters.)

Однако и те и другие своей «внесенностью», информативной компрессией, текстосвязующим свойством и т.п. способствуют увеличению глубины предложения, расширяя языковой арсенал говорящего.

§ 2
Парантетические внесения в текстах художественной литературы

Характер парантетических внесений в этом регистре речи безусловно отличается от характера типичных для научной литературы категорий парантез. Так, для художественной литературы характерно не менее частотное употребление парантез, причем их использование направлено на создание определенного эмоционально-эстетического эффекта, а нередко и для характеристики персонажей.

Для текста художественной литературы функция парантетического внесения остается той же, т.е. «характеризовать сообщаемое с позиций говорящего к сообщаемому», однако, такому тексту свойственна модальность не только действительности, но и недействительности, ибо персонажи часто говорят не только о том, что происходит в действительности, но говорят и о невозможном, о том, что могло бы случиться, выражают свои желания, высказывают различного рода предположения, сомнения, ставят условия с целью вызвать ответную, как правило, эмоциональную, реакцию воспринимающего сообщение (слушателя/читателя).

Экспрессивность текста художественной литературы — категория многоплановая. Она изначально присуща ему и определяется сущностью искусства — не только выражать то или иное содержание, но, главное, отражать чувства и переживания человека, взывать к чувствам человека, пробуждать в нем эмоциональную реакцию на сообщаемое — любовь и ненависть, радость и огорчение, гордость и стыд и т.д., т.е. сопереживать.

Среди огромного арсенала языковых и стилистических средств, мы, в соответствии с нашей целью, остановимся на одном из них, а именно, на роли парантетических внесений в тексте художественной литературы. Для текстов данного регистра характерны структурно разнотипные паран-

тетические внесения всех выше указанных категорий (отсылки, экземплификации, делиберации). В сочетании с просодическими средствами (о графических см. ниже) парантетические внесения становятся экспрессивным (но разным по степени) стилистическим приемом. Они могут выражать различные оттенки значения, от нарочитой сухости, бесстрастности до крайней аффектированности.

Парантетические внесения могут быть характерной чертой индивидуального почерка того или иного писателя, ср.:

> The latter had protested that Beppo **(that was the seaman's name)** was a capital fellow, and could be trusted to the death;
>
> (R.L. Stevenson, The Pavilion on the Links.)
>
> ... it had seemed to me of late as though the body of Edward Hyde grown in stature, as though **(when I wore that form)** I were conscious of a more generous tide of blood;
>
> (R.L. Stevenson, The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde.)
>
> By his side, and either clinging to him or giving him support — **I could not make out which** — was a young, tall, and slender figure of a woman.
>
> (R.L. Stevenson, The Pavilion on the Links.)
>
> At that moment, **however**, they heard the outer door opening, and the next moment the cause of all the trouble, Miss Matfield herself, walked in.
>
> (J.B. Priestley, Angel Pavement.)
>
> It was, when you came to think of it — as he had once boldly ventured to point out to a friendly fellow boarder at Channel View, Eastbourne **(they had stayed up rather late, after their wives had gone upstairs, to split a bottle of beer and exchange confidences)** — quit a romance, in its way.
>
> (Там же.)
>
> He was always ready to do the decent thing — **and this was not hard, for he was really a decent, kindly soul, stupid though he might be** — not for your sake, not for his own, but "for the sake of the old school".
>
> (Там же.)

He ... disliked literature, art and music, cranks and fanatics of every kind, most foreigners, anything or anybody really mean or cruel **(when he could see the meanness and cruelty)**, and all the opinions that newspaper editors asked him to dislike.

(Там же.)

"Thank you, sir." And as he said it — **quite simply and not with any touch of irony** — Mr. Smeeth looked still greyer. **Indeed,** he shook a little.

(Там же.)

Along comes a big merger — **a bit of syndicate and trust work** — and up they go, right up to the top — bang! Now — **you see** — you can't touch 'em. And there's a feller here — **you can see it in the paper** — who's been clearing anything out of it — **a hundred thousand, two hundred thousand** — a clean sweep, made for life.

(Там же.)

As it was, he was just unprepossessing. You would not have noticed him in a crowd — **and a great deal of his time was spent in a crowd** — but if your attention had been called to him, you would have given him once glance and then decided that that was enough.

(Там же.)

She was a trifle taller and bigger-boned than the average girl of her class and type, with a good neck and shoulders, but her figure as a whole — **and it was plain to the view in her belted orange-coloured jumper, her short dark skirt, and artfully silky stockings** — was perhaps too top-heavy, too masterful in the bust for the flattered calves below, to please everybody. **(Including that distant and wistful connoisseur, Turgis, who by making an effort at times was able to see her as a female figure and not as a personality.)**

(Там же.)

Парантетические внесения могут занимать в предложении различное место:

стоять в начале предложения

To tell the truth, he could never quite see what all the fuss was about.

в середине предложения

It does not, of **course,** make any difference as far as your conditions of imprisonment are concerned...

и в конце

So he sat down there and then and wrote me a letter of recommendation to any future employer, a corking good letter, **too.**

Однако, несмотря на то, что позиционно парантетические внесения допускают варианты расположения их в предложении, существуют в этом отношении определенные закономерности, и местоположение парантетических внесений варьируется в рамках этих закономерностей.

Парантетические внесения не занимают произвольно ту или иную позицию в предложении, ибо они выполняют в нем определенную семантическую функцию.

Синсемантичность парантетического внесения обычно обусловливает их позицию рядом с той частью высказывания, к которой она относится.

Однако, в большинстве случаев решающими факторами, влияющими на позицию парантетических внесений, оказывается функциональная перспектива высказывания (актуальное членение) и его ритмическая организация.

Так, например, по наблюдениям Л. Д. Долинской[8] замена perhaps в начальной позиции конструкцией с модальным глаголом may (мало частотные в научных текстах) и обратный порядок слов влекут за собой коренную перестройку предложения, изменяя при этом его функциональную перспективу, ср.:

T R
Perhaps, more common are prenasalized stops.
T R
Prenasalized stops may be more common.

При употреблении perhaps в начальной позиции находится предикативно более важный член предложения.

В случае, когда perhaps находится в начале предложения, но порядок следования частей предложения не нарушается, наблюдается «адвербальная» тема, которая дает другую перспективу, чем тема «грамматического субъекта», ср.:

This attitude cannot have been typical.
Perhaps this attitude was not typical.

Другим важным фактором, влияющим на позицию парантетических внесений, как известно, является ритм.

Конструкции типа "may be" обусловливают монотонный ритмический рисунок предложения. Парантетическое внесение, синонимичное указанной конструкции, и perhaps, стоящее в середине предложения, делают ритм более чеканным, а все высказывание более экспрессивным, например:

Though the law of averages **may be** the most reliable thing in the world ...

Though the law of averages was, **perhaps**, the most reliable thing in the world, there were circumstances which had begun to cause him disquietude.
(J. Galsworthy, The White Monkey.)

Изучение парантетических внесений в аспекте экспрессивности позволяет приблизиться к решению под этим углом зрения такой теоретической проблемы, как разграничение «вводности» и «вставности», к вопросу о возможности/невозможности, целесообразности разграничения «вводности» и «вставности» вообще и в английском языке, в частности. Как известно, в английской синтаксической традиции вводные и вставные элементы не разграничиваются[9], хотя в английском языке структурные аналоги русским «вставным» конструкциям несомненно существуют.

Тенденция разграничения в русском языке вводных и вставных элементов восходит к работам А. Х. Востокова. Тем не менее четких критериев различия «вводности» и «вставности» не существует до сих пор, хотя этим вопросом

занимались ряд языковедов-русистов[10], имеются исследования этой проблемы и на материале английского языка[11].

В этих работах, и это совершенно правомерно, большое внимание обращается на просодию как на один из основных критериев разграничения «вводности» и «вставности». При этом явление «вводности» обнаруживает своеобразие с точки зрения движения тона. Так, различие между ровным и неровным тоном сигнализирует о их структурном различии[12]. Вопрос в этом случае, по-видимому, будет ставиться так: выпадая из синтаксической просодии, уподобляется ли такая «синтагматическая последовательность» последовательности лексической?

Не менее существенна постановка вопроса о роли и характере паузы. Вставные элементы, независимо от их позиции в высказывании, всегда отделяются от его основного содержания паузами.[12]

В последние годы изучение просодии парантетических внесений проводилось в тесной связи с исследованием английской пунктуации. Анализ материала показал, что парантетические внесения, вводимые при помощи запятых и скобок, имеют вводный характер, несут вспомогательную, дополнительную информацию. Внесения же, вводимые при помощи тире, обладают вставочным характером, обнаруживают своеобразное, отличное от основного предложения, просодическое оформление.

Вводные слова и словосочетания просодически, как правило, не отличаются от основного состава высказывания:

> ‖ You have all got that/manuscript | where the di|vision into ˏparagraphs | as we would ˏsay | is very ˎgood. ‖

> ‖ As a 'matter of /fact | from the philo | logical point of ˏview | |nothing could be ·further from the ˎtruth. ‖

На письме вводные конструкции чаще всего выделяются при помощи запятых. Для вставных конструкций более характерно выделение посредством скобок и тире, которые

являются более «сильными» по сравнению с запятыми и предполагают более сильную экспрессию текста.

‖ 'Sounds having such ·friction are known as ∖fricatives | and /fricatives can be | — and ˌare in ˌlanguage | — 'made at ·every .place from /glottal to biˎlateral. ‖

(O'Connor, Phonetics.)

‖ As in 'Latin /verse, | all the 'feet within a piece of English ˌverse | are of ˋequal /length or ˎquantity.‖ (It is of ˌinterest that the ˈfoot, .defined as aˏbove,| ˈturns ·out to be of imˎportance in several ∖other ˌways in the study of ˎEnglish.) ‖

Не умаляя, однако, значения просодии при решении проблемы разграничения «вводности» и «вставности», считать ее главным, основным критерием разумеется нельзя. К такому же выводу приходят исследователи, проводившие инструментальный анализ просодического оформления данных синтаксических явлений.[13]

Решение проблемы «вставности» и «вводности» предполагает, на наш взгляд, изучение не какого-нибудь отдельного средства, а всего комплекса особенностей, характерного для данных синтаксических явлений, а именно структурных, семантических и функциональных. При этом в центре внимания должен находиться тот факт, что парантетические внесения — это категория не только отдельно взятого предложения, а категория текста (речи). Более того, надо иметь в виду, что в рамках текста парантетические внесения выполняют текстосвязующую функцию. Исследование проблемы в этой плоскости, возможно, поможет выработке критериев разграничения «вставности» и «вводности».

Далее, парантетическое внесение может представлять собой своеобразную к о м п р е с с и ю информации высказывания. Действительно, любая экспликация парантетического внесения (например, доведение размера однословного парантетического внесения до объема «нормального» предложения) немедленно влечет за собой изменение просодии, позиции, характера предикативности, модальности и т.д. и т.п. При этом резко нарушается поступатель-

ное движение информативного потока и, главное, утрачивается экспрессивность высказывания, а следовательно, уменьшается воздействующая функция текста — важнейшая особенно в тексте художественной литературы. Поэтому, нам представляется, что решение проблемы разграничения «вводности» и «вставности» должно идти в этом русле.

ГЛАВА III

ДИНАМИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС

§ 1
Актуальное членение

Известно, что номинативные составляющие (словосочетания) сами по себе не могут служить подлинными носителями смысловой информации в конкретном акте общения. Они становятся таковыми, лишь поступая в распоряжение «динамического синтаксиса». В этом случае, мы имеем дело с актуальным членением[1], функциональной перспективой высказывания.

На уровне динамического синтаксиса на первый план выступает текст, представляющий собой более или менее сложное высказывание, соотнесенное с действительностью.

Отнесенность информации, заключенной в предложении, к действительности актуализирует каждое предложение в тексте (речи), создает тем самым высказывание.[2] Отнесенность к действительности — признак, характерный для любого текста. Этот признак, наблюдаемый советскими языковедами вначале на уровне предложения, лег в основу учения о категории предикативности. В. В. Виноградов писал: «Таким образом, значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности»[3].

Следовательно, отнесенность содержания текста к действительности опирается на предикативность предложений. Грамматическим выражением ее служат категории времени, модальности, лица.

Всякое высказывание включает в себя, как правило, факты, информацию, известные слушающему, и то новое, во имя чего и осуществляется коммуникация. Предварительная информированность слушателя создается как предтекстом, так и предшествующими знаниями о предмете или явлении.

Актуальное членение обычно разделяет определенный

отрезок текста, например, предложение, на два информативных элемента: т е м у (известное) и р е м у (новое).[4] Такое членение может совпадать с синтаксическим членением на подлежащее и сказуемое (однако, это бывает не всегда). Языковыми средствами актуального членения обычно выступают: просодические (интонация), синтаксические (порядок слов) и лексические средства (артикли, местоимения, наречия и др.). Противопоставление: тема — рема (или экспрессивный вариант порядка их следования: рема — тема) осуществляется в устной речи с помощью предицирующей паузы как главного просодического средства выражения предикативной связи. Н. П. Гаман дает следующее определение термина «предицирующая пауза»: «семиологическое средство, которое используется говорящим в соответствии с его намерением представить одни элементы высказывания как исходные, данные, менее важные, а другие — как собственно цель сообщения, как то новое, ради чего состоялся акт коммуникации»[5].

Предицирующая пауза приобретает особое значение там, где без нее трудно было бы понять смысл высказывания: она сигнализирует конец предыдущей и начало последующей, коммуникативно наиболее важной части высказывания, т.е. выполняет смыслоразличительную функцию, ср.:

> And so too in his narrative poems and he wrote a number of narrative poems a number of poems that told stories the important element as far as his poetry is concerned the sort of thing that we remember and that makes the impression on us † are the detailed pictures that come out of it.
>
> (из лекции)

В процессе высказывания актуальное членение может изменяться (именно этот фактор особенно важен для плана выражения динамического синтаксиса). При подобном изменении говорящий не свободен в выборе позиции предицирующей паузы. Он вводит ее там, где этого требует структура высказывания и общие цели коммуникации, в том числе и экспрессивные, ср.:

T

(1) In that case **the best thing to get us dry** † *would*

R

be a causus race.

T
(2) **The letter she wrote on this occasion** † *gave*
R
Elizabeth some pain.

T
(3) **His first book of poems** † *was written with Coleridge in 1798.*

R
(4) **The table** *was a large one* † **but the Mards**
T
Hare, the Dormouse and the Mad Hatter *were all crowded together at one corner of it.*

В примере (4) рема предшествует теме — это более экспрессивный вариант построения высказывания.

В сочетании с предицирующей паузой как средством актуального членения могут выступать и синтаксические средства. Например, изменение порядка слов в целях экспрессивности (в нейтральном предложении тема обычно предшествует реме), именно, вынесение ремы в начальную позицию, ср.:

To be or not to be, that is the question.
(W. Shakespeare, The Hamlet.)

I was happier then. **Twentyeight** I was.
(J. Joyce, Ulysses.)

Hard time she must have with him.
(Там же.)

Иногда, также в целях придания высказыванию экспрессивности происходят и другие синтаксические преобразования, ср.:

A merchant, Stephen said, is one who buys cheap and sell dear...
(Там же.)

It *was* just **the house** one would want someone else to have.
(E. Waugh, Work Suspended.)

But what do you say about the return to Life and Nature? **This is the panacea** that is always being recommended to us.
(O. Wilde, The Decay of Lying.)

> **Welsh blood,** you know; it makes people very emotional.
>
> (E. Waugh, Decline and Fall.)

> If I'd stayed at the Bar I'd have been a rich man by now. 'Rest, rest and riches,' he said — **it's only after forty-one** begins to value things of that kind.
>
> (E. Waugh, Decline and Fall.)

> **They are of pure Iberian stock** — the aboriginal inhabitants of Europe who survive only in Portugal and the Basque district.
>
> (Там же.)

> **It soared,** a bird, it held its flight, a swift pure cry, soar silver orb it leaped serene, speeding sustained, to come, don't spin it out too...
>
> (J. Joyce, Ulysses.)

Для изменения структуры предложения с целью постановки на последнее место слова, выражающего рему, могут использоваться в начальной позиции выделительные обстоятельственные слова, ср.:

> **Now** this, I know, is not the usually received opinion.
>
> (H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

Средством рематизации может выступать существительное с неопределенным артиклем:

> It must be a **movement** then, **an actuality** of the possible as possible.
>
> (J. Joyce, Ulysses.)

особенно в начальной позиции:

> **A poem** is the very image of life expressed in its eternal truth.
>
> (P.B. Shelley, A Defence of Poetry.)

> **A stout elderly woman** dressed in a tweed coat and skirt and jaunty Tyrolean hat advanced to the Doctor.
>
> (E. Waugh, Decline and Fall.)

Носителями ремы могут быть придаточные предложения, ср.:

Gradually this visual method of communication became linked to language; the symbols came to be attached to items in the language, **which now replaced their original non-linguistic referents.**

(M. Halliday, The Linguistic Sciences and Language Teaching.)

The situation is further complicated if it is assumed that this 'word' is also invariably the unit **we identify as the lexical item.**

(Там же.)

In this section we shall draw attention to certain features **which we feel to be important characteristics of our analysis,** and explain the terminology **which we make use of in the discussion of our texts.**

(D. Crystal.)

Уже отмечалось выше, что сильным эмфатическим средством при актуальном членении является порядок слов (его изменение и соответствующие синтаксические преобразования). При этом всегда присутствует — как неотъемлемое средство оформления предложения — интонация, сообщающая ему ту или иную степень эмоциональной насыщенности.

Особую, экспрессивную роль играют в этом плане парцеллированные конструкции и парантетические внесения (см. выше, с. 29).

Парцелляты парцеллированных конструкций выступают в качестве вторичной ремы, ср.:

But for that night, at any rate, he was secure. For he had revealed to us that he was staying in the club.

He hadn't been scared then. ...

He had once. When he was still a kid.

(The Best American Short Stories.)

Did they pay you?

They paid her. Fifty pounds. She needed the money badly.

(Там же.)

Что касается парантетических внесений, то конструктивно они могут входить либо в состав темы,[6] ср.:

But Micawber and Swiveller (especially the latter) are true to the tenor of life; † they see the humor of their own exaggerations, they live avowedly on their own good spirits.

(G.K. Chesterton, As Large as Life in Dickens.)

It is, it seems, a very coarse and shocking circumstance, that some of the characters in these pages † are chosen from the most criminal and degraded of London's population; ...

(Ch. Dickens, Preface to the Third Edition of Oliver Twist.)

либо в состав ремы, ср.:

And I think it is just in this, that the novel is not simply a fictitious record of conduct, † but also a study and judgement of conduct, and through that of the ideas that lead to conduct, that the real and increasing value — or perhaps to avoid controversy I had better say the real and in increasing importance — of the novel and of the novelist in modern life comes in.

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

Well, so far as the stage goes, I think it is a very charming and exciting form of human activity, a display of actions and surprises of the most moving and impressive sort; † but beyond the opportunity it affords for saying startling and thought-provoking things — opportunities Mr. Shaw, for example, has worked to the utmost limit — I do not say that the drama does much to enlarge our sympathies and add to our stock of motive ideas.

(Там же.)

Иногда рематическая часть включает несколько парантетических внесений, ср.:

We cannot help seeing, that besides a vast number of people, who (poor souls!) are sordid and brutal of mind and habits, and have had no chance or choice in the matter, † there are many high-minded, thoughtful, and cultivated men who inwardly think the arts to be a foolish accident of civilization — nay, worse

perhaps, a nuisance, a disease, a hindrance to human progress.

(W. Morris, The Art of the People.)

Парантетические внесения могут одновременно содержаться и в тематической и рематической части, ср.:

> The rules of morality, moral rules, are not (except, as we have noted, peripherally) formally *made*, as rules of law often are, by any authoritative rule-making person or body; † they must presumably be thought of rather, perhaps like the rules of some games, as being simply informally *recognized* by those whose conduct they are to guide and influence.
>
> (G.J. Warnock, The Object of Morality.)

Использование протяженных парантетических внесений приводит к тому, что либо вся тема, либо ее часть повторяется после вставки:

> **At the centre** perhaps (though it's metaphorical of course, but one must use metaphors) **at the centre** we might say † we have the grammatical structure of the language the grammatical rules the grammatical concepts (which we shall be talking about in these classes later or this term and next term). And we have the lexicon, the word-stock.
>
> (I. Robinson, Introduction to General Linguistics.)
>
> **Flaubert** — whom he also loved and who perhaps was the only man whom he really and permanently loved since they were both mighty hunters before the Lord of one thing or another — **Flaubert**, then, † evolved the maxim that the creative artist as Creator must be indifferently impartial between all his characters.
>
> (Ford Madox Ford, Turgenev.)

Подобный прием обеспечивает более тесную логическую связь темы с ремой.

Очень часто парантетическое внесение является внешним признаком отграничения темы от ремы, делая тем самым актуальное членение предложения либо более четким, ср.:

> I admit, **however**, that he set far to high a value on modernity of form, ...
> (O. Wilde, The Decay of Lying.);

либо «затемненным» вследствие своей протяженности:

> Bumble is a magnificent figure of the follies and cruelties of ignorance in office — **I would have every candidate for the post of workhouse master pass a severe examination upon "Oliver Twist"** — but it is not only caricature and satire I demand.
> (H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

Парантетические внесения, будучи своего рода обособлениями, оформляют, как отмечалось, различные авторские отступления — ответвления от основной линии повествования, способствуя тем самым поступательному движению информационного потока — они обогащают содержательную и экспрессивную сторону высказывания.

В аспекте актуального членения следует отметить определенную закономерность (это, впрочем, согласуется с характером информативной структуры темы и ремы), что парантетические внесения категорий о т с ы л к и и экземплификации обычно функционируют в тематической части, расширяют ее, создавая у читателя/слушателя определенный фонд общих знаний, увеличивая его осведомленность путем соотнесения содержания темы с предтекстом, со всем предшествующим повествованием, с ситуацией, ср.:

> A Beethoven symphony (except the articulate part of the ninth) expresses noble feeling, but no thought: + it had moods, but no ideas.
> (B. Shaw, The Quintessence of Ibsenism.)

> The two poems (*The Brothers* and *Michael*) were written with a view to show + that men who do not wear fine clothes can feel deeply ... .
> (A. West, T.S. Eliot as Critic.)

> ... there was an enormous Worcester tea service — a wedding present —+ which was known as 'Academy cups';...
> (E. Waugh, Work Suspended.)

> Dear Simon Lent (a form of address, he had noted before, largely favoured by the theatrical profession), I wonder † whether you have ever considered writing for the Films.
>
> (E. Waugh, Excursion in Reality.)

Ср. также в сложных предложениях:

> When Mrs Kent-Cumberland's eldest son was born (in an expensive London nursing home) † there was a bonfire on Tomb Beacon; it consumed three barrels of tar, an immense catafalque of timber, and, as things turned out — for the flames spread briskly in the dry gorse and loyal tenantry were to tipsy to extinguish them — the entire vegetation of Tomb Hill.
>
> (Там же.)

Парантетические внесения, относящиеся к делиберативной категории, могут присутствовать как в тематической части, ср.:

> Eliot's social-critical positions — the belief that the preservation of culture, which he has tended to interpret very narrowly, depends upon a small élite, the increasing stress laid upon the importance of authority and tradition — † have proved deadening both to himself and to those readers who have been so misguided as to swallow him whole.
>
> (A.L. Morton, T.S. Eliot — a Personal View.);

так и в рематической, ср.:

> Mr. Joyce's attempt is most interesting both for its achievement and for the influence it must have; † the achievement, I am convinced, is remarkable, its influence, I fear, may be deplorable.
>
> (R. Aldington, The Influence of Mr. James Joyce.)

Делиберативные парантетические внесения, будучи часто по своей природе экспрессивно окрашенными, привносят экспрессию либо в тему, либо в рему, ср.:

> The enduring part of them — the truth which each only imperfectly veils — should abide with him as the most precious of his possessions, but they all: †

> Realism, Romanticism, Naturalism, even the unofficial sentimentalism (which, like the poor, is exceedingly difficult to get rid of), all these gods must, after a short period of fellowship, abandon him — even on the very threshold of the temple — to the stammerings of his conscience and to the outspoken consciousness of the difficulties of his work.
> (J. Conrad, Preface to "The Nigger of the 'Narcissus'".)

Итак, задача проведенного выше анализа состояла в том, чтобы продемонстрировать некоторые средства, с помощью которых осуществляется актуальное членение предложения, и главное, его экспрессивный вариант.

Ясно, что выразительность текста в значительной мере обусловливается выразительностью составляющих его предложений. При этом, как известно, не только расположение предложений в тексте в определенной (значимой) последовательности, но и порядок слов, связанный с тема-рематической организацией, играют решающую роль, ср. актуальное членение в связном тексте:

> What I should like to do in this short article is † to consider a problem in the teaching of English which has come into particular prominence over the past few years; and to suggest a way in which it might be resolved.
>
> The problem is that students, and especially students in developing countries, who have received several years of formal English teaching, † frequently remain deficient in the ability to actually use the language, and to understand its use, in normal communication, whether in the spoken or the written mode.
>
> The problem has come into prominence in recent years because, as a result of an enormous increase in educational opportunity, large numbers of students in developing countries are entering universities and technical institutions to take up subjects which can only be satisfactorily studied if the students are able to read textbooks in English efficiently. Efficient reading involves understanding how language operates in communication, † and it is precisely this understanding which students appear not to acquire during

their years of learning English in the secondary schools.

It seems generally to be assumed that the reason for this state of affairs is that secondary-school teachers do not do their job properly, † they do not follow the approach to English teaching which is taught to them in training colleges and in service courses, and which is embodied in the prescribed textbooks. The assumption is that if only teachers could be persuaded to put this approach into practice, † then the problem would disappear. It is seldom † that the validity of the recommended approach is called into question what I want to suggest is † that the root of the problem is to be found, in fact, in the approach itself.

(H. Widdowson, The Teaching of English as Communication. — In: The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford, 1979.)

§ 2
Парцелляция речевого потока

Явление парцелляции относится к языковым универсалиям. Оно исследовалось на материале различных языков.

В связи с изучением текста, способов его членения и организации проблема парцелляции стала одной из актуальных в исследовании синтаксиса.

Термин «парцелляция» восходит к французскому слову parceller, что значит «делить, дробить на части», он применяется для обозначения способа членения текста. При этом, как отмечает большинство исследователей этой проблемы, парцелляция относится к области экспрессивного синтаксиса.

Парцелляция не имеет в лингвистической литературе полного и однозначного определения, что, несомненно, связано с многоплановостью самого явления парцелляции и с различием подходов к ее исследованию.

Так, в «Грамматике современного русского литературного языка»[7] мы находим следующее толкование: «Интонационное расчленение словосочетания в составе предложения может по своему ритмико-мелодическому качеству совпадать с интонационным членением между отдельными

предложениями. Тогда возникает явление так называемой парцелляции, т.е. такое интонационное — а очень часто и позиционное — вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчлененный и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного высказывания».

В работах Ю. В. Ванникова под «парцелляцией» понимается «такой способ речевого членения единой синтаксической структуры, т.е. предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, т.е. фразах»[8].

В. Г. Гак рассматривает парцелляцию как промежуточную форму между предложением и сверхфразовым единством и определяет ее как оформление одного высказывания в ряде интонационно обособленных отрезков. На письме эти речевые единицы отделяются точками, как самостоятельные предложения[9]. Основное семантическое назначение парцелляции он видит в отношении добавления, в структурном плане — это присоединение (парцеллят не соотносится структурно ни с каким элементом базовой структуры). Говоря о функционировании парцеллированных конструкций, В. Г. Гак указывает на их способность «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативным заданием высказывания». Парцеллят выражает рему высказывания, подытоживает мысль, уточняет сказанное[10].

Н. К. Филонова понимает под парцелляцией обусловленное коммуникативной интенцией говорящего членение высказывания на две и более части[11].

Парцелляция в «Теоретической грамматике современного английского языка» рассматривается как частный случай обособления, т.е. такого смыслового выделения, при котором обособленный элемент вычленяется в отдельное предложение.[12]

> 'Allow me, mademoiselle, to congratulate you upon your French accent. And to wish you a very good morning'.
>
> (A. Christie.)

And that was true. It was true. This was her world.

Her own place. Her fitted envelope of atmosphere.
(Ch. Dickens.)

The shopman, in some dim cavern of his mind, may have dared to think so too. For he took a pencil, leant over the counter and his pale bloodless fingers crept timidly towards those rosy, flashing ones, as he murmured gently.

(K. Mansfield.)

Сущность парцелляции, по мнению Е. А. Иванчиковой, состоит в расчленении синтаксически связного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки, причем Е. А. Иванчикова, считая парцелляцию приемом экспрессивного синтаксиса, относит его лишь к сфере письменного литературного языка.[13]

Синтактико-стилистическим вариантом полного предложения, возникшим как результат его синтаксического преобразования, считает парцелляцию В. Н. Стрельцов. Он относит парцелляцию к приемам членения письменного языка.[14]

Перечисление взглядов исследователей на природу парцелляции можно было бы продолжить, однако, исследование этого явления идет в основном по двум линиям:

Языковеды, изучающие парцелляцию в структурно-семантическом плане, обращают внимание, как правило, на особенности парцеллированных конструкций с точки зрения позиции и средств связи парцеллятов с базовой частью, большей или меньшей степени их семантической спаянности, с точки зрения состава и синтаксического статуса парцеллятов.

Так, Ж. Бояджиев под парцеллятом понимает сильно обособленный член, например, парцеллят—определение:

Я много сил отдал своему циклу. Устал от работы. Тяжелой и спорной=(...). Устал от тяжелой и спорной работы; Зайдите в любое время на перерыве в Лесоводскую школу — всегда увидите Шмигелей в окружении ребят. Поющих, веселящихся=(...) всегда увидите Шмигелей в окружении поющих, веселящихся ребят.[15]

Во французском языке:

Un homme, donc, qui avait des raisons d'attendre

paisiblement quelques satisfactions de l'avenir. Jeune et gai=Un homme jeune et gai (...); On avait amené une femme. Affreuse. Tout à fait vulgaire ... . Entre deux âges=On avait amené une femme affreuse tout à fait vulgaire, entre deux âges.

парцеллят—приложение:

Опасны для людей и другие пауки. Клюбионы, прыгуны, тарантулы, крестовики; Собрались все наши сотрудники. Кинооператоры, фотографы, механики, руководители отделов.

Или во французском:

J'ai de bons copains. Des jeunes. Français et immigrés.

Парцеллят—предикативный член:

Она среднего роста, худенькая. Смуглая. Son ton est extraordinairement calme. Tranquille. Leur lutte est normale. Juste; Pourtant ils sont bien là. Tout de noir vêtus; D'habitude une première journée d'audience n'est qu'un round d'observation. Une partie remise.

Парцеллят—дополнение:

Отлично понимая вес и силу влияния средств массовой информации, он старался как можно шире использовать их. Особенно радио и телевидение.

Elle a été déportée. Avec sa mère.

Мамедкул Мурадович любит свое дело. Свой «Рамит». Свой заповедник. Его реки, деревья, небо, зверей; Он занимался историей и этнографией. Психологией и социологией. Живописью и музыкой;

Парцеллят—обстоятельственное определение:

Петр Семенович ответил сразу. Веско. Убедительно; Сменяются поколения, оставляя после себя Историю. В рукописях, полотнах, в статуях и дворцах; По Праге нужно ходить пешком. Одному (...). По Праге нужно бродить. Бесцельно; Ведь и потом его искали. Уже не враги — верные потомки. В кон-

це XVIII века. В 1801 году, в 1875, 1880, 1901 годах. Безрезультатно.

Il parle. Longuement; Quand on entre, ils sont déjà là. A leur table d'écolier.

Г. А. Золотова приводит примеры своеобразных парцеллятов—служебных слов:

Тут тебе гусь во всех видах — с потрохами и без, и даже живой. Решить должен коллектив шахты, взвесив все «за» и «против». Придется переписать. Во избежание.[16]

Превращаться в парцелляты, как мы видели, могут по своему синтаксическому статусу различные единицы: определение, приложение, именная часть составного сказуемого, дополнение, обстоятельство любого содержания, сравнение и даже само подлежащее. Это если ограничивать сферу действия парцелляции предложением. Однако в рамках высказывания, и это важно отметить, обособляется п р е д л о ж е н и е, его обособленность наиболее отчетливо выражается просодически и обозначается посредством особого знака препинания,[17] точки (англ. period).

Этой проблемой занимался Ив. Хаджов, который выделил так называемую «ускоренную точку» — точку, постановка которой определяется своеобразием выбора говорящего.

Е. Георгиева в своих работах останавливалась как на частных вопросах парцеллирования, так и пыталась придти к некоторым обобщениям в этой области[18]. Другие исследователи обращали внимание на тот факт, что первоначальный строй высказывания может подвергаться изменениям, исходя из определенных стилистических заданий. Они рассматривали разные виды стилистических повторов, которые связаны с этим явлением[19]. При помощи обособления тех или иных частей более привычные формы построения речи могут разрушаться. Они указывают, что с помощью того или иного вида парцелляции достигаются различные стилистические эффекты.

Из представленных точек зрения на вопросы парцелляции следует особо отметить точку зрения М. Я. Блоха[20] на сущность данного явления.

М. Я. Блох различает кумуляцию (cumulation) и парцелляцию (parcellation). Осуществляется парцелляция в

устной речи при помощи тона финального завершения, а на письме посредством точки. Он также указывает на эмфатическую функцию парцелляции. Приведем его пример, раскрывающий семантико-стилистические функции кумулемы ("this kind of transposition adds topical significance to the sequential parcella"):

> There was a sort of community pride attached to it now. **Or shame at its unavoidability.**
>
> (E. Stephens.)
>
> Why be so insistent, Jim? If he doesn't want to tell you.
>
> (J. O'Hara.)
>
> I realized I didn't feel one way or another about him. Then. I do now.

Возникший благодаря такому членению синтактико-стилистический эффект полностью утрачивается, если парцелляция сменяется глобализацией:

> There was a sort of community pride attached to it now or shame at its unavoidability... Why be so insistent Jim, if he doesn't want to tell you?... I didn't feel one way or another about him then.

Анализ парцеллированных конструкций с точки зрения семантики приводит ряд исследователей к выводу, что предложение и его парцеллированный «эквивалент» обнаруживают полное семантическое тождество.

Исследователи, изучающие парцеллированные конструкции в функционально-стилистическом аспекте, единодушно отмечают, что парцелляция — это прием экспрессивного синтаксиса, заключающийся в членении структуры п р е д л о ж е н и я на несколько интонационно-обособленных частей в целях создания определенных стилистических эффектов, что парцеллированное и непарцеллированное предложения относятся друг к другу как стилистические варианты. Подчеркивается, что с помощью парцелляции достигается экономия языковых средств, которая проявлается, с одной стороны, в соответствии одной единицы плана выражения нескольким единицам плана содержания, с другой стороны — в компрессии тождественных единиц плана выражения[21].

При обсуждении вопроса связи единодушно отмечается, что парцеллят от базовой части отделяется в первую очередь интонационно. Что касается средств, оформляющих на письме элементы данного членения, то единообразия взглядов здесь также нет. Так, одни считают, что базовая часть отделяется на письме точкой (а запятая и тире отделяют обособленные обороты), другие утверждают, что парцелляция может графически изображаться не только точкой, но и запятой[22]:

> Their smell came to him faintly, a smell that reminded him of hill-sides in Greece.
>
> (A. Christie.)

Употребление разных знаков препинания указывает на разную степень обособления, что, безусловно, выражается в просодии:

> I have certain information. Information I want to preserve.
>
> (A. Christie.)

Данный выше обзор некоторых концепций позволяет отметить еще одно, на наш взгляд, важное расхождение в подходах исследователей к парцелляции, а именно, одни считают парцелляцию речевым явлением, предлагая говорить не о парцелляции предложений различных структурных типов, а о парцелляции высказываний[23], другие ограничивают сферу парцелляции предложением[24]. Наряду с исследованием явления парцелляции, тех или иных ее аспектов, затрагиваются и вопросы, связанные с принципами отграничения парцелляции от таких близких ей явлений как обособление, эллипсис, присоединение[25].

К. А. Рогова приводит следующие примеры присоединительных конструкций[26]:

> И мы уже знали, что им исполнено почти все, что было исполнено. Школы построены по селам. Больницы. Библиотеки. Тщательно прослушаны больные.
>
> (С. Залыгин.)

Автор говорит, что в подобных случаях присоединение членов предложения используется для увеличения «инфор-

мативности» предложения и для придания высказыванию разговорного характера.

Г. Я. Солганик, разбирая следующий отрывок, говорит о присоединительных конструкциях, обращает внимание на характер присоединения:

> «Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.»
>
> (А. С. Пушкин, Капитанская дочка.)

Как справедливо указывает Г. Я. Солганик, данный отрывок может быть расчленен на предложения и по-другому, в частности, между первым и вторым предложениями можно поставить союз «и» и образовать сложносочиненное предложение: Мы собрались опять, и Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева. Но в этом случае принципиально изменился бы ритм отрывка: был бы создан плавный темп, противоречащий его стилистическому заданию. Пушкин избрал отрывистый ритм, чтобы создать эффект напряженности, тревожного ожидания; в этом случае присоединение использовано в стилистических целях[27], т.е. присоединение близко к парцелляции.

Некоторые исследователи рассматривают парцелляты как разновидность присоединительных конструкций ввиду сходства их структур, интонации, характера связи, информационной насыщенности и экспрессивности[28]. Что касается соотношения парцелляции и обособления, то они считаются однородными явлениями и разграничиваются лишь с помощью графического критерия. Парцеллят на письме отделяется финальными знаками, а обособление — запятой, тире[29]. Здесь следует добавить, что обособление — парантетическое внесение может отделяться и скобками, ср. выше.

Эллипсис от парцеллята отличается тем, что он — автосемантическая единица, не способная к включению в состав предыдущего предложения[30].

Уже этот краткий перечень взглядов на синтаксические явления, несомненно, близкие между собой, обнаруживает неоднородность критериев в установлении их дифференциальных признаков.

Следует, однако, подчеркнуть — общее у всех этих конструкций то, что они являются элементами, возникающими в результате членения текста[31] с целью придания высказыванию выразительности, и, несомненно, представляют собой объект изучения экспрессивного синтаксиса. Привести для анализа связный текст, демонстрирующий такие явления, как парцелляция (и присоединение), в рамках небольшого пособия не представляется возможным, поэтому мы предлагаем для наблюдения отдельные примеры, заимствованные из произведений художественной литературы:

They always build one door opposite another for the wind to. Way in. Way out.

(J. Joyce, Ulysses.)

Jesus Mario with rougy cheeks, doublet and spindle legs. Hand on this heart.

(Там же.)

They watched the knees, legs, boots vanish. Neck.

(Там же.)

Machines. Smash a man to atoms if they got him caught. Rule the world today. His machineries are pegging away too. Like these, got out of hand: fermenting. Working away, tearing away.

(Там же.)

He hurried on eagerly towards *the Freeman's Journal*. Three bob I lent him in Meagher's. Three weeks. Three hint.

(Там же.)

Refracts (is it?) heat. Let me see. Cider. Yes, bottle of cider.

(Там же.)

'Also they make money out of it.'
'Most of them don't,' said Passini. 'They are too stupid. They do it for nothing. For stupidity.'

(E. Hemingway, A Farewell to Arms.)

ГЛАВА IV

ФРАЗИРОВКА РЕЧЕВОГО ПОТОКА

§ 1
Членение текста на синтагмы

Как известно, фразировка — это способ членения речи с помощью просодических средств, предпринимаемых в целях синтактико-смыслового интерпретирования конкретного произведения речи (текста).[1]

Фразировка речи в рамках данной работы представляет для нас определенный интерес, ибо она имеет наибольшее значение для правильной постановки вопроса о членении текста.

Существует множество разных вариантов фразировки, но выбор того или иного варианта определяется целью анализа. Главным при фразировке речи является установление предельного, далее недробимого, элемента фразировки.

Таким элементом, возникающим как результат синтактико-смыслового членения, выступает синтагма. Синтагма — это наименьшая смысловая единица текста, оформленная просодическими средствами. Среди просодических, супрасегментных средств, реализующих фразировку (а эти средства — паузы, темп, ритм, тон, динамика и др.), важную роль играют паузы (диеремы). Естественно, что членение речи на синтагмы посредством пауз всегда сопровождается соответствующими изменениями мелодического контура и других просодических параметров.

Фразировка тесно связана с целью высказывания. Мы не можем «фразировать» текст до тех пор, пока не будем знать, чтó именно мы хотим передать нашим слушателям.

На примере текста — аналога устного изглашения лекции рассмотрим, какими средствами пользовался лектор в данном случае для смыслового расчленения потока своей речи. Отметим, что данная лекция является примером спонтанной речи. Это не воспроизводство текста, который был подготовлен заранее в письменной форме.

‖ Today I am | going to speak on | Byron, and his poetry | which appears in this book of yours. ‖ His biography is given in the | part of the book on page 649 so I am not going to | give you | dates | and so on about his life. ‖ As you'll see he was born in 1788 | which was a year before the French Revolution | and
[ə]
he | died in 1824 so he was | still a young man. ‖ And all his | life was | in the period | after the French Revolution. ‖ He was not | in the way that | poets
[ə]
like | Wordsworth and Shelley and | Coleridge were. ‖ He was not influenced | by | being a contemporary
[ə]
of the French Revolution | with the | absurdity | of great hope | that came of that revolution | and then
[ə]
the period of | disillusion with the fall of Napoleon. ‖

Во-первых — темп. Он медленный. Это связано с тем, что лекция читается студентам I курса, еще недостаточно хорошо владеющим английским языком. Для того чтобы они могли лучше понять лекцию на английском языке, посвященную такому сложному предмету, как филология, этот текст изглашается намного медленнее, — обращаясь к квалифицированной аудитории лектор, естественно, ускорил бы темп своей речи.

Именно лекция для студентов I курса наглядно показывает прагмалингвистическую ориентацию лектора, думающего, прежде всего, об аудитории, знания языка которой принимаются как элементарные. Лектор буквально взвешивает каждое слово.

Во-вторых, нарочи́то медленный темп обусловливает и соответствующее членение текста на синтагмы, и оно выглядит следующим образом:

Today I am | going to speak on | Byron, and his poetry | which appears in this book of yours.

Однако фразировка — это членение на синтагмы, а если синтагма — синтактико-смысловая категория, то естественной фразировкой этого фрагмента, по-видимому, должно

было бы быть следующее: Today | I am going to speak | on Byron. Следовательно, разделение, например, "am" и "going" — своего рода прием, примененный лектором, чтобы сделать текст доходчивым, легче воспринимаемым.

Эти же причины побудили лектора выделить "going to speak on" в отдельную синтагму. Пауза после "to" указывает на то, что лектор искал более употребительное, известное студентам слово "give" вместо "adduce". Поэтому фразировка, неприемлемая с синтаксической точки зрения, оправдана в смысловом отношении.

Далее, "poetry" отделено от "which appears" благодаря паузе нерешительности. Говорящий как бы не вполне уверен, какое слово ему следует употребить: "chapter", "section" или какое-либо иное, известное, на его взгляд, студентам.

В предложении "His biography is given in the | part
[ə:]
of the book on page 649 so I am not going to | give you | dates and so on about his life"

"part of the book on page 649 so I am not going to" выступает как неразрывное целое. Причиной этому является то, что здесь не дается ничего нового с точки зрения информации.

Пауза после "to" объясняется выбором нужного слова: из глаголов explain, recite, give лектор опять выбирает "give".

As you'll see he was born in 1788 | which was a
[ə]
year before the French Revolution | and he | died in 1824 so he was | still a young man.

Членение анализируемого фрагмента, расстановка пауз, как немых, так и вокализованных, продиктовано стремлением сделать речь понятной.

Реализацией паузы перед "died" говорящий выделяет это слово. Возможно, он решил его выделить для того, чтобы установить более прямую связь между датами рождения и смерти поэта. Пауза перед "still" также легко объясняется психолингвистически обусловленным выделением этого слова.

And all his | life was | in the period | after the French Revolution.

Пауза перед "life" объясняется тем обстоятельством, что, поскольку уже было сказано о датах рождения и смерти поэта, "life" естественно приобретает обусловленную «проминантность».

Пауза после "was" также вполне оправдана «непредсказуемостью» слова, которое должно было определить этот период.

> He was not | in the way that | poets like | Wordsworth and Shelley and [ə] | Coleridge were. ‖ He was not influenced | by | being a contemporary of the French Revolution...

Пауза после "by" объясняется тем, что лектор стоит перед выбором следующего слова («словосочетания») — "current views", "tendencies" и др. В конце концов, он останавливается на "by being a contemporary of the French Revolution". Понятно, что оратору потребовалось некоторое время для того, чтобы принять это, а не другое решение.

Итак, анализ текста подтверждает, что членение текста на синтагмы обусловлено интенцией лектора довести до сознания слушателей именно с м ы с л высказывания.

§ 2
Ритмическая организация текста

Ранее[1] мы отмечали значение просодии для синтаксических категоризаций, подчеркивая, что та или иная просодическая форма определяет то или иное синтаксическое функционирование некоей синтагматической единицы, ее экспрессивный аспект. В этом, последнем аспекте первостепенную важность в плане выражения имеет р и т м. Ритмическая организация речи — языковая универсалия. Она связана во многом с биоритмом человека и ритмом окружающей природы. Р и т м в тексте — это периодическое чередование различных по длительности структурных единиц, создающее упорядоченную ритмико-мелодическую систему текста.

Как известно, правильная ритмическая организованность речи имеет очень большое значение для ее адекватного восприятия. Напротив, нарушение ритма, его беспорядочность затрудняют восприятие речи.

Ритмическое членение текста, как всякое иное членение, предполагает наличие единиц ритма. Мельчайшей единицей ритмического членения принято считать ритмическую группу (stress-timed-rhythm). Ударный слог образует ядро ритмической группы. Часто оно совпадает с синтагмой. Сложная ритмическая группа содержит два и более ударных слогов; как правило, это бывают словосочетания, фразы.

Сам ритм формируется не только просодией, но и языковыми средствами. Однако просодия оформляет эти языковые средства в определенные однородные единицы, которые, периодически чередуясь в речевом отрезке, обеспечивают его определенную упорядоченность, а это означает, что ритм конституирует, организует речь (текст).

Изучение закономерностей построения текста поставило ряд проблем, связанных с организацией текста, с выявлением, как мы уже отмечали выше, разного рода признаков, осуществляющих целостность и связанность текста. Ритм текста относится к таким текстосвязующим, текстообразующим средствам.

Обычно, говоря о ритме текста, ассоциируют его с текстом стихотворным. Однако проза также ритмична. Академик В. М. Жирмунский предлагает различать ритм как естественное свойство речи вообще и ритм как средство художественного воздействия (который основывается на употреблении параллельных синтаксических конструкций и различных повторов)[2].

Каждому отрезку речи (тексту) присущ свой ритм: устная, разговорная речь отличается разнообразным ритмическим рисунком. Здесь ритмообразующую функцию выполняют различные по своей сложности ритмические единицы.

Текст научного регистра (особенно письменный) имеет более стабильный ритмический характер. Ритм в научном тексте воссоздает и имитирует движение мысли ученого, автора, лектора.[3]

Рассмотрим на примере анализа текста научного регистра некоторые его ритмические особенности.

Исходя из синтагматического членения речи, выделяют шесть типов ритмической организации речевого потока[4].

Текст может быть ритмически монотонным, если он состоит из синтагм примерно одинаковой длительности:

> Rhythmless speech or writing | is like the flow of liquid | from a pipe or a tap: | it runs with smooth monotony | from when it is turned on | to when it is turned off | provided it is clear stuff; | if it is turbid | the smooth flow | is queerly and abruptly checked | from time to time | and then resumed. | Rhythmic speech or writing | is like waves of the sea, | connected yet separate, | like but different, | suggestive of some law, | too complex of analysis, | controlling the relations | between wave and wave; | waves and sea, | phrase and phrase, | phrase and speech.

Монотонность речи обусловлена использованием здесь приема синтаксического параллелизма, аналогичного построения синтагм.

Следующий тип ритмического построения речи — н е к о м п а к т н ы й:

> In that sense it has become a form of standard English; | and for that reason, | I would be in favour of dropping the rather meaningless term "Received Pronunciation" | and adopting | (or rather returning to) | a term like "Standard English" | or "Standard British English".

Короткие синтагмы одинаковой продолжительности составляют о т р ы в и с т у ю ритмическую структуру:

> As readers, | most of us, | to some degree, | are like those urchines, | who pencil moustaches | on faces of girls | in advertisements.

Чередованием длинных и коротких синтагм создается п е р е м е н н ы й ритм:

> In literature, | vulgarity is preferable to nullity, | just as grocer's port | is preferable to distilled water. || The relationship between expression and content, | "form" and "meaning" | in natural human languages | is not reducible to a simple one-to-one correspondence.

Существует также так называемая, к о л ь ц е в а я ритмическая структура, когда текст начинается с нескольких равносложных длинных, либо коротких синтагм, за-

тем появляется несколько длинных или коротких синтагм, а в конце используются синтагмы, равные по длине начальным:

> The interests of a writer and the interests of his readers are never the same, | and if, | on occasion, | they happen to coincide, | this is a lucky accident. | Habitual incongruence of functioning | is a sign of labile or traditional state in the given part of the system.

Постепенно возрастающая или убывающая длительность синтагм образует п о с т е п е н н ы й ритм:

> I do not think | anyone writes so well | that he cannot learn much from it.

Преобладание в тексте одного из указанных типов ритма делает текст трудным для чтения и восприятия. Поэтому в целях экспрессивности для текстов научного регистра предпочтительным является «ритмически сбалансированное разнообразие».

Выбор определенного ритма зависит также и от цели и предмета того или иного текста. В целом тексты научной прозы могут носить чисто информативный характер, когда автор излагает уже твердо установленные положения, как, например:

> What a man actually says in a given speech situation | is at that moment a dominant process in the working of his "set", | and perhaps also a dominant factor or term in the situation. | The rest of his appropriate "set" | may be called | anterior processes of various degrees of relevance, | and the other terms of the situation, | nonverbal constituents. | The notion of relevance | is always a great practical test of language. | In framing educational language policy | it is of the highest importance | that the following factors should be taken into consideration: | the flesh and blood, | the kith and kin, | the actual stages of growth in the long process of social incorporation from lying and sleeping, | through the sitting | — up stage, | crawling about, | walking alone away from home, | pre-school freedom, | various stages of school, | puberty, | adolescence, | to adult responsibility.

Ритм здесь подчинен задаче сообщения — информации.

Если целью автора является раскрытие самого процесса мышления, имитация движения мысли, желание вовлечь в этот процесс слушателя/читателя, то изменяется и весь ритм текста, например:

> But one might also starting from just the same point, | proceed in what is, | in a sense, | quite the opposite direction. | If — one might say | — on the strength of noting the various sorts of changes which, | it is admitted, | do occur, | one concludes | that "moral concept change", | one is tacitly making an unargued, | and | perhaps | unplausible assumption ...

Ритм второго отрывка может быть охарактеризован как экспрессивный, изобилующий парантетическими внесениями, вводящий читателя в научную лабораторию ученого.

В тексте художественной литературы ритм является компонентом стиля и индивидуально-творческого метода писателя. Ритмический характер текста в художественном произведении изменяется в зависимости от движения сюжета, от плана содержания, однако, выполняя в тексте связующую функцию, ритм обеспечивает его целостность. Ритм способствует созданию особого эмоционального настроя, необходимого для восприятия идейно-художественного замысла автора.

Ритмическая организация текста может быть фоном для стилизации повествования, может быть средством создания различных социальных вариантов речи для разного рода художественных эффектов — благозвучия, динамики текста и т.п., т.е. выполнять свою э к с п р е с с и в н у ю функцию.

Основа экспрессивности лежит в существовании разнообразных ритмических единиц (их роль могут выполнять ритмические группы, синтагмы, словосочетания, а в стихотворной речи еще и слог, строка, строфа), в возможности варьирования в рамках текста самого ритма — замены одного его вида на другой, например, плавного на неплавный, монотонного на отрывистый, в замене б ы с т р о г о ритма на м е д л е н н ы й, четкого, чеканного на нечеткий, расплывчатый и т.п.

Ср. ритм отрывков, заимствованных из произведения классика английской литературы XVIII в. Лоренса Стерна:

Unfortunate Strasburgers! was there in the storehouse of nature — was there in the lumberrooms of learning — was there in the great arsenal of chance, one single engine left undrawn forth to torture your curiosities, and stretch your desire, which was not pointed by the hand of fate to play upon your hearts? — I dip not my pen into my ink to excuse the surrender of yourselves — it is to write your panegyric. Shew me a city so macerated with expectation — who neither eat, or drink, or slept, or prayed, or hearkened to the calls either of religion or nature for seven-and-twenty days together, who could have held out one day longer.

On the twenty-eighth the courteous stranger had promised to return to Strasburg.

Seven thousand coaches (Slawkenbergius must certainly have made some mistake in his numerical characters) 7, 000 coaches — 15,000 single-horse chairs — 20,000 waggons, crowded as full as they could all hold with senators, counsellors, syndics — beguines, widows, wives, virgins, canons, concubines, all in their coaches — The abbess of Quedlinburg, with the prioress, the deaness, and subchantress leading the procession in one coach, and the dean of Strasburg, with the four great dignitaries of his chapter, on her left-hand — the rest following higglety-pigglety as they could; some on horse-back — some on foot — some led — some driven — some down the Rhine — some this way — some that — all set out at sunrise to meet the courteous stranger on the road. ...

In all my ten tales, in all my ten decads, have I Slawkenbergius, tried down every tale of them as tightly to this rule, as I have done this of the stranger and his nose.

(Laurence Sterne, The Life and Opinions of Tristram Shandy Gentleman.)

... There was a frankness in my uncle Toby, — not the *effect* of familiarity, — but the *cause* of it, — which let you at once into his soul, and shewed you the goodness of his nature; to this, there was something in his looks, and voice, and manner, superadded,

which eternally beckoned to the unfortunate to come and take shelter under him; so that before my uncle Toby had half finished the kind offers he was making to the father, had the son insensibly pressed up close to his knees, and had taken hold of the breast of his coat, and was pulling it towards him. — The blood and spirits of Le Fever, which were waxing cold and slow within him, and were retreating to their last citadel, the heart, — rallied back, — the film forsook his eyes for a moment, — he looked up wishfully in my uncle Toby's face, — then cast a look upon his boy, — and that *ligament*, fine as it was, — was never broken. —

Nature instantly ebbed again, — the film returned to its place, — the pulse fluttered — stopped — went on — throbbed — stopped again — moved — stopped — shall I go on? — No.

(Там же.)

Короткие предложения, «кинематографическая» манера описания обусловливают и иной характер ритма, ср.:

The road of the pass was hard and smooth and not yet dusty in the early morning. Below were the hills with oak and chestnut trees, and far away below was the sea. On the other side were snowy mountains.

We came down from the pass through wooded country. There were bags of charcoal piled beside the road, and through the trees we saw charcoal-burners' huts. It was Sunday and the road, rising and falling, but always dropping away from the altitude of the pass, went through the scrub woods and through villages.

Outside the villages there were fields with vines. The fields were brown and the vines coarse and thick. The houses were white, and in the streets the men, in their Sunday clothes, were playing bowls. Against the walls of some of the houses there were pear trees, their branches candelabraed against the white walls. The pear trees had been sprayed, and the walls of the houses were stained a metallic blue-green by the spray vapor. There were small clearings around the

villages where the vines grew, and then the woods.
(E. Hemingway, Che Ti Dice La Patria?)

Таким образом, текст и ритм тесно связаны между собой. Изучение ритмической организации речи (текста) позволяет по-иному взглянуть на такие проблемы, как членение текста, установление связи между его частями, типология текстов, способы и средства обеспечения целостности и выразительности текста.

§ 3
Фразировка на письме: семиотика знаков препинания

С проблемой фразировки тесно связана проблема расстановки знаков препинания в письменной речи. Особенно это касается английского языка, где, как известно, нет строго фиксированных правил пунктуации и в последние годы наметились две тенденции так называемой «усиленной» ("overstopping") и «ослабленной» пунктуации ("understopping").

Каждая из существующих литературных традиций предлагает свои правила относительно того, где следует ставить те или иные знаки препинания. Однако эти правила большей частью ограничиваются лишь выражением на письме синтаксических отношений, т.е. выражением при помощи знаков препинания тех отношений между словами и словосочетаниями, которые носят собственно синтаксический характер. Между тем, как известно, функция знаков препинания не сводится лишь к фиксации основных снтаксических отношений. Знаки препинания требуются человеку, творчески воспринимающему язык и умеющему его творчески использовать, учитывая особенности синтактико-смыслового членения, не просто выражать взаимосвязь синтаксических отношений, но и передавать оттенки мысли и чувства.

Анализ текстов художественной литературы показывает, что, например, писатели не ограничиваются употреблением знаков препинания только для передачи на письме собственно синтаксических отношений между частями высказывания. Они (писатели), во всяком случае большинство из них, используют пунктуацию (сознательно или интуитивно) как эффективное средство для передачи смысловых и экспрессивных отношений.

Рассмотрим в качестве примера текст, в котором знаки препинания употреблены для четкого выражения на письме соответствующих синтаксических отношений:

> If you look at the Map of the World, you will see, in the left-hand corner of the Eastern Hemisphere, two Islands lying in the sea. They are England and Scotland from the greater part of these Islands. Ireland is the next in size. The little neighbouring islands, which are so small upon the Map as to be mere dots, are chiefly little bits of Scotland — broken off, I dare say, in the course of a great length of time, by the power of ruthless water.
>
> (Ch. Dickens, A Child's History of England.)

Синтаксическая структура текста предельно ясна, текст читается (воспринимается) легко. Однако эта легкость достигается благодаря «равновесию» между синтаксическими отношениями и их графической (пунктуационной) репрезентацией, которого достиг автор в целях адекватности восприятия. А это как раз и подтверждает положение о том, что установление связи между просодическим выражением синтаксических отношений и их графической репрезентацией с помощью пунктуации чрезвычайно важно.

Выше мы отмечали, что существуют в современной английской филологии две тенденции — «усиленной» и «ослабленной» пунктуации. Приведем высказывания известных филологов, дающие представление об этих разных подходах:

«Пунктуация в таком случае (т.е. ослабленная — О.А.) представляет собой условность, которой придерживается писатель для у д о б с т в а читателя — т о л ь к о э т о и н и ч е г о б о л ь ш е (выделено нами — О.А.). Как и сам язык, с годами она изменялась, мы уже более не ставим знаки препинания так, как это делали Свифт или Джонсон, Хэзлитт или Диккенс. Некоторые различия между современной пунктуацией и пунктуацией трехсотлетней давности — результат исторического развития, другие представляют собой лишь проявления моды.

Хорошая пунктуация всегда должна отражать ход мысли писателя. Слишком малое количество знаков препинания (что сейчас модно) накладывает на читателя нелегкое бремя их интерпретации, а иногда создает много

неясностей и неточностей. Усиленная же пунктуация производит то же впечатление, что и неестественные вариации голоса и преувеличенная жестикуляция в речи».[5]

Под «удобством» в данном случае мы должны, видимо, подразумевать необходимость обеспечить знаками препинания правильное, только с точки зрения смысла, понимание читателем того или иного отрезка текста. При этом отрыв письменной формы языка от устной, как это делает Кэри, ограничивает функцию знаков препинания, оставляя за ней задачу сделать абсолютно ясным построение лишь письменной речи. Однако такой подход, неправильный с нашей точки зрения, основывается на выводе, что лишь небольшая часть читается вслух, остальное же читается глазами. Неприемлемость этого вывода очевидна.

При обсуждении вопросов пунктуации нередко подчеркивается, что употреблять знаки препинания для указания на задержки в потоке речи вообще нельзя «научиться», если следовать лишь некоторому кодексу правил. Трудности в расстановке знаков усугубляются тем, что не только общепринятая практика изменяется со временем, но даже писатели одной и той же литературной эпохи явно обнаруживают различный подход в этом плане.

Преобладающую точку зрения на пунктуацию среди английских филологов можно представить примерно так: правильное употребление запятой — если вообще существует такая вещь, как «правильное» ее употребление,— может быть достигнуто только на основе «здравого смысла» (знаменитого английского "common sense"), подкрепляемого систематическим изучением лучших литературных образцов и хорошим вкусом.

Так, Г. В. Кэри, взявший на себя задачу разъяснения и популяризации основ английской пунктуации, не ограничивается просто упоминанием об определяющих факторах английской пунктуации, а предлагает при выборе знаков препинания на две трети руководствоваться правилами и на одну треть личным вкусом. По мнению многих английских лингвистов, пунктуация представляет собой не науку, а искусство (an art). Отсюда утверждение, что общие правила и предписания в области пунктуации мало результативны, что вообще «чрезмерная» грамматизация и регламентация здесь не желательна.

С этой точки зрения пунктуация приведенного выше

отрывка из книги Диккенса должна быть расценена как «перенасыщенная» знаками препинания, с чем согласиться трудно.

Возникает вопрос, что понимать «под проявлением моды», «под здравым смыслом», «личным вкусом», «искусством». Нам представляется, что за этим кроется ни что иное, как экспрессивная (риторическая) функция знаков препинания, а ее реализация в тексте рассматривается как полная свобода, отсутствие всякой регламентации в расстановке знаков препинания. Однако, мы же, со своей стороны, убеждены в том, что всякая нормализация письменной речи полезна, так как чем больше упорядочивается письменная форма речи, тем лучше для ее оптимизации.

Что касается вопроса реализации экспрессивной функции пунктуации, ее «свободы» и «регламентированности», то его решение тесно связано с разработкой проблемы функций пунктуации, в первую очередь, «грамматической» и «экспрессивной». При этом мы отдаем себе отчет в том, что граница между этими функциями не будет достаточно четкой, ибо в предмет синтаксического исследования мы включаем и ритмическую структуру высказывания. Однако «расплывчатость» границы между этими двумя функциями отнюдь не означает ненадобности каких-либо правил и предписаний при реализации экспрессивной функции пунктуации.

Ведь наметившиеся в английском языке тенденции к «усиленной» и «ослабленной» пунктуации (о них мы говорили выше), следование моде, «личным вкусам» есть не что иное, как своего рода «поиск» в целях обнаружения средств (и, соответственно, правил их употребления) для адекватности восприятия авторской эмоциональной интенции. Неважно, что, например, «ослабленная» пунктуация не самое оптимальное для этого средство, важно то, что знаки препинания (даже в случае их полного отсутствия в тексте) рассматриваются как сильное экспрессивно-стилистическое средство, обладающее неограниченными возможностями нюансирования речи. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, исследуя синтаксическое построение речи (текста), обнаружить закономерности между данным содержанием (в том числе и экспрессивным) и соответствующим семиотическим выражением, а также

установить возможности варьирования в пределах этих закономерностей. Решение этой проблемы в целом — задача сложная и многоплановая, но «поиск» должен идти, несомненно, в этом направлении. При этом подвергаться изучению должен весь комплекс явлений (синтаксических, лексических, просодических и т.п.).

Ниже мы попытаемся установить взаимосвязи между экспрессивно-эмоциональным содержанием и семиотическим средством его выражения на примере анализа парантетических внесений.

Как мы уже отмечали (см. главу II), категория парантетических внесений неоднородна с точки зрения их структуры, выражения модальности, предикации, той (связующей) роли, которую они играют в рамках текста и предложения, а также способности выполнять экспрессивную функцию. Структурно-семантические различия парантетических внесений в самом общем виде нашли отражение в соответствующих категоризациях, которые позволили установить определенные зависимости между структурой, семантикой парантетического внесения и его экспрессивной функцией.

Естественно предположить, что структурно-семантические и функциональные различия, их сложный просодический контур, функционирование диерем, выделяющих парантетические внесения в тексте, должны найти свое выражение в системе семиотических средств. Обычно в этой системе для выделения на письме парантетических внесений указываются: сдвоенные (парные) 1. з а п я т ы е, 2. т и р е, 3. с к о б к и.

Остановимся на случаях употребления с к о б о к как наиболее «сильного» средства.

С синтаксической точки зрения текст художественного произведения включает разнообразные по своей структуре предложения, начиная от односоставных и кончая сложнейшими периодами. Та или иная структура предложения, а также последовательность расположения предложений в тексте продиктованы коммуникативной задачей.

Даже поверхностное наблюдение над структурой художественных текстов позволяет сделать вывод, что в них широко распространены парантетические внесения, оформленные скобками. Это объясняется тем, что для художественного произведения характерны разного рода авторские

отступления, ответвления от основной линии повествования, которые могут быть описанием деталей портрета персонажа, его манеры поведения, переживаний героя, связанных с изображаемыми событиями, различные экскурсы в прошлое и т.д. Содержательная значимость подобных ответвлений и отступлений для художественного текста в целом может быть очень высокой. Она может превосходить значимость основной линии повествования для развития системы образов художественного произведения.

Парантетические внесения с подобным содержанием, выполняя таким образом текстосвязующую функцию, выраженные очень часто достаточно протяженными структурами с присущей им предикативностью, с ярко выраженной модальностью, с экспрессивной окрашенностью, обязательно оформляются скобками. Использование в этих случаях (сдвоенного) тире часто исключено по той причине, что паузы (диеремы) внутри подобных парантетических внесений превышают длительность паузы, выделяющей эти внесения в тексте (а письменный текст, как известно, — аналог устной речи со всей характерной для нее просодией).

Следует отметить определенную взаимозависимость между скобками и сложностью синтаксической структуры парантетического внесения: протяженные синтаксические образования (как мы отмечали выше) оформляются скобками, и благодаря такому обособлению они приобретают относительную самостоятельность как высказывания, значимость содержания таких парантетических внесений становится еще более весомой. Напротив, содержание выделенных скобками кратких синтаксических структур, однодвухсловных воспринимаются (произносятся/читаются) как что-то несущественное, попутно упомянутое, т.е. они утрачивают свою информативную и экспрессивную весомость; оформленные сдвоенными запятыми или тире эти же внесения вносят свою определенную лепту в смысловое и экспрессивное содержание предложения, ср.:

> ‖ 'New Zealand e,lectors | will be 'called upon to,morrow | to 'pass judgement upon the ↘Government | — the 'first ·Labour ·Government in the Do,minion | — which they 'placed in power with a sweeping ma,jority | 'three years a,go. ‖

Заключенная в скобки структура преподносится и, соответственно, воспринимается как нечто несущественное:

> ‖ 'New Zealand e͵lectors | will be 'called upon to/morrow | to 'pass judgement upon the 'Government | **(the ͵first Labour Government in the Do͵minion)** — which they 'placed in power with a sweeping ma͵jority | 'three years a͵go. ‖

В этой связи интересно проанализировать примеры, приводимые Г. В. Кэри.[6] Среди английских пособий по пунктуации его работы выделяются своей разумной и практической направленностью. Кэри не объясняет, а показывает, что, по его мнению, особенно важно для английской пунктуации. Так, он неоднократно подчеркивает, что парные запятые являются эквивалентами скобок, ибо и те и другие осуществляют определенный перерыв в речи, например, в тексте:

> (1) Counsel maintained that the accused, if he had, as was alleged by some, though not the most reliable, of the witnesses for the prosecution, taken the articles in question, had been subject to a temporary lapse of memory as a result of shell-shock sustained during the War.

Выбор знаков препинания должен прежде всего отразить синтаксические отношения: главное предложение "Counsel maintained that | the accused had been subject to a temporary lapse of memory | as a result of shell-shock sustained during the War" состоит из трех частей, которые, однако, не требуют обязательного разделения запятыми. Что же касается условного предложения — "if he had taken the articles in question", — то оно дальше распространяется «внесением» "as was alleged by some of the witnesses for the prosecution", которое, в свою очередь, содержит внесение "though not the most reliable".

Разрешение этой пунктуационной ситуации, по мнению Кэри, должно основываться на идее системы скобок, подобных тем, которые мы находим в алгебраических уравнениях:

> (2) Counsel maintained that the accused [if he had {as was alleged by some (though not the most

reliable) of the witnesses for the prosecution} taken the articles in question] had been subject to ... War.

Замена скобок запятыми дает следующую картину:

(3) Counsel maintained that the accused, if he had, as was alleged by some, though not the most reliable, of the witnesses for the prosecution, taken the article in question, had been subject to a temporary lapse of memory as a result of shell-shock sustained during the War.

Кэри считает, что несмотря на «обилие» запятых такое решение является вполне приемлемым. Спорно лишь выделение запятыми "though not the most reliable". На наш взгляд фрагмент текста, выделенный в (2) квадратными скобками, должен быть выделен круглыми скобками, а необходимость выделения сдвоенными запятыми (а не скобками, которые, по мнению Кэри, «отяжелили» бы высказывание) внесения "though not the most reliable" — у нас сомнения не вызывает, ибо парантетическое внесение, заключенное в квадратные скобки (2), представляет собой протяженное синтаксическое предикативное образование, выражающее условную модальность, осложненную уступительным значением, играющим роль парантетического внесения, и все образование в целом выполняет текстосвязующую функцию.

Более того, разницу между запятыми и скобками в таких ситуациях он пытается еще больше уточнить, подходя к этому различию с разных сторон. Так, например, он говорит, что скобки очень утомительны для чтения, т.е. для зрительного восприятия текста, и поэтому понятно, что при совпадении функций синтаксических образований не следует выбирать более тяжелый способ. При этом Кэри[7] подчеркивает, что скобки, в отличие от запятых, обладают гораздо бо́льшей силой выделения, гораздо отчетливей подчеркивают сугубо подчиненный характер соответствующих частей высказывания, делают эти части менее заметными, препятствуют полному разрыву плавного течения речи, и приводит следующие примеры:

(4) I completed my preliminary survey of Constantinople (as a tripper should) by visiting museums.

(5) The men are dingy and apathetic, and are probably thinking (if they are thinking at all) about something else.

(6) The reliefs were to proceed to Hell Fire Corner (name of ill omen!), where further orders would be issued to them.

(7) The "pueblos" (towns or villages) are still as they were years ago.

Мы солидарны с Кэри в том, что скобки, в отличие от запятых, обладают гораздо бóльшей силой выделения, однако, нельзя согласиться с такими сугубо субъективными критериями, выдвигаемыми им для использования скобок, как «отяжеляющих» высказывания, «утомительных для чтения», «вносимых для разнообразия» и т.п. Анализ текстов, в частности, художественной литературы обнаруживает, что существуют достаточно объективные лингвистические критерии употребления различных семиотических средств (разумеется, нельзя полностью отрицать влияния на выбор знаков субъективных интенций и личных вкусов, но эти критерии, как правило, диктуются эстетическими задачами). Следует отметить, что приводимые выше Кэри примеры, кроме (7), как раз и включают парантетические внесения, содержание которых осложнено модальностью и экспрессивно окрашено, такие внесения, как показывают исследования, выделяются обычно скобками (они же и присутствуют в примерах, приведенных Кэри).[8]

Трудно согласиться с Кэри, что содержание парантетических внесений из-за скобок стало менее заметным (?!), и уж совсем странным кажется утверждение, что эти части «препятствуют» полному разрыву плавного течения речи (ведь разрыв и не должен быть полным! и какой парный семиотический знак обеспечивает этот полный разрыв?).

Что касается тире, то Кэри[9] указывает, что, в отличие от скобок и сдвоенных запятых, тире просто не имеют вполне определенных «прав гражданства» в данной пунктуационной системе. В английской концепции о пунктуации нет четкого указания на то, зачем вообще нужны тире и каково различие в их употреблении по сравнению со скобками и сдвоенными запятыми. Однако сам автор, тем не

менее, убедительно показывает, что в целом ряде случаев употребление тире метасемиотически необходимо:

> ‖ Mrs. ˎGaron, | who had 'holed ╲everything, | 'putted /first | and ╲missed. ‖ Miss Corˏlett | — 'hide your ╲heads and ˌweep, | ˎye ˌnymphs of St. ˎAnne's | — 'missed ╲too. ‖

Ясно, что здесь скобки вместо тире исказили бы оттенки мыслей и эмоций. Выделение данного парантетического внесения, хотя и очень распространенного, но осложненного повелительной модальностью, с помощью тире точно выражает (и, соответственно, позволяет воспринимать) замысел автора. Однако, если бы здесь были употреблены запятые, то нельзя было бы воспользоваться для включения в предложение парантетического внесения длинными паузами и, самое главное, специфическая просодия всего предложения, относящаяся к тембру 2, была бы менее экспрессивной, ср.:

> ‖ Mrs. ˎGaron, | who had 'holed ╲everything, | 'putted /first | and ╲missed, | Miss Corˏlett, ˌhide your ˎheads and ˌweep, | ˎye ˌnymphs of St. ˌAnne's, | 'missed ╲too. ‖

Говоря об установлении различий между использованием тире и скобок, Кэри, в частности, отмечает, что тире создают впечатление «эффекта неожиданности», если слово из предшествующего предложения выделено и затем повторяется с комментариями, то это может служить основанием для употребления тире:

> With the exception of the overdrafts of the Primary Products Marketing Department — an exception which is well understood — all advances made by the Bank to the Government have been repaid within the financial year.

Нам представляется, что использование сдвоенного тире вызвано иными (не такими психологическими) причинами, а более лингвистически объективными:

1) данное парантетическое внесение выступает благодаря повторению слова exception, как связующее средство в рамках, прежде всего, п р е д л о ж е н и я (о его связи

с текстом, с предыдущим высказыванием судить здесь трудно — пример одиночен.)

2) его синтаксическая протяженность не велика, хотя она и выражает субъективно-предикативные отношения, и содержит с точки зрения модальности — оценку;

3) паузы внутри парантетического внесения (ввиду краткости его состава и др. выше упомянутых причин) по своей длительности не превышают выделительной паузы, и, следовательно, диеремического диссонанса здесь не возникает. Именно подобные факторы и обусловливают обычно использование сдвоенного тире.

Теперь нам предстоит развернуть текстовой материал, ибо только при наличии достаточно «протяженного» текста, при полной ясности его «регистровой» принадлежности, при скрупулезном его общепросодическом рассмотрении и т.д. можно будет подойти вплотную к решению исследуемой семиологической проблемы и действительно понять сущность данного семиотического противопоставления:

> "Angels of rain and lightning", English critics have some difference of opinion on what that means — whether Shelley means that the rain and the lightning are angels or whether it means that they are in the wind, in other words, the wind has inside it angels of rain and lightning. I am not sure whether in Russian, you probably have to use a different preposition for "of". But I don't think it matters. The basic idea is exactly the same. And I think very often — if I could make a general comment now not only on this poem — very often when critics discuss the meaning of a poem and say it can mean this or it can mean that and are arguing about what it means, they may be chasing something that does not exist.

В этом случае употреблены тире, так как лексическая просодия в данном случае исключена:

> And I think very often — if I could make a general comment now not only on this poem — very often when critics discuss the meaning of a poem...

Ср. следующий случай:

> Today I am going to give you a talk on Coleridge and to draw your attention to the important poems

> that he wrote. I will not try and give you a detailed discussion about all his work and all his ideas because, if you want to study that, I think the best way is to read books about it where you can reflect and look at it quickly and slowly.

Здесь автор поставил запятые, так как он отнес "if you want to study that" к той категории явлений, которая, как мы отмечали выше, наиболее естественно выделяется запятыми. Однако, на наш взгляд, здесь уместнее были бы сдвоенные тире, ибо запятые оставляют возможность сохранить синтаксическую просодию, в отличие от скобок, ср.:

> I will not try and give you a detailed discussion about all his work and all his ideas because — if you want to study that — I think the best way is to read books about it...

В отрывке:

> A very important book in English literature — "Lyrical Ballads" — was published in 1798. That contained the poem up to that date of Wordsworth and Coleridge, and it contained from Coleridge the major poem, his most important poem, "The Rime of the Ancient Mariner".

автор предпочел употребить сдвоенные тире, обусловленные усиленной диеремой, ср.:

> A very important book in English literature — "Lyrical Ballads" — was published in 1798.

Для употребления скобок здесь нет оснований: "Lyrical Ballads" — обычное парантетическое внесение (категория экземплификации), функционирующее на уровне предложения.

Мы во всех указанных случаях исходим из интенции говорящего, набора семиотических средств и выбора того или иного семиотического средства в зависимости от интенции. В следующем случае автор выбирает тире, ибо запятые являются слабым средством выделения экспрессивного парантетического внесения, ср.:

> "The poem begins with three men going to a wedding. And one of the men is to be the principal guest

at the wedding. And they are stopped by an old man."
And the wedding guest tries to push him off, brush him aside, but he gets held by the magnetic eye of the man — his eye is so powerful that it holds him — and he tells him the story.

В отрывке:

These are famous lines in English poetry. That is, in a sense, a message that nature is one, that man is part of Nature, and we are all linked together in a chain, man and animals.

"in a sense" выделено запятыми, ибо как мы отмечали, простейшие, клишированные фразы, обычно, выделяются при помощи запятых.

Now, that's the broad plan of the poem. But there is also an argument in it, an idea, a simple idea but a poetic idea, that on the vase, in the drawings on the vase, there are the pictures of things that are moving — a girl being chased by a man, or a procession — but thought it is a picture of something moving, it is at the same time still.

В данном случае тире употреблены также для выделения внесения. Если бы здесь вместо тире были употреблены скобки, то изменилось бы содержание высказывания:

‖ But there is 'also an 'argument ˎin ˌit, | an iˎdea, | a 'simple iˎdea | but a po'etic iˎdea,|that 'on the ˏvase,|there are the 'pictures of ˏthings|that are ˎmoving **(a ˌg i r l b e i n g c h a s e d b y a ˎm a n, | o r a p r o ˎc e s s i o n)**|but 'thought it is a picture of something ˏmoving, | it is at the 'same time ˎstill. ‖

При употреблении тире, меняется и просодия:

‖ But there is 'also an argument ˎin ˌit, | an iˎdea, | a 'simple iˎdea | but a po'etic iˎdea, | that 'on the ˏvase, | there are the 'pictures of ˎthings | that are ˎmoving | — a 'girl being 'chased by a ˎman, | or a proˎcession | — but 'thought it is a picture of something ˏmoving, | it is at the 'same time ˎstill. ‖

В отрывке:

> And he asks the wind to help him to do it, appealing to the wind in a metaphorical sort of way, and finishes with, not a rather depressing thought as at the end of section four, but with a hopeful note:
> 'Oh, wind,
> If Winter comes, can Spring be far behind?'
> So, you've got winter with its deadness (vegetation, trees, plant all dead), but 'if Winter comes, can Spring be far behind?' — a new birth once again, a new regeneration". —

автор употребил скобки. Однако нам представляется, что в этом случае нужны были бы тире, а не скобки. Разные мнения свидетельствуют о том, что этот вопрос еще недостаточно разработан. Постановка тире обусловлена текстосвязующей функцией экспрессивного парантетического внесения.

> ‖ 'So, | you've 'got ˎwinter with its ˎdeadness| — 'vegeˎtation, | ˎtrees, | ˎplants | 'all ˎdead | — but 'if 'Winter ˎcomes | 'can ·Spring be far beˎhind?' | — a 'new ˌbirth once aˎgain, | a 'new reˏgeneˎration. ‖

Из приведенных материалов и высказанных соображений следует, что использование знаков препинания должно зависеть от избранной просодии высказывания, т.е. они взаимообусловлены. Их комплексное изучение поможет проникновению в суть синтактико-стилистического построения речи.

ГЛАВА V

ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА КАК ОСНОВА ЕГО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

§ 1
Экспрессивные возможности синтаксического построения текста

Текст и его членение, как известно, относятся к сфере речи. Письменная и устная формы речи представляют собой единство. Анализ построения текста (как письменного аналога речи) предусматривает решение таких вопросов его организации, как выделение не только минимальных, предельных единиц, но и единиц, различных по своей структуре. Однако, как справедливо отмечает В. Г. Гак «Инвентаризовать структуры текстов и СФЕ невозможно, они бесконечно разнообразны и целиком принадлежат к сфере функционирования (а не устройства) языка, то есть к сфере речи...»[1]. В этой связи отмечается такая особенность текста, как нежесткость границ между его подразделениями, в частности СФЕ, разнообразие и нефиксированность средств организации. «Говорящий заранее знает, как объединить слова в предложения. Но он не может знать, как будет объединять предложения в текст»[2].

Однако, анализ письменно зафиксированного высказывания — текста позволяет устанавливать средства объединения отдельных отрезков высказывания в целостный текст. Письменный текст — это в большинстве случаев отработанное автором в языковом и стилистическом отношении словесное произведение. Цель подобной обработки заключается, прежде всего, в стремлении передать наиболее полно и выразительно определенное содержание в соответствующей стилистической форме и тем самым содействовать адекватному его восприятию. И хотя автор при создании текста меньше всего думает об употреблении тех или иных конкретных синтаксических конструкций, синтаксических средств связи, грамматических форм, пунктуационных знаков и т.п., т.е. тех средств, которые выступают не только как знаки соединения отрезков высказывания,

но и как знаки, способствующие членению текста, рассмотрение этих средств путем анализа текста, позволяет установить лингвистические основы выразительности текста.

Рассмотрим текст, преобладающей функцией которого является функция сообщения. Текст относится к научному регистру, по своей организации он в какой-то мере имитирует естественную устную речь. Текст легко членится, обеспечивая тем самым и легкость восприятия. Посмотрим, какими средствами это достигается в следующем тексте О. Уайльда.

> The 'loss that results to 'literature in 'general from this false ideal of our ˏtime | can hardly be overˎestimated. ‖ 'People have a 'careless way of 'talking about a 'ˏborn ˎliar', | just as they talk about a "born ˎpoet'. ‖ But in 'both ·cases they are ˎwrong. ‖ 'Lying and 'poetry are ˎarts ‖ — ˏarts, | as Plato ˏsaw,| not uncon'nected with each ˏother ‖ — and they require the 'most 'careful ˏstudy, | the most dis'interested deˎvotion. ‖ Inˏdeed, | they have their tech'nique, | just as the 'more ma'terial arts of 'painting and 'sculpture have 'their subtle secrets of ˏform and ˎcolour, | their 'craft-mysteries, | their de'liberate artistic ˎmethods. ‖ As one knows the 'poet by his fine ˏmusic, | so one can recognise the 'liar by his rich 'rhythmic ˎutterance, | and in 'neither ˏcase will the 'casual 'inspiˌration of the 'moment sufˎfice. ‖ ˏHere, | as 'elsewhere, | practice must pro'ceed perˎfection. ‖ But in modern ˏdays | while the fashion of 'writing 'poetry has become far too ˏcommon, | and ˎshould, if ˏpossible, | be dis'couraged, | the 'fashion of 'lying has 'almost fallen into disreˎpute. ‖ 'Many a young 'man starts in life with a natural 'gift for e'xaggeration ˏwhich, | if nurtured in con'genial and sympa'thetic surˏroundings, | or by the imi'tation of the 'best ˏmodels, | might 'grow into something 'really ˎgreat and ˎwonderful. ‖ But, as a ˏrule, | he 'comes to ˎnothing. ‖ He either falls into 'careless 'habits of ˎaccuracy — —. |||
>
> (O. Wilde, The Decay of Lying.)

Текст начинается с трех довольно коротких предложе-

ний. После overestimated автор ставит точку, хотя смысловые отношения между первыми двумя предложениями допускают соединения их посредством because, ср.:

> The loss that results to literature in general from this false ideal of our time can hardly be overestimated, because people have a careless way of talking about a 'born liar', just as they talk about a 'born poet'.

Однако в этом случае меняется просодия и вся установка текста. Использование точки в тексте, как известно, означает не только завершение предложения, но и выделение голосом (если текст читается) и выделение во внутренней речи (если текст не воспроизводится) начальных слов каждого последующего предложения, ибо каждый раз, когда мы перед прочтением точки ускоряем темп, снижаем громкость голоса и т.д., мы тем самым создаем предпосылки для выделения первого слова следующего предложения, ср.:

> **The** 'loss that results to 'literature in 'general from this false i'deal of our ˏtime | can hardly be overˎestimated. || '**People** have a 'careless way of 'talking about a 'ˏborn ˎliar', | just as they talk about a ''born ˎpoet'. ||

Выделить важные в смысловом и экспрессивном отношении первые слова предложений и входило в намерение автора, ср. зачины предложений: But in both cases ...; Lying and poetry are arts ...; Indeed ...; As one knows ...; Here, as elsewhere ...; But in modern days ...; Many a young man ...; He either ... .

Легкость восприятия текста достигается и его обозримостью: использование перечисления с его симметричным синтаксическим строением (Indeed, they have their technique, just as the more material arts of painting and sculpture have their subtle secrets of form and colour, their craft-mysteries, their deliberate artistic methods.), с одной стороны, и стремление разнообразить синтаксический рисунок текста путем употребления нескольких парантетических внесений — прием — противоположный приему синтаксической симметрии, синтаксического параллелизма, с другой стороны, не только стилистически обогащает текст, но и не допускает многочисленных вариаций членения текста,

обеспечивая тем самым адекватное восприятие этого словесного произведения, как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения его экспрессивности. Ср.:

> The loss, | that results to literature in general, | from this false ideal of our time, | can hardly be overestimated. || People have a careless way of talking about a 'born liar', | just as they talk about a 'born poet'. || But in both cases, | they are wrong. || Lying and poetry are arts | — arts, | as Plato saw, | not unconnected with each other || — and they require the most careful study, | the most disinterested devotion. || Indeed, they have their technique; || just as the more material arts of painting and sculpture, | have their subtle secrets of form and colour, | their craft-mysteries, | their deliberate artistic methods. || As one knows the poet by his fine music, | so one can recognise the liar by his rich rhythmic utterance; || and in neither case will the casual inspiration of the moment suffice. || Here, | as elsewhere, | practice must proceed perfection. || But in modern days, | while the fashion of writing poetry has become far too common, | and should, | if possible, | be discouraged, | the fashion of lying has almost fallen into disrepute. || Many a young man starts in life with a natural gift for exaggeration, | which, | if nurtured in congenial and sympathetic surroundings, | or by the imitation of the best models, | might grow into something really great and wonderful. || But, | as a rule, | he comes to nothing. || He either falls into careless habits of accuracy — — . ||

Рассмотрим еще один текст, также принадлежащий научному регистру, — текст В. Вордсворта.

> The principal object, then, proposed in these Poems was to choose incidents and situations from common life and to relate or describe them, throughout, as far as possible in a selection of language really used by men and, at the same time to throw over them a certain colouring of imagination, whereby ordinary things should be presented to the mind in an unusual aspect; and, further, and above all, to make these

incidents and situations interesting by tracing in them, truly though not ostentatiously, the primary laws of our nature: chiefly, as far as regards the manner in which we associate ideas in a state of excitement. Humble and rustic life was generally chosen, because, in that condition, the essential passions of the heart find a better soil in which they can attain their maturity, are less under restraint, and speak a plainer and more emphatic language; because in that condition of life our elementary feelings coexist in a state of greater simplicity, and, consequently, may be more accurately contemplated, and more forcibly communicated; because the manners of rural life germinate from those elementary feelings, and, from the necessary character of rural occupations, are more easily comprehended, and are more durable; and, lastly, because in that condition the passions of men are incorporated with the beautiful and permanent forms of nature. The language, too, of these men has been adopted (purified indeed from what appear to be its real defects, from all lasting and rational causes of dislike or disgust) because such men hourly communicate with the best objects from which the best part of language is originally derived; and because, from their rank in society and the sameness and narrow circle of their intercourse, being less under the influence of social vanity, they convey their feelings and notions in simple and unelaborated expressions.

(W. Wordsworth, Observations Prefixed to Lyrical Ballads.)

Несмотря на объемность, текст состоит из трех высказываний, оформленных точкой. Первое высказывание содержит упорядоченное перечисление, построенное по принципу синтаксического параллелизма. Вопрос о стилистическом использовании перечисления, о его выразительных возможностях неоднократно освещался лингвистами. Так, А. Н. Гвоздев, говорит об упорядоченном перечислении как элементе литературно-обработанного синтаксиса[3]. Как мы уже отмечали выше (см. гл. I), перечисление может эмоционально усиливаться и тем самым стать основой

такой стилистической фигуры, как нарастание. Анализируемое высказывание есть все основания рассматривать как нарастание, ибо перед нами: упорядоченное перечисление отрезков высказывания, однотипность их построения — синтаксический параллелизм, постепенное увеличение словесного объема перечисляемых отрезков, поддерживаемое грамматическим сходством перечисляемых элементов (инфинитив с to). В. Вордсворт — искусный стилист, синтаксическую монотонность он прерывает парантетическими внесениями: весь комплекс средств способствует обозримости всего высказывания и, соответственно, легкости его членения.

Два следующих высказывания, хотя и отделены друг от друга точкой, воспринимаются как нечто целостное не только по содержанию, но и по своему синтаксическому оформлению: двойная полисиндетическая связь, реализуемая с помощью because и and, служит, во-первых, средством организации текста (текстосвязующая функция), выражая смысловые отношения между частями высказывания, выступает как средство связи. Однако, полисиндетическая связь выполняет двоякую функцию в тексте: о б ъ е д и н я я отрезки высказывания, она тем самым способствует в ы д е л я е м о с т и одинаково объединенных отрезков[4], что делает все высказывание выразительнее. И в этой части текста структурную однотипность (из-за полисиндетона — синтаксического параллелизма) «разрушают» парантетические внесения, выделенные запятыми и скобками. Итак, все средства, применяемые автором текста, направлены на то, чтобы передать все оттенки смысла текста, сделать текст выразительным и, тем самым, соответствующим замыслу автора.

К важным средствам организации текста относится, как мы уже указывали, просодия. Многие просодические средства выступают теми сигналами, которые указывают границы между отрезками высказываний, — элементами, возникающими в результате членения текста. Приведем тот же фрагмент В. Вордсворта с тем просодическим рисунком, который отражает синтаксическую организацию текста.

The 'principal object ˌthen, | proposed in ·these ˌPoems was to 'choose 'incidents and situations from

'common ˏlife | and to re'late or des·cribe ˏthem | through ˏout ¦ as 'far as ᵥpossible in a se'lection of ·language ·really used by ˎmen | and | at the same ˏtime | to throw ·over them a ·certain colouring of imagiˎnation ¦ 'whereby ˎordinary ˏthings should be pre'sented to the ·mind in an un'usual ˎaspect | and, ¦ ˏfurther and aˌbove ˏall | to 'make these 'incidents and situ·ations ᵥinteresting by 'tracing in them ˏtruly though not ˎostenˏtatiously | the 'primary 'laws of our ˋnature | 'chiefly ¦ as far as regards the ˏmanner in which we as'sociate i'deas in a state of exˎcitement. ‖ 'Humble and 'rustic life was 'generally ˏchosen | because in 'that conˏdition | the es'sential 'passions of the ˏheart find a 'better soil in which they can at'tain their maˏturity | are less under resˏtraint | and speak a 'plainer and more em'phatic ˎlanguage ¦ because in 'that con'dition of ·life our ele'mentary 'feelings coexist in a state of 'greater simˋplicity and | consequently | may be more 'accurately ˎcontemplated ¦ and 'more 'forcibly comˎmunicated | because the 'manners of 'rural 'life ˋgerminate from 'those ele'mentary ˏfeelings ¦ and ¦ from the 'necessary 'character of 'rural occu'pations ¦ are 'more easily ˏcompreˌhended ¦ and are 'more ˎdurable | and ¦ ˏlastly ¦ because in 'that con'dition the 'passions of 'men are in'corporated with the 'beautiful and 'permanent 'forms of ˎnature. ‖ The 'language ˌtoo, ¦ of these 'men has been adopted ¦ purified indeed from what appear to be its real defects from all lasting and rational causes of dislike or disgust ¦ because 'such ·men 'hourly com'municate with the 'best 'objects from which the 'best 'part of ˏlanguage is o'riginally deˋrived | and beˏcause ¦ from their 'rank in soˏciety and the 'sameness and 'narrow ·circle of their ˋinterˏcourse ¦ being less under the influence of 'social ˏvanity ¦ they convey their 'feelings and 'notions in 'simple and une'laborated exˎpressions. ‖

Что касается пунктуации, то в тексте обнаруживается неадекватность между авторским пониманием семантики некоторых знаков препинания и представлением современного читателя о значении и функции того или иного знака

препинания. В частности, такого знака препинания, как двоеточие. В первом высказывании автор использует двоеточие в двух случаях:

> ... the primary laws of our nature: chiefly, as far as regards the manner in which we associate ideas in a state of excitement.

В большинстве имеющихся пособий по английской пунктуации авторы сходятся во мнении, что двоеточие ставится при: 1) цитировании, 2) перечислении, 3) в случае, когда одно предложение разъясняет последующее.

Известно также, что в английском языке существует тенденция к взаимозаменяемости двоеточия и точки с запятой. По-видимому, Вордсворт принадлежит к числу тех авторов, которые следуют этой тенденции, так как в приведенном выше примере, двоеточие явно используется в функции точки с запятой (;).

Такое использование двоеточия (и на это указывают многие исследователи проблем пунктуации) вряд ли можно назвать целесообразным. Хотя и можно согласиться с тем фактом, что, действительно, трудно выявить те тонкие семантические различия, существующие между двумя этими знаками препинания. Такая «путаница» возникла, по-видимому, вследствие стихийной природы пунктуации[5].

Нам представляется, однако, что в плане прагматики, да и в более широком, филологическом плане, нужно четко разграничивать эти два знака препинания. Точнее было бы сказать, следовать тому разграничению, которое уже закрепилось в языке за этими знаками.

Говоря о роли английской пунктуации в членении текста, надо отметить, что в английской пунктуации (которая является семантико-стилистической) такие знаки препинания, как «точка с запятой» (;) и «двоеточие» (:) имеют, несомненно, более важное значение, чем в русском языке. В качестве примера можно привести текст, принадлежащий перу английского стилиста XIX века Томаса Карлайла. Этот текст является некрологом известному немецкому поэту Иоганну Вольфгангу Гёте:

> In the Obituary of these days stands one article of quite peculiar import; the time, the place and particulars of which will have to be often repeated

> and re-written, and continue in remembrance many centuries: namely, that Johann Wolfgang von Goethe died at Weimar, on the 22-d March 1832.
>
> It was about eleven in the morning: "he expired" says the record, "without any apparent suffering, having, a few minutes previously, called for paper for the purpose of writing, and expressed his delight at the arrival of spring".
>
> A beautiful death; like that of a soldier found faithful at his post, and in the cold hands his arms still grasped! The poets last words are a greeting of the new awakened Earth; his last movement is to work at his appointed task. Beautiful; what we might call a classic sacred-death; if it were not rather an Elizah-translation, — in a chariot not of fire and terror, but of hope and soft vernal sunbeams!
>
> It was at Frankfurt-on-Mein in the 28th of August 1749 that this man entered the world: and now gently welcoming the birthday of his eighty-second spring, he closed his eyes, and takes farewell.

Текст достаточно экспрессивен. Значительную роль в этом играют пунктуационные средства, хотя, кроме запятых, автор всего лишь в двух случаях использовал восклицательный знак, но зато три раза двоеточие и пять (!) раз точку с запятой. Этот, последний знак автор употребляет в сугубо эмфатической функции, варьируя его с восклицательным знаком, ср.: A beautiful death; (!) The poets last words are a greeting of the new awakened Earth; (!) Beautiful; (!) what we might call a classic sacred-death; (!). Трудно сказать, была ли в XIX в. подобная функция точки с запятой узуальной, но в данном тексте автор с ее помощью разнообразит пунктуационный (но не просодический) облик текста: рядом с предложениями с восклицательными знаками и находятся предложения, оформленные с точкой с запятой (видимо, в этих случаях восклицательный знак казался бы «навязчивым»). Любопытно сравнить этот текст с его переводом на немецкий язык:

> In den Sterbenachrichten dieser Tage steht ein Artikel von ganz besonderer Wichtigkeit, so daß von ihm Zeit, Ort und nähere Umstände durch Wort und Schrift oft wiederholt und Jahrhunderte lang im Ge-

> dächtnis der Menschen bleiben werden. Johann Wolfgang von Goethe starb zu Weimar am 22. März 1832.
>
> Es war um elf Uhr morgens, lautet die Nachricht, daß er ohne anscheinende Leiden das Irdische verließ, nachdem er noch wenige Augenblicke vorher Papier zum Schreiben verlangt und seine Freude über die Ankunft des Frühlings ausgedrückt hatte.
>
> Ein schöner Tod, gleich dem eines Kriegers, der auf einem Posten gefunden wird, die Waffe in erstarrter Hand.
>
> Des Dichters letzte Worte sind eine Begrüßung der neu erwachten Erde, seine letzte Bewegung ist die, an sein vorgesetztes Tagewerk zu gehen. Ein schöner, ein heiliger Tod, oder vielmehr eine Himmelfahrt Elia in einem Wagen, nicht von Feuer und Schrecken, sondern von Hoffnung und sanften Sonnenstrahlen des Frühlings.
>
> Es war zu Frankfurt am Main am 28. August 1749, daß dieser seltene Mann die Welt betrat, und nun, den Geburtstag seines zweiundachtzigsten Frühlings begrüßend, schließt er seine Augen und sagt der Welt Lebewohl.

Пунктуация в немецком языке более «грамматизована» и в этом плане ближе к пунктуации русского языка.

Во всех случаях, где в английском оригинале использована точка с запятой, в немецком тексте стоит запятая, а двоеточию в оригинале соответствует либо точка, либо запятая. Несмотря на то, что в немецком тексте графически не выражена эмфаза (хотя использование восклицательных знаков и в нем было бы вполне уместно), текст все-таки обнаруживает определенную степень экспрессивности, свойственную оригиналу. Употребление предложений с вводящим es, порядок слов, обособления, оформление подлежащего (в начальной позиции) неопределенным артиклем создают соответствующий экспрессивный фон.

Продолжим анализ материала. Ниже приведен отрывок из произведения Форда Мэдокса Форда «Тургенев»:

> Mr. Ralston, Turgenev's first translator, almost the only English friend of any intellectual closeness that he had—and the only foreigner who ever visited him at Spasskoye—was another man exactly as tall

and as white-headed and white-bearded as Turgenev himself. But, though he was an intimate friend of my family's—in which capacity he had brought Turgenev to call—and though for night after night he had told me the fairy tales of Krylof — which is now I came to know of the roosalki with the green hair who swing from tree to tree and the other beings who come back to me as *domovostvoi* and manifest themselves by making the wooden sides and beams of sheds creak all round you. — Oh, and of course the Cat of the House who swallowed the wedding procession and the funeral procession and the sun and the moon and the stars. And the dreadful lamb that showed its teeth just beside your face and said horrible things — but in spite of my having sat on Mr. Ralston's knees night after night, drinking in those breathlessnesses, Ralston himself comes back to me as being the merest pale shadow beside the shining figure of the author of *A Sportsman's Sketches*.

(Ford Madox Ford, Turgenev.)

Данный текст состоит из двух частей. Первая членится и, соответственно, воспринимается достаточно легко, благодаря наличию знаков препинания: запятых, выделяющих аппозицию, сдвоенных тире, оформляющих парантетическое внесение, и наличию повтора the only English friend ... , the only foreigner ... , создающего определенную синтаксическую симметрию, которая облегчает восприятие текста и способствует его выразительности.

Вторая часть — объемное сложноподчиненное предложение: придаточные предложения, осложненные парантетическими внесениями и обособлениями, находятся в препозиции к главному предложению, помещенному в самом конце высказывания. Располагая перед главным предложением — ремой — однородные (уступительные) придаточные предложения с союзом "though" и синонимичный им оборот с "in spite of ...", автор создает определенное напряжение, которое он еще более усугубляет размещением внутри придаточного распространенного парантетического внесения — полисиндетона, причем оформляет его элементы не только запятыми, но и точками, увеличивая тем самым еще больше напряжение, которое в конце высказывания

разряжается. Такое чередование в тексте придаточных и обособлений обусловлено стилистически — оно помогает избежать монотонности синтаксического строения текста.

Само употребление такого развернутого сложноподчиненного предложения служит задаче включения в текст дополнительной информации — в придаточные предложения и обособления, — образующей ответвления от основной линии повествования, без ее нарушения. Придаточные предложения и обособления выступают здесь как способ компрессии информации в тексте. Любая попытка придать придаточным предложениям форму самостоятельного предложения нарушит целостность текста, изменит его просодический рисунок и исказит замысел автора.

Попробуем посмотреть, что станет с текстом, если мы дополним «недостающие» знаки препинания:

> Mr. Ralston, Turgenev's first translator—almost the only English friend of any intellectual closeness that he had,—and the only foreigner, who ever visited him at Spasskoye—was another man, exactly as tall and as white-headed and white-bearded as Turgenev himself. But, though he was an intimate friend of my family's — in which capacity he had brought Turgenev to call — and though for night after night he had told me the fairy tales of Krylof—which is now I came to know of the roosalki with the green hair, who swing from tree to tree; and the other beings, who come back to me as *domovostvoi* and manifest themselves by making the wooden sides, and beams of sheds creak all round you.
>
> — Oh, and of course the Cat of the House, who swallowed the wedding procession and the funeral procession; and the sun, and the moon, and the stars. And the dreadful lamb, that showed its teeth just beside your face and said horrible things.
>
> — But in spite of my having sat on Mr. Ralston's knees night after night, drinking in those breathlessnesses, Ralston himself comes back to me, as being the merest pale shadow beside the shining figure of the author of *A Sportsman's Sketches.*

Выше мы дали анализ текстов, заимствованных из произведений писателей и критики. Разберем отрывок из книги известного филолога Дж. Р. Ферса:

> 'Traditional logic itself is not free from such ·weaknesses, | and 'manuals are 'still ·sold which bear 'no re'lation to the ·actual ·use of ·language ˎmechanisms, | either by 'scientists or by ·you and ˎme. || ·Many 'people hold the 'view that 'logic has to 'do with the nature of ·mental opeˎrations, ¦ of the 'processes of ˎ'thought'. || That is 'nowadays ·left to psyˎchology. || ·Every 'specialist ·science has de·veloped its ·own ·way of cor·rect ˎ'thinking' ¦ — this it has ˏdone by syste'matically a·dapting ·language or inˏventing ¦ *'ad hoc'* ¦ ·language to ·do its ·own ·special ˎwork, ¦ with 'careful con·trol as the ·work deˎveloped. |||
>
> Is the "language' of tra'ditional 'logic em·piri-cally adapted to ·handle ˏproblems ¦ con·nected with the ·rational ·use of ˏwords and ˏsentences in ·every-day ˏlife? || 'Most linˏguists, ¦ I ˏfancy, ¦ would say that 'logic ·usually ·shows no conˏnexion 'with or 'underˏstanding of ·language as they ˎknow it. |||
>
> ·Since the 'time of Aris'totle 'grammar has been ·made into a ·sort of ˏlogic, | 'domiˌnated by the inter-reˎlations of ˏ'words', ¦ and of ·subject and ˎpredicate. || 'Nowadays the lo'gicians are re'turning the ·compliment by ·saying that ˏlogic must be 'more gramˎmatical. |||
>
> (J.R. Firth, The Tongues of Men and Speech.)

Этот отрывок текста состоит из трех абзацев. В первых предложениях первого абзаца раскрываются взаимоотношения языка и логики. Интересно, что после второго довольно короткого предложения автор употребил очень короткое предложение, полностью относящееся к предыдущему: "That is nowadays left to psychology". Таким построением высказывания Ферс, видимо, хотел подчеркнуть, выделить тот факт, что изучение природы мышления относится к особой науке — психологии. Последнее предложение этого абзаца не совсем обычно по своему построению, оно состоит из двух частей, разделенных при помощи тире. Текстосвязующая функция анафорического местоимения

"this" тесно связывает эти две части. Оформление данного высказывания в виде одного предложения, например:

> Every specialist science has developed its own way of correct 'thinking', which is done (or achieved) by systematically adapting language or inventing '*ad hoc*' language to do its own special work, with careful control as the work developed.,

исказило бы авторскую интенцию особо подчеркнуть смысловую взаимосвязь обеих частей высказывания, выделяя при этом основную мысль, выраженную в конце. Именно это стремление — объединяя, выделять — побудило автора прибегнуть к такому «сильному» знаку, как тире.

Второй абзац довольно короткий. Он состоит всего из двух предложений, причем первое предложение — вопросительное, на которое автор дает ответ последующим предложением, но не от своего имени, а как бы передает мнение других лингвистов:

> Most linguists, I fancy, would say that logic usually shows no connexion with or understanding of language as they know it.

Последний, третий абзац также очень короткий и посвящен вопросу взаимоотношения грамматики и логики. Оба предложения, из которых состоит этот абзац, невелики по объему и легко воспринимаются читающим.

В целом, характеризуя манеру письма Дж. Р. Ферса, можно отметить, что он довольно ограниченно пользуется знаками препинания. Дж. Р. Ферс нередко использует стилистические эффекты, например, вопросы, иноязычные обороты речи, служащие цели воздействия на читателя, привлечения его внимания. Предложения, как, впрочем, и абзацы в его текстах — разной длины, некоторые предложения очень распространены и тяжело воспринимаются.

Ниже мы приводим тот же текст, снабженный, в соответствии с устной просодией, дополнительными знаками препинания, которые, несомненно, облегчают восприятие, ср.:

> Traditional logic itself is not free from such weaknesses. And manuals are still sold, which bear no relation to the actual use of language mechanisms,

either by scientists or by you and me. Many people hold the view, that logic has to do with the nature of mental operations, of the processes of 'thought'. That is, nowadays, left to psychology. Every specialist science has developed its own way of correct 'thinking'. This it has done by systematically adapting language, or inventing '*ad hoc*' language to do its own special work, with careful control as the work developed.

Is the 'language' of traditional logic, empirically adapted to handle problems, connected with the rational use of words and sentences in everyday life? Most linguists, I fancy, would say that logic usually shows no connexion with (or) understanding of language, as they know it.

Since the time of Aristotle, grammar has been made into a sort of logic, dominated by the interrelations of 'words', and of subject and predicate. Nowadays, the logicians are returning the compliment, by saying that ,logic must be more grammatical'.

Если обратиться к анализу другого текста, можно увидеть совершенно иную манеру оформления знаками препинания, ср.:

In the second chapter of this book I raised the question: what is the apparatus of moral evaluation *for*? What is it supposed to do? If one were asked why it was worth going in for, what should be one's answer? I ventured there the very vague and general proposition (difficult, I believe, but doubtless by no means impossible, to disagree with) that the general object of the exercise — of moral evaluation of oneself or of others, of one's own acts or other peoples, of past, present, future, or merely hypothetical acts— must be 'to contribute in some respects, by way of the actions of rational beings, to the amelioration of the human predicament'; and I went on to sketch out, in that same chapter, some of the 'limitations' inherent in the human predicament in virtue of which things are liable to go rather badly, and consequently to stand in need of amelioration.

(G.J. Warnock, The Object of Morality.)

Устное изглашение этого текста снабжает его просодией, отвечающей определенной интенции — либо сделать высказывание более «обозримым», т.е. легко членимым с точки зрения смысла, либо увеличить степень его экспрессивности, ср.:

I. In the ˈsecond ·chapter of ·this ˏbook, ¦ I ·raised the ˎquestion: | ·what is the ˏappaˎratus of ·moral evaluation ˏ*for*? | What ·is it sup·posed to ˎdo? | If 'one were ˏasked, ¦ why it was ·worth ·going in ˏfor, ¦ ·what should be one's ˎanswer? | I ˈventured ˈthere the ·very ·vague and ·general 'propoˏsition | (difficult I beˏlieve, but ˏdoubtless, ¦ by no means imˏpossible, ¦ to disagree 'with) | that the ·general ·object of the ˎexercise | —of ·moral evaluation of one·self or of others, ¦ of one's ·own ˏacts, ¦ or other ˏpeoples, ¦ of past, ¦ present, ¦ future, ¦ or merely hypothetical ˎacts | —must be | 'to con·tribute in some resˏpects, ¦ by way of the actions of rational ˏbeings, ¦ to the amelioration of the human preˎdicament'; | and I went on to sketch ˏout, ¦ in that same ˏchapter, some of the 'limiˏtations', ¦ in'herent in the human preˏdicament, ¦ in virtue of ˏwhich, ¦ things are ·liable to go rather ˎbadly, ¦ and consequently to stand in need of a'melioˎration. |||

Ср. вариант более экспрессивный:

II. In the 'second ·chapter of ·this ˏbook, ¦ I ·raised the ˈquestion: | ·what is the appa·ratus of ·moral evaluation ˏ*for*? | ·What is it supposed to ⧹do? | If 'one were ˏasked: ¦ why it was .worth ·going ·in ˎfor. | 'What should be one's ˎanswer? | I 'ventured ·there the ·very ·vague and ˎgeneral proposition | ('difficult ¦ I beˏlieve, ¦ but ˎdoubtless ¦ by no means imˏpossible, ¦ to disˎagree ˏwith) | that the ·general ·object of the ˎexercise | —of 'moral evaluation of oneˏself, or of ˎothers, | of one's ·own ˏacts, ¦ or ˎother peoples, | of ˏpast, ¦ ˏpresent, ¦ ˏfuture, ¦ or merely hypothetical ˎacts | —must be | 'to con'tribute in some resˏpects, ¦ by way of the actions of rational ˏbeings, ¦ to the amelioration of the human pre ⧹dicament'. | And I went on to sketch

ˏout | in that 'same ˏchapter, | 'some of the | ·limiˎta-tions', | inˏherent in the ·human pre·dicament in virtue of ˏwhich, | 'things are ·liable to go rather ˎbadly, | and, | ˏconsequently, | to ·stand in need of .aˏmelio ˎration. |||

§ 2
Пунктуация как средство экспрессивности текста

Проблема пунктуации занимала умы исследователей не только применительно к английскому языку, о чем говорилось выше. В русском языке вопросы, связанные со значением и употреблением знаков препинания, подробно изучались еще во времена Ломоносова. Сам М. В. Ломоносов указывал на необходимость учета смысла высказывания при расстановке знаков препинания. Он различал знаки препинания внутри предложения — запятую, точку с запятой, двоеточие и знаки препинания в конце предложения — точку, вопросительный и восклицательный знаки[6].

Посредством запятых отделяются второстепенные члены предложения, а также однородные члены: «Запятая употребляется между речениями одинакими, или и с приложениями и глаголами, к оному принадлежащими: «Ум, рассуждение, смысл, есть в старых людях», «Небеса великолепием, земля плодородием, море глубинами поведают славу божию» (§ 126). Точка с запятой различает члены периодов: «Хотя природное знание языка многое может; однако грамматика показывает путь доброй натуре» (§ 127). «Две точки примеры, причины и речи вносные напереди показывают» (§ 128).

Позднее учение о расстановке знаков препинания было развито Н. Кургановым. В «Письмовнике» он определял пунктуацию следующим образом: «Препинания служат к изъяснению смысла в письме и ко избежанию всякого противного толкования».[7]

«Запятая, — писал он, — есть знак отдохновения, при котором мы можем несколько отдохнуть не останавливаясь, а употребляется между одинакими словами или со многими приложениями и глаголами, к одной речи принадлежащими.

Полуточие (т.е. точка с запятой — О.А.) значит среднее отдохновение между запятою и точкою и различает члены полной речи, когда главная часть периода в особливые и различные части разделена быть должна.

Двуточие значит долгое отдохновение, и оный знак отделяет часть речи, которая имеет полный разум сама в себе, но, однако, оставляет мысль в сомнении и ожидании знать то, что еще следует; и для того примеры, причины и слова вносные напереди показывает. Через сие разделяется период на две части, из которых первая часть называется предыдущим, а вторая последующим предложением, которое, однако, не принимает тогда с начала большой буквы».

Из определений, данных точке с запятой и двоеточию, ясно, что фактически они эквивалентны точке, т.е. разделяют два самостоятельных отрезка речи, хотя, по-видимому, при употреблении точки с запятой граница между частями высказывания не столь четкая, а обе части более тесно связаны, чем в случае употребления двоеточия.

Большое значение для решения вопроса пунктуации в русском языке имели работы А. М. Пешковского. Он подчеркивал, что практически все знаки препинания читаются. Это, бесспорно, относится к точке, точке с запятой, двоеточию, скобке, вопросительному и восклицательному знакам. А. М. Пешковский подчеркивал неразрывную связь письменного и устного языка[8].

Л. В. Щерба указывал на неразрывную связь ритмомелодики, на связь знаков препинания со смысловой стороной речи. Он считал, что пунктуация имеет двойственный характер: «фонетический, поскольку она выражает некоторые звуковые явления, и идеографический, поскольку она непосредственно связана со смыслом»[9]. Различные пунктуационные системы Л. В. Щерба делит в основном на два типа — французскую и немецкую. Систему английской пунктуации он относит к французскому типу, русскую — к немецкому. Очень важным является то обстоятельство, что в систему знаков препинания Л. В. Щерба включает и красную строку, которая «углубляет» предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мыслей.

Обобщая имеющиеся взгляды на роль пунктуации, А. Б. Шапиро подчеркивает, что ритмомелодия и син-

таксическая структура не существует в речи независимо друг от друга, потому и пунктуация в письменной речи в большей или меньшей степени отмечает значимость отрезков речи[10].

Все знаки препинания в зависимости от функций А. Б. Шапиро делит на две группы: 1) знаки отделяющие и 2) знаки выделяющие[11].

Первые — отделяют части текста. К таким относятся точка, вопросительный и восклицательный знаки, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие.

К другой группе знаков препинания относятся такие, которые обозначают конструкции дополняющие, уточняющие, поясняющие, выражающие субъективное отношение пишущего к содержанию и т.д. Такими конструкциями являются обороты (причастные, деепричастные), вводные и вставные конструкции, придаточные предложения. Как правило, знаки препинания этой группы являются парными (сдвоенные запятые, тире, скобки, кавычки).

Граница предложения сигнализируется точкой, вопросительным или восклицательным знаком. Очень важным представляется замечание А. Б. Шапиро о том, что членение текста на предложения не произвольно, а обусловлено стремлением автора особым образом выразить свою мысль.

В бессоюзных сложных предложениях предложения отделяются либо запятой, либо точкой с запятой. Запятая ставится в тех случаях, когда связь между составляющими сложное предложение является достаточно тесной. Точка же с запятой ставится в сложном предложении, если необходимо показать, что составляющие его простые предложения, хотя и имеют одну идею, тем не менее самостоятельны. Кроме того, в подобных сложных предложениях могут употребляться и другие знаки препинания внутри составляющих их простых предложений, поэтому употребление точки с запятой делает границу между ними более четкой.

А. Б. Шапиро указывал, что по их синтаксическим функциям двоеточие и тире очень близки, хотя в последнее время более употребительным становится тире.

Все рассмотренные знаки препинания А. Б. Шапиро делит на три типа: 1) «вертикальные» (вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие, запятая, точка с запятой); 2) «горизонтальные» (тире и многоточие, функцией

которых является как бы более разграничить части предложения, сделав их весомее); 3) особым знаком препинания является точка.[12]

Разработанные в русском языке рекомендации по употреблению пунктуационных знаков частично совпадают с правилами их использования в английском языке.

Так, в следующем сложном предложении простые предложения отделены друг от друга запятой, что указывает на их тесную связь:

> Speech is the outcome of flesh and blood, a bond between kith and kin.
>
> (J.R. Firth, The Tongues of Men and Speech.)

В следующем предложении автор употребляет точку с запятой, так как предложение очень распространено и изобилует другими знаками препинания.

> There is really no such thing as linguistic unity and probably never has been, no unity even in the speech of a single individual; as we have already seen, *Every man has his own Babel*, and more to the same purpose will be found in Chapter 8.
>
> (Там же.)

Употребление в этом случае точки с запятой делает границу между частями сложного предложения более значимой.

Внутри сложного предложения нередко используется и тире, особенно это характерно для тех предложений, в которых одна его часть противопоставляется другой:

> Judged on isolated appearances English could not be recognized as Indo-European—but by systematic comparison the closest correlations with other Indo-European languages can be proved.
>
> (Там же.)

В сложном предложении часто употребляется и двоеточие. Это происходит в тех случаях, когда части сложного предложения оказываются в отношениях поясняющего/поясняемого:

> All the other things—acquiring, disseminating, preserving, and transmitting knowledge, setting up

and maintaining organizations and institutions, devising and operating means of making people do things—all of these things are things that people do: so that everything in the end depends on their readiness to do them, and to do them at least some of the time without being compelled to do so.

(G. J. Warnock, The Object of Morality.)

В следующем предложении автор предпочел использовать точку с запятой, а не представил этот отрезок речи в виде двух отдельных предложений:

If the exercise made him sillier or secretly more self-satisfied, that, to be sure, would be a roundabout way of injuring society; for though a certain mixture of silliness may lighten existence, we have at present more than enough.

(G. Eliot, Leaves from a Note-book.)

Безусловно, в этом случае вместо точки с запятой можно было бы поставить точку. Однако, автор воздерживается использовать столь сильный знак препинания. Он хочет показать более тесную связь между составляющими сложное предложение. Напротив, употребление запятой вместо точки с запятой оказалось бы, по-видимому, более слабым средством разделения синтагматических единиц.

Таким образом мы видим, что и в русском и английском языках существуют определенные правила, регламентирующие употребление знаков препинания в тексте, хотя эти правила не всегда достаточно «жестки», а сами знаки препинания не всегда однозначны.

Пунктуационные знаки, как мы уже отмечали выше, важное средство для организации текста, для выражения взаимосвязи отдельных частей высказывания, для придания тексту определенной выразительности, отсюда две основные функции знаков препинания — смысловая и экспрессивная. Выступая в тексте в качестве показателей границ между его отрезками, знаки препинания, тем не менее, не являются решающим фактором при членении текста (ср., например данный выше анализ фразировки, парцелляции текста, функциональной перспективы высказывания).

Реальная членимость речевого потока, в результате которой возникают сегменты различной протяженности,

различного смыслового, эмоционального и функционального содержания, очень часто обнаруживает «нарушения» регламентаций использования знаков препинания. Подобные «нарушения» особенно характерны для творческой манеры крупных мастеров слова, которые чаще используют пунктуационные знаки как одно из выразительных средств. И в этом смысле употребление знаков препинания действительно своего рода искусство. Установить в этом плане какие-либо правила (за исключением отдельных случаев, см. выше) представляется поэтому очень затруднительным. Наблюдать за действием экспрессивной функции знаков препинания позволяет анализ текстов, принадлежащих перу различных писателей, филологов, публицистов.

Интересно, с этой точки зрения построение текста статьи А. Л. Мортона «Т. С. Элиот. Личный взгляд»:

> In 1927, before writing about Eliot had become a major literary industry, I published an essay on his poetry, an essay which today I must regard as uncritical and wholly inadequate. Eliot, however, wrote to me appreciatively about it, saying that I had noted some features of his work which other critics had ignored. Soon after we met, and for the next ten years I was a regular contributor to *The Criterion* of which he was editor. We lived in increasingly different worlds, and our personal contact was slight, but it would be unjust not to refer here to the invariable kindness and encouragement which I received from him at a time when this meant a great deal to a young man still unknown and just beginning to be a writer. This disinterested helpfulness to someone whose ideas were in every way opposed to his own was typical of Eliot and earned him the personal regard of many who disagreed most strongly with all that he came to stand for. I should add that during all the years of my association with *The Criterion* I had complete freedom to express in it a viewpoint which Eliot must have thought entirely mistaken.
>
> (A. L. Morton, T. S. Eliot—a Personal View.)

Этот отрывок написан строгим, лаконичным стилем. Предложения построены очень логично. Почти все предложения одинаковы по своей протяженности. Читая текст,

легко проследить за движением мысли автора. Конечно, такая манера письма наиболее приемлема для научного стиля изложения.

Логичность изложения, точный выбор лексического материала, четкость синтаксического строения текста настолько полно передают мысль автора, что то малое количество знаков препинания, которое использовал он в тексте, не вызывает особых трудностей при чтении отрывка. Однако чтение этого отрывка вслух сообщает ему просодию, которая членит этот текст так, как членится речевой поток, а именно следующим образом (ср. дополнительно внесенные знаки препинания в соответствии с диеремикой устной речи):

> In 1927, | before writing about Eliot had become a major literary industry, | I published an essay on his poetry, | an essay, | which today I must regard as uncritical and wholly inadequate. || Eliot, | however, | wrote to me appreciatively about it, | saying that I had noted some features of his work, | which other critics had ignored. || Soon after we met, | and for the next ten years, | I was a regular contributor to *The Criterion*, | of which he was editor. || We lived in increasingly different worlds, | and our personal contact was slight, | but it would be unjust not to refer here to the invariable kindness and encouragement, | which I received from him at a time, | when this meant a great deal to a young man, | still unknown and just beginning to be a writer. || This disinterested helpfulness to someone, | whose ideas were in every way opposed to his own, | was typical of Eliot, | and earned him the personal regard of many, | who disagreed most strongly with all, | that he came to stand for. || I should add, | that during all the years of my association with *The Criterion*, | I had complete freedom to express in it a viewpoint, | which Eliot must have thought entirely mistaken. |||

То же самое можно сказать и о следующем тексте (точнее о его первой части; вторая часть в этом смысле, можно сказать, «безупречна»). Его устное воспроизведение обусловливает использование «дополнительных» знаков препинания, которые указывают на границы, возникающие

при членении текста и, следовательно, способствуют его адекватному восприятию.

> Circumstances have made me think a good deal at different times about the business of writing novels, and what it means, and is, and may be; and I was a professional critic of novels long before I wrote them. I have been writing novels, or writing about novels, for the last twenty years. It seems only yesterday that I wrote a review—the first long and appreciative review he had—of Mr. Joseph Conrad's "Almayer's Folly" in the *Saturday Review*. When a man has focussed so much of his life upon the novel, it is not reasonable to expect him to take too modest or apologetic a view of it. I consider the novel an important and necessary thing indeed in that complicated system of uneasy adjustments and readjustments which is modern civilisation. I make very high and wide claims for it. In many directions I do not think we can get along without it.
>
> (H. G. Wells, The Contemporary Novel.)

Первое предложение в этом тексте очень своеобразно по своему построению. Оно скорее напоминает устно излагаемый текст. В середине предложения автор поставил точку с запятой, хотя следующая часть предложения начинается с союза "and". По-видимому, автор хотел представить эту часть текста как попутное замечание, отступление, не имеющее прямого отношения ко всему предложению в целом. Конечно, данное предложение можно было бы расчленить на несколько частей, например:

> Circumstances have made me think a good deal at different times about the business of writing novels. I have tried to think over a problem of what this writing-novel business means. What is it in fact: the art of producing novels. How in general novels may be written. I'd like to mention in passing that I was a professional critic of novels long before I wrote them и т.д.

Таким образом, в нашей интерпретации из одного предложения получилось пять. Однако, хотя в целом

смысл остался тем же, полностью изменился весь стиль повествования, утратилась его индивидуальность.

В конце этого абзаца автор разделил текст на три предложения, которые очень близко связаны по смыслу:

> I consider the novel an important and necessary thing indeed in that complicated system of uneasy adjustments and readjustments which is modern civilisation. I make very high and wide claims for it. In many directions I do not think we can get along without it.

Итак, как мы видели из предыдущего изложения, первое предложение в авторской интерпретации оказалось нерасчлененным. В случае же последних предложений, несмотря на их смысловую связанность, автор предпочел расчленить их посредством точки. Как видно из текста, в этих предложениях содержится суждение автора о роли романа в условиях современной культуры. Эти мысли автор хотел выразить как можно яснее, эмоциональнее, весомее для читателя, причем достиг он этого с помощью трех отдельных предложений. Напротив, одно длинное предложение, вместо этих трех, совершенно изменило бы ритмический рисунок текста, сместило бы акценты, ср.:

> I consider the novel an important and necessary thing indeed in that complicated system of uneasy adjustments and readjustments which is modern civilisation and because of that I make very high and wide claims for it, so that in many directions I do not think we can get along with it.

Продолжим анализ:

> Now this, I know, is not the usually received opinion. There is, I am aware, the theory that the novel is wholly and solely a means of relaxation. In spite of manifest facts, that was the dominant view of the great period that we now in our retrospective way speak of as the Victorian, and it still survives to this day. It is the man's theory of the novel rather than the woman's. One may call it the Weary Giant theory. The reader is represented as a man, burthened, toiling, worn. He has been in his office from ten to four, with perhaps only two hours' interval at his

club for lunch; or he has been playing golf; or he has been waiting about and voting in the House; or he has been fishing; or he has been disputing a point of law; or writing a sermon; or doing one of a thousand other of the grave important things which constitute the substance of a prosperous man's life. Now at last comes the little precious interval of leisure, and the Weary Giant takes up a book. Perhaps he is vexed: he may have been bunkered, his line may have been entangled in the trees, his favourite investment may have slumped, or the judge have had indignation and been extremely rude to him. He wants to forget the troublesome realities of life. He wants to be taken out of himself, to be cheered, consoled, amused—above all, amused. He doesn't want ideas, he doesn't want facts; above all, he doesn't want—*Problems*. He wants to dream of the bright, thin, gay excitements of a phantom world—in which he can be hero—of horses ridden and lace worn and princesses rescued and won. He wants pictures of funny slums, and entertaining paupers, and laughable longshoremen, and kindly impulses making life sweet. He wants romance without its defiance, and humour without its sting; and the business of the novelist, he holds, is to supply this cooling refreshment. That is the Weary Giant theory of the novel. It ruled British criticism up to the period of the Boer war—and then something happened to quite a lot of us, and it has never completely recovered its old predominance. Perhaps it will; perhaps something else may happen to prevent its ever doing so.

(H.G. Wells, The Contemporary Novel.)

Этот довольно длинный абзац приведен нами здесь полностью для того, чтобы показать различные приемы, которыми пользуется автор в целях придать тексту выразительность.

Во-первых, абзац начинается с предложения: "Now this, I know, is not the usually received opinion". Этим предложением мог бы закончиться предыдущий абзац, но автор начинает им новый абзац, стремясь сделать повествование более понятным, как бы противопоставить два

мнения о месте и роли романа в эстетическом развитии людей.

Вынесенные в начальную позицию обстоятельство "now" и указательное местоимение "this" выполняют в тексте не столько информативную, сколько анафорическую функцию, устанавливающую логическую связь с предшествующим текстом. Кроме того, такое замещение начальной позиции в предложении позволяет дать сначала не тему, а рему или ее часть (как это имеет место в нашем случае) — прием, характерный вообще для экспрессивной речи.

Далее автор употребляет три относительно небольших предложения, где он излагает одну из теорий, вскрывающих сущность романа. Однако затем Г. Уэллс использует стилистический прием — полисиндетон, употребляя после каждого однородного отрезка речи точку с запятой. Использование здесь этого знака препинания не совсем обычно; чаще всего в этих случаях употребляется запятая, однако, точка с запятой, будучи более «сильным» знаком препинания, выделяет более контрастно синтагматические отрезки речи. Употребление вместо точек с запятой точки невозможно, так как это разрушило бы полисиндетон, изменило бы ритм текста.

После этого длинного предложения употреблено предложение, которое как бы подытоживает все сказанное выше: "Now at last comes the little precious interval of leisure, and the Weary Giant takes up a book".

Следующее предложение включает после двоеточия перечисление отрезков с повтором в них одного и того же элемента — "may have been". Далее следуют предложения, хотя и отделенные — для создания большей подчеркнутости, большей выразительности друг от друга точками, но представляющие собой стилистический прием — повтор: каждое предложение этой фигуры, начинающееся с "He wants" или "He doesn't want", построено по принципу синтаксического параллелизма. Повторы, будучи и сами по себе достаточно экспрессивным средством, содержат конструкции, описывающие эмоциональные состояния человека. При этом, для того чтобы подчеркнуть, по мнению писателя, особенно важное, он использует тире: "... amused—above all amused"; "... he doesn't want—*Problems*", "...—in which he can be hero—". Последний случай может

быть расценен как парантетическое внесение, но это не так, это очень важная часть повествования, без которой весь смысл, вкладываемый автором в это высказывание, остался бы не вполне ясным.

Что касается пунктуации в этом тексте, то автор, бесспорно, сторонник использования «сильных знаков» — точки, точки с запятой, тире. Так, например, повтор мог бы быть оформлен и запятой, что более обычно для этой фигуры, или, например, предложение "He wants romance without its defiance, and humour without its sting; and the business of the novelist, he holds, is to supply this cooling refreshment", в котором на месте знака точки с запятой могла бы стоять запятая (ср. and ... , and ...). Однако автор использует «среднее» между запятой и точкой, подчеркивая смысловую связь, объединенность этих отрезков высказывания, и одновременно выделяя — сильным знаком — каждое из них.

Следующее предложение состоит как бы из двух совершенно разных частей, противопоставленных друг другу не только по смыслу, что оформляется на письме при помощи тире: "It ruled British criticism up to the period of the Boer war—and then something happened to quite a lot of us, and it has never completely recovered its old predominance". Если бы после слова "war" была поставлена точка, то изменился бы определенный стилистический эффект, достигнутый автором при помощи тире.

Последнее предложение абзаца представляет собой как бы "afterthought", размышление автора относительно судьбы одной из критических теорий романа. Это предложение звучит диссонансом по отношению ко всему, что было им сказано выше, оно изменяет модальность всего абзаца и, безусловно, представляет собой определенный прием, которым пользуется автор для достижения нужного ему стилистического эффекта.

Возможен и другой вариант оформления этого текста:

> Now this, | I know, | is not the usually received opinion. || There is, | I am aware, | the theory, | that the novel is wholly and solely a means of relaxation. || In spite of manifest facts, | that was the dominant view of the great period that we now, | (in our retrospective way) | speak of as the Victorian, | and it

still survives to this day. ‖ It is the man's theory of the novel, | rather than the woman's. ‖ One may call it the Weary Giant theory. ‖ The reader is represented as a man, | burthened, | toiling, | worn. ‖ He has been in his office from ten to four, | with perhaps only two hours' interval at his club for lunch; ‖ or he has been playing golf; ‖ or he has been waiting about and voting in the House; ‖ or he has been fishing; | or he has been disputing a point of law; | or writing a sermon; | or doing one of a thousand other of the grave important things, which constitute the substance of a prosperous man's life. ‖ Now, | at last, | comes the little precious interval of leisure, | and the Weary Giant takes up a book. ‖ Perhaps he is vexed: ‖ he may have been bunkered, | his line may have been entangled in the trees, | his favourite investment may have slumped; | or the judge have had indignation and been extremely rude to him. ‖ He wants to forget the troublesome realities of life. ‖ He wants to be taken out of himself, | to be cheered, | consoled, | amused — above all, | amused. ‖ He doesn't want ideas, | he doesn't want facts; ‖ above all, | he doesn't want | —*Problems.* ‖ He wants to dream of the bright, | thin, | gay excitements of a phantom world | —in which he can be hero | —of horses ridden and lace worn and princesses rescued and won. ‖ He wants pictures of funny slums, | and entertaining paupers, | and laughable longshoremen, | and kindly impulses making life sweet. ‖ He wants romance without its defiance, | and humour without its sting; ‖ and the business of the novelist, | he holds, | is to supply this cooling refreshment. ‖ That is the Weary Giant theory of the novel. ‖ It ruled British criticism up to the period of the Boer war—and then, | something happened to quite a lot of us, | and it has never completely recovered its old predominance. ‖ Perhaps it will; ‖ perhaps something else may happen, | to prevent its ever doing so.|||

Предложенная пунктуация изменяет просодию текста и, следовательно, характер его экспрессивной направленности. Этот текст принадлежит к числу литературовед-

ческих текстов. И здесь мы опять сталкиваемся с дилеммой — считать ли литературоведческие тексты принадлежностью научного регистра или же рассматривать их как разновидность словесно-художественного творчества? Отвечая на этот вопрос, мы изменили пунктуацию, стремясь приблизить текст к научному регистру.

§ 3
Роль пунктуации при оформлении текстов, имитирующих спонтанную речь

В последнее время много внимания уделяется изучению синтаксиса спонтанной разговорной речи (impromptu speech).

Как известно, вопросы спонтанной речи, процесс ее создания тесно связан с процессом мышления. Когда люди говорят, им свойственно не соблюдать строгих правил построения речи. Синтаксически правильно оформленное предложение характерно только для письменной речи, где синтаксис получает полное раскрытие. Хотя рассмотрение вопросов разговорной речи и не входит в задачу настоящей книги (мы ограничиваемся анализом членения письменной и устной речи, которая соответствует правилам ее синтаксической организации), тем не менее, обращение к построению разговорной речи позволяет создать себе более полную картину синтаксической организации текста и особенностей его членения.

Важное место в изучении синтаксиса разговорной речи, как известно, занимает невербальный аспект спонтанной речи. Выделяются фатическая, металингвистическая и метакоммуникативная функции речи. Когда спонтанно текущий речевой поток резко нарушается, наступает очередь второго собеседника вступить в диалог. Отсюда возникает необходимость рассмотрения речевого акта с новой точки зрения — исходя из того, как в «текущий речевой поток» вмешивается второй собеседник[13].

В русском языкознании термин «разговорная речь» был введен Е. А. Земской[14]. Этот термин употребляется в четырех значениях: 1) любой вид устной речи, 2) устная речь, которой пользуются жители городов, 3) разговорная речь людей независимо от их места жительства (бытовая

речь), 4) спонтанная, неподготовленная речь людей, которые говорят на литературном русском языке. Именно в этом, последнем плане ведутся наиболее активные исследования разговорной речи.

Л. В. Щерба еще в 1915 году подчеркивал, что основной формой разговорной речи является диалог и что это объясняется особыми структурными признаками последнего[15].

В 1973 году результаты, полученные в области изучения спонтанной речи, были суммированы в монографии Е. А. Земской «Русская разговорная речь»[16]. Как показало исследование, многие формы устной речи оказались идентичными письменной речи. Поэтому потребовалось выделить особую систему правил, поскольку различные формы в различных контекстах функционируют на основе разных синтаксических систем. Были выделены три критерия для разграничения условий, в которых осуществляется разговорная речь: 1) говорящий неподготовлен и воспроизводит речь спонтанно, 2) говорящий находится в непосредственном контакте со слушающими, 3) говорящий находится в непринужденной атмосфере.

О. А. Лаптева считает, что неподготовленная речь хаотична и не имеет никакой организации[17]. Тем не менее, другие исследователи настаивают на необходимости разрабатывать именно особенности структурной организации русской разговорной речи. Так, Б. М. Гаспаров, исследуя структурную организацию устной речи[18], выделяет следующие синтаксические характеристики русской разговорной речи: 1) инверсия и «нарушенные» конструкции, 2) перерывы, паузы, наполнители, 3) активация падежей.

Исследователи русской разговорной речи считают, что смысл устных высказываний создается противопоставлением и сравнением семантических единиц, и в меньшей степени грамматическими отношениями между ними с их письменным аналогом. Так, если воспроизвести спонтанную речь на письме, то очень часто ее смысл будет неясен. Для того чтобы понять ее, читатель должен воссоздать ситуацию, в которой была воспроизведена речь, а также придать ей соответствующую интонацию и организацию.

Основная проблема изучения спонтанной речи заключается в том, чтобы обнаружить и отрезать те сегменты, которые имеют отношение к изучению лингвистических

структур и планированию речи (speech planning), т.е. рассмотреть предпосылки речеобразования. Особенно важно, чтобы процедура речеобразования и его анализ рассматривались бы на больших массивах речи. При этом необходимо учитывать просодические факторы, синтаксические свойства и функции речевых актов. Учет всех этих сторон позволит уяснить функции различных пограничных сигналов в потоке речи, изучить их взаимосвязи и «взаимную координацию».

Исследование спонтанной речи нередко затрудняется сложностью различения речи, подготовленной заранее, а затем воспроизведенной, и речи спонтанной, неподготовленной. В работах ученых, занимающихся изучением устно-разговорной речи[19], делается попытка рассмотреть различные конструкции устно-разговорной речи в связи с их функционально системным и структурным построением. Кроме того, ставится вопрос о взаимоотношениях норм построения спонтанной речи (если здесь вообще можно говорить о каких-либо нормах) и системы синтактико-стилистического построения литературного языка[20].

Изучается и социолингвистический аспект форм спонтанной речи. На основе обобщения результатов исследований в этой области делается попытка дать общую характеристику и выяснить особенности разговорной речи, в частности, шведской. По мнению исследователей, это будет иметь большое значение для обучения шведскому языку как иностранному[21].

Итак, как видно из краткой характеристики различных подходов к изучению разговорной речи, здесь еще очень много неясных и нерешенных проблем. И прежде всего, нужно обратить внимание и на то обстоятельство, что исследователи разговорной, спонтанной речи не всегда учитывают различия, обусловленные тем или иным функциональным стилем речи. Ведь может быть спонтанная научная речь, художественная речь, обиходно-бытовая речь. У каждой из них есть свои особые характерные черты и закономерности.

Кроме того, при изучении спонтанной речи нельзя не учитывать всю совокупность ее просодического оформления, которое нередко играет решающую роль в построении спонтанной речи, особенно в выражении функциональной перспективы высказывания. Все сказанное доказывает не-

обходимость изучения построения речи в различных функциональных стилях с учетом всех характерных особенностей ее синтаксического, стилистического и просодического оформления. Особенный интерес для данного раздела работы представляет транспозиция «разговорной речи» на письме. Ниже мы приводим материал, иллюстрирующий использование в стилистических целях 1) собственно «разговорной речи», изображенной «на письме», в составе произведения художественной литературы и 2) использование «никудышнего» (throw-away) синтаксиса в литературе «потока сознания».

Текст представляет собой письма юной мещаночки из состоятельной семьи, путешествующей с родителями по Средиземному морю. Девушка не искушена в искусстве выражать свои мысли письменно, более того, для нее, как мы увидим, не существует ни правил синтаксической организации предложений, ни знаков препинания, необходимых для оформления смысловых отношений внутри высказывания, да и ее грамотность далеко не всегда на высоте. Из всех пунктуационных средств английского языка она пользуется: только о д н а ж д ы в каждом письме запятой — при обращении "Darling", "Sweet"; только однажды — во всех приведенных письмах — сдвоенными тире, изредка, при вопросе — вопросительным знаком, но в основном «оперирует» точкой. Интересно отметить, что эти знаки (как и заглавные буквы) она использует, как правило, в экспрессивной функции, особенно точку. Причем, точку она ставит в большинстве случаев не для членения речи на предложения или отрезки, выражающие относительно законченную мысль, а для выражения эмфазы, т.е. там, где был бы уместен восклицательный знак. Однако восклицательный знак ей чужд вообще. Ср.:

S.S. Glory of Greece

Darling,

Well I said I would write and so I would have only goodness it was rough so didnt. Now everything is a bit more alright so I will tell you. Well as you know the cruise started at Monte Carlo and when papa and all of us went to Victoria we found that the tickets didnt include the journey there so Goodness how furious he was and said he wouldnt go but Mum said

of course we must go and we said that too only papa had changed all his money into Liri or Franks on account of foreigners being so dishonest but he kept a shilling for the porter at Dover being methodical so then he had to change it back again and that set him wrong all the way to Monte Carlo and he wouldnt get me and Bertie a sleeper and wouldnt sleep himself in his through being so angry Goodness how Sad.

Then everything was much more alright the purser called him Colonel and he likes his cabin so he took Bertie to the casino and he lost and Bertie won and I think Bertie got a bit plastered at least he made a noise going to bed he's in the next cabin as if he were being sick and that was before we sailed. Bertie has got some books on Baroque art on account of his being at Oxford.

Well the first day it was rough and I got up and felt odd in the bath and the soap wouldnt work on account of salt water you see and came into breakfast and there was a list of so many things including steak and onions and there was a corking young man who said we are the only ones down may I sit here and it was going beautifully and he had steak and onions but it was no good I had to go back to bed just when he was saying there was nothing he admired so much about a girl as her being a good sailor Goodness how sad.

The thing is not to have a bath and to be very slow in all movements. So next day it was Naples and we saw some Bertie churches and then that bit that got blown up in an earthquake and a poor dog killed they have a plaster cast of him goodness how sad. Papa and Bertie saw some pictures we weren't allowed to see and Bill drew them for me afterwards and miss P. tried to look too. I havent told you about Bill and miss P. have I? Well Bill is rather old but clean looking and I don't suppose his very old not really I mean and he's had a very disillusionary life on account of his wife who he says I wont say a word against but she gave him the raspberry with a foreigner and that makes him hate foreigners. Miss P. is called Miss Phillips and is lousy she wears a yachting cap

and is a bitch. And the way she makes up to the second officer is no ones business and its clear to the meanest intelligence he hates her but its part of the rules that all the sailors have to pretend to fancy the passengers. Who else is there? Well a lot of old ones. ...

S.S. Glory of Greece

Darling,

Hope you got P.C. from Sicily. The moral of that was not to make chums with sailors though who Ive made a chum of is the purser who's different on account he leads a very cynical life with a gramophone in his cabin and as many cocktails as he likes and welsh rabbits sometimes and I said but do you pay for all these drinks but he said no that's all right.

So we have three days at sea which the clergyman said is a good thing as it makes us all friendly but it hasn't made me friendly with Miss P. who won't leave poor Bill alone not taking any more chances of being left alone when she goes ashore. The purser says theres always someone like her on board in fact he says that about everyone except me who he says quite rightly is different goodness how decent.

So there are deck games they are hell. And the day before we reach Haifa there is to be a fancy dress dance. Papa is very good at the deck games especially one called shuffle board and eats more than he does in London but I daresay its alright. You have to hire dresses for the ball from the barber I mean we do not you. Miss P. has brought her own. So I've thought of a v. clever thing at least the purser suggested it and that is to wear the clothes of one of the sailors I tried his on and looked a treat. Poor Miss P.

Bertie is madly unpop. he wont play any of the games and being plastered the other night too and tried to climb down a ventilator and the second officer pulled him out and the old ones at the captains table look *askance* at him. New word that. Literary yes? No? ...

S.S. Glory of Greece

Darling,

Well the Ball we had to come in to dinner in our clothes and everyone clapped as we came downstairs. So I was pretty late on account of not being able to make up my mind whether to wear the hat and in the end did and looked a corker. Well it was rather a faint clap for me considering so when I looked about there were about twenty girls and some women all dressed like me so how cynical the purser turns out to be. Bertie looked horribly dull as an apache. Mum and Papa were sweet. Miss P. had a ballet dress from the Russian ballet which couldnt have been more unsuitable so we had champagne for dinner and were jolly and they threw paper streamers and I threw mine before it was unrolled and hit Miss P. on the nose. Ha ha. So feeling matey I said to the steward isnt this fun and he said yes for them who hasnt got to clear it up goodness how Sad.

Well of course Bertie was plastered and went a bit far particularly in what he said to Lady M. then he sat in the cynical pursers cabin in the dark and cried so Bill and I found him and Bill gave him some drinks and what do you think he went off with Miss P. and we didn't see either of them again it only shows into what degradation the Demon Drink can drag you him I mean.

Then who should I meet but the young man who had steak and onions on the first morning and is called Robert and said I have been trying to meet you again all the voyage. Then I bitched him a bit goodness how Decent.

Poor Mum got taken up by Bill and he told her all about his wife and how she had disillusioned him with the foreigner so tomorrow we reach Port Said d.v. which is latin in case you didn't know meaning God Willing and all to go up the nile and to Cairo for a week.

Will send P.C. of Sphinx
XXXXXX.

S.S. Glory of Greece

Darling,

Well so we all came back from Egypt pretty excited and the cynical purser said what news and I said *news* well Im engaged to Arthur and Bertie is engaged to Miss P. and she is called Mabel now which is hardest of all to bear I said and Robert to a lousy girl and Papa has had a row with Lady M. and Bill has had a row with Bertie and Roberts lousy girl was awful to me and Arthur was sweet but the cynical purser wasnt a bit surprised on account he said people always get engaged and have quarrels on the Egyptian trip every cruise so I said I wasnt in the habit of getting engaged lightly thank you and he said I wasnt apparently in the habit of going to Egypt so I wont speak to him again nor will Arthur.

All love.

S.S. Glory of Greece

Sweet,

This is Algiers *not* very eastern in fact full of frogs. So it is all off with Arthur I was right about him at the first but who I am engaged to is Robert which is *much* better for all concerned really particularly Arthur on account of what I said originally first impressions always right. Yes? No? Robert and I drove about all day in the Botanic gardens and Goodness he was Decent. Bertie got plastered and had a row with Mabel—Miss P. again—so thats all right too and Robert's lousy girl spent all day on board with second officer. Mum bought a shawl. Bill told Lady M. about his disillusionment and she told Robert who said yes we all know so Lady M. said it was very unreticent of Bill and she had very little respect for him and didn't blame his wife or the foreigner.

Love.

(Evelyn Waugh, Cruise (Letters from a Young Lady of Leisure). — In: Prose Memoirs Essays.)

Представим данный текст как аналог устной (звучащей) речи со свойственной ей просодией, ибо данный текст и

есть, скорее, речевой поток, чем обдуманная, упорядоченная его письменная форма, ср.:

S.S. Glory of Greece

I Darling,

'Well ¦ I said I would ˏwrite ¦ and so I would ˎhave ¦ only ¦ goodness it was ˎrough | so ˎdidnt. || 'Now everything is a bit more alright | ˏso I will 'tell you. || Well ¦ as you ˏknow the 'cruise started at ˏMonte ˎCarlo || and when papa and all of us went to Vicˏtoria ¦ we found ¦ that the 'tickets didnt include the journey ˏthere ¦ so 'Goodness how ∖furious he ˏwas and said he wouldnt ˎgo | but 'Mum said of ˏcourse we must ˌgo | and we said that ˏtoo | only papa had changed all his 'money into ˏLiri or ˏFranks | on account of foreigners being so disˎhonest | but he kept a shilling for the porter at 'Dover ¦ being methodical | so ˏthen he had to change it ˎback aˌgain | and that set him wrong all the way to ˏMonte ˎCarlo || and he wouldnt get me and Bertie a ˏsleeper ¦ and wouldnt sleep him ˌself in 'his through being so ˎangry ¦ 'Goodness how ∖Sad. |||

'Then everything was much more alˎright || the purser called him ˏColonel, ¦ and he likes his ˏcabin ¦ so he took Bertie to the caˏsino and he lost and Bertie ∖won || and I 'think Bertie got a bit ˎplastered | at least he made a noise going to 'bed he's in the ˏnext ˎcabin | as if he were being ∖sick || and that was before we sailed. ||| 'Bertie has got some 'books on Baroque ˏart ¦ on account of his being at ∖Oxford. |||

'Well ¦ the first day it was ˎrough ¦ and I got ˏup and felt odd in the ˎbath ¦ and the 'soap wouldnt ·work on account of salt ˎwater ¦ you see ¦ and came into ˏbreakfast and there was a list of so many 'things ¦ including steak and onions ¦ and there was a corking young ˏman ¦ who said we are the 'only ·ones down may I sit ˏhere ¦ and it was going ∖beautifully || and he had steak and ˏonions ¦ but it was 'no 'good | I had to go back to 'bed just when he was saying there was 'nothing he admired so much about a ˏgirl | as 'her being a good ˎsailor | Goodness how ˎsad. |||

The 'thing is not to have a ˎbath | and to be very

slow in all ˎmovements. ‖ So 'next day it was ˏNaples | and we saw some Bertie ˎchurches ‖ and 'then that bit that got blown 'up in an ˎearthquake ‖ and a poor 'dog ˎkilled | they have a plaster cast of him | 'goodness how ˎsad. ‖ Pa'pa and ˏBertie saw some pictures we weren't allowed to ˎsee ‖ and 'Bill drew them for me ˎafterwards | and miss ˏP. tried to look ˎtoo. ‖ I havent told you about Bill and miss ˎP. | ˏhave ·I? ‖ 'Well | 'Bill is rather ·old but ˎclean ˌlooking | and I 'don't suppose his very ˏold ¦ not 'really I ˏmean, ¦ and he's had a very disillusionary 'life on account of his ˏwife ¦ who ¦ he ˏsays ¦ I wont say a word aˎgainst ¦ but she gave him the raspberry with a foreigner ¦ and that makes him hate ↘foreigners. ‖ Miss ˏP. is called Miss ˎPhillips | and is ˌlousy ‖ she wears a yachting ˏcap and is a ˎbitch. ‖ And the way she makes up to the second ˏofficer ¦ is no ones 'business | and its clear to the meanest in'telligence he ˎhates her | but its part of the ˏrules that all the sailors have to pretend to fancy the ↘passengers. ‖ Who else is ˏthere? ‖ Well a 'lot of ˎold ˌones. ||| ...

S.S. Glory of Greece

ˎDarling, |

Hope you got P.C. from ˎSicily. ‖ The 'moral of that was not to make chums with 'sailors ¦ though who Ive made a chum of is the ˏpurser ¦ who's ˎdifferent | on account he leads a 'very cynical life | with a gramophone in his ˏcabin and 'as many cocktails ¦ as he ˎlikes | and welsh 'rabbits sometimes | and I 'said | but do you pay for all these ˏdrinks | but he said | ˎno | that's all ˎright. |||

So we have three days at ˏsea ¦ which the clergyman said is a 'good ·thing | as it makes us all 'friendly | but it hasn't made me friendly with Miss P. | who won't leave poor Bill aˏlone ¦ not taking any more chances of being left aˏlone ¦ when she goes aˎshore. ‖ The purser says theres always someone like her on 'board ‖ in ˏfact he says that about everyone except ˎme ¦ who he ˏsays | quite rightly is ˎdifferent | 'goodness how ↘decent. |||

'So there are ˎdeck games ‖ they are ˎhell. ‖ And

the day before we reach ˏHaifa | there is to be a fancy ˎdress ·dance. || Papa is very good at the 'deck ˏgames | especially one called ˎshuffle ˌboard and eats more than he does in ˌLondon | but | I daresay | its alˎright. || You have to hire dresses for the ball from the ˎbarber | I mean ˎwe | do 'not ˎyou. || Miss ˏP. has brought her ˎown. || So I've thought of a 'v. clever ˌthing | at least the purser suggested ˏit | and that is to wear the clothes of one of the ˎsailors || I tried his on and looked a ˎtreat. || 'Poor ·Miss ˎP. ||

Bertie is madly unˌpop. | he wont play any of the ˏgames and being plastered the other night ˏtoo | and tried to climb down a ventiˎlator | and the 'second ·officer pulled him ˎout | and the 'old ones at the captains table look ⩙*askance* at him. || 'New ·word ˎthat. || ˏLiterary | ˌyes? || ˏNo? ||| ...

S.S. Glory of Greece

Darling, |||

'Well | the Ball we had to come in to dinner in our ˏclothes and everyone ˏclapped as we came ˎdownstairs. || So I was pretty late on account of not being able to 'make up my ˏmind | whether to wear the ˏhat | and in the end ˎdid | and looked a ˎcorker. || Well | it was rather a 'faint ˎclap for me | considering so when I looked about there were about 'twenty girls and some ˏwomen all dressed like ⩙me || so how 'cynical the purser turns out to ⩙be. || 'Bertie looked horribly 'dull as an ⩙apache. || Mum and Papa were ⩙sweet. || Miss P. had a ˏballet 'dress from the 'Russian ⩙ballet | which couldnt have been more un'suitable | so we had champagne for ˏdinner and were ˎjolly || and they threw paper ˎstreamers || and I threw ˏmine || before it was unˎrolled | and hit Miss P. on the ˎnose. || Ha ha. || So feeling matey I 'said to the ·steward | isnt this ˏfun | and he said | ˎyes | for them who hasnt got to clear it ˎup | goodness how ⩙Sad. |||

Well | of ˏcourse Bertie was plastered and went a bitˎ far | parˏticularly | in what he said to Lady ⩙M. | then he sat in the cynical pursers ˏcabin | in the dark and ˎcried || so Bill and I found him and Bill gave him some 'drinks | and what do you ˏthink | he went

off with Miss ˎP. and we didn't see either of them aˌgain ‖ it only shows into what degradation the Demon Drink can ↘drag you | ˎhim I ˏmean. |||

Then | who should I ˏmeet | but the young ˈman | who had steak and onions on the first ˏmorning | and is called Robert | and said | I have been trying to meet you again all the ˏvoyage. ‖ Then I ˈbitched him a ˏbit | ˈgoodness how ↘Decent. |||

Poor Mum got taken up by ↗Bill | and he told her all about his ↘wife | and how she had disillusioned him with the ↘foreigner | so tomorrow we reach Port Said d.v. | which is latin in case you didn't ↘know | meaning ˈGod ˎWilling | and all to go up the nile and to ↘Cairo for a ˌweek. |||

Will send P.C. of Sphinx

XXXXXX.

S.S. Glory of Greece

Darling, ⦚

Well | so we all came back from ˈEgypt pretty exˎcited | and the cynical purser ˏsaid | ˈwhat ˏnews | and ˈI said | ˏ*news* | well | Im engaged to ˏArthur | and Bertie is engaged to Miss ˏP. | and she is called ˏMabel now | which is hardest of all to bear I said | and Robert to a lousy ˏgirl | and Papa has had a row with Lady ˏM. | and Bill has had a row with ˏBertie | and Roberts lousy girl was awful to ˏme | and Arthur was ˏsweet | but the cynical purser wasnt a bit surprised on acˈcount ⦚ he ˏsaid | people always get engaged and have quarrels on the Egyptian trip every ˎcruise | so I said | I wasnt in the habit of getting engaged ˏlightly | thank you | and he said | I wasnt apparently in the habit of going to ˏEgypt | so I wont speak to him aˈgain | nor will Arthur. |||

All love.

S.S. Glory of Greece

Sweet, ⦚

This is ˎAlgiers | *not* very eastern | in ˏfact | full of ˎfrogs. ‖ So it is all off with ˎArthur | I was right about him at the ˏfirst ⦚ but who I am engaged to is ˎRobert | which is ˈ*much* better | for all concerned

ˏreally | particularly ˎArthur | on account of what I said o'riginally | first impressions always ˎright. || ˏYes? | ˏNo? || Robert and I drove about all day in the Botanic ˏgardens | and 'Goodness he was ˎDecent. | 'Bertie got plastered and had a row with ˎMabel | — Miss P. aˌgain— | so thats all right ˏtoo | and Robert's lousy girl spent all day on board with second ˎofficer. || Mum bought a ˎshawl. || Bill told Lady M. about his disilˏlusionment and she told Robert who 'said | yes we all ˎknow | so Lady M. said it was very unˎreticent of 'Bill | and she had very little respect for him and didn't blame his 'wife | or the ˎforeigner. ||

ˎLove. |||

«Письменный вариант», т.е. упорядоченную с помощью знаков препинания форму, вышеприведенного высказывания, мы приводим ниже, ср.:

S.S. Glory of Greece

II Darling,

Well. I said I would write, and so I would have, only goodness, it was rough so didnt. Now everything is a bit more alright. So I will tell you. Well, as you know, the cruise started at Monte Carlo. And when papa and all of us went to Victoria, we found that the tickets didnt include the journey there. So, Goodness, how furious he was. And said he wouldnt go. But Mum said: "Of course we must go." And we said that too. Only papa had changed all his money into Liri or Franks (on account of foreigners being so dishonest). But he kept a shilling for the porter at Dover (being methodical). So, then he had to change it back again. And that set him wrong all the way to Monte Carlo. And he wouldnt get me and Bertie a sleeper; and wouldnt sleep himself in his (through being so angry). Goodness, how Sad!

Then everything was much more alright. The purser called him 'Colonel'. And he likes his cabin. So he took Bertie to the casino. And he lost. And Bertie won. And I think Bertie got a bit plastered, at least he made a noise going to bed (he's in the next cabin) as if he were being sick. And that was before

we sailed. Bertie has got some books on Baroque art (on account of his being at Oxford).

Well the first day it was rough. And I got up and felt odd in the bath, and the soap wouldnt work (on account of salt water, you see), and came into breakfast, and there was a list of so many things (including steak and onions). And there was a corking young man, who said: "We are the only ones down. May I sit here." And it was going beautifully. And he had steak and onions. But it was no good I had to go back to bed (just when he was saying, there was nothing he admired so much about a girl, as her being a good sailor). Goodness how sad!

The thing is not to have a bath and to be very slow in all movements. So next day it was Naples. And we saw some Bertie churches, and then, that bit, that got blown up in an earthquake. And a poor dog killed. They have a plaster cast of him. Goodness, how sad! Papa and Bertie saw some pictures. We weren't allowed to see. And Bill drew them for me afterwards. And miss P. tried to look too. I havent told you about Bill and miss P., have I? Well. Bill is rather old but clean looking. And I don't suppose his very old, not really, I mean. And he's had a very disillusionary life, on account of his wife who, he says: "I wont say a word against" but she gave him the raspberry with a foreigner. And that makes him hate foreigners. Miss P. is called Miss Phillips and is lousy. She wears a yachting cap, and is a bitch. And the way she makes up to the second officer, is no ones business. And its clear to the meanest intelligence, he hates her. But its part of the rules, that all the sailors have to pretend to fancy the passengers. Who else is there? Well, a lot of old ones. ...

S.S. Glory of Greece

Darling,

Hope you got P.C. from Sicily. The moral of that was not to make chums with sailors. Though, who Ive made a chum of, is the purser, who's different. On account he leads a very cynical life, with a gramophone in his cabin, and as many cocktails as he likes,

and welsh rabbits sometimes. And I said: "But do you pay for all these drinks?" But he said: "No, that's all right."

So we have three days at sea, which the clergyman said is a good thing, as it makes us all friendly. But it hasn't made me friendly with Miss P., who won't leave poor Bill alone (not taking any more chances of being left alone when she goes ashore). The purser says theres always someone like her on board. In fact he says that about everyone, except me, who, he says quite rightly, is different. Goodness, how decent!

So there are deck games. They are hell. And the day before we reach Haifa, there is to be a fancy dress dance. Papa is very good at the deck games, especially one, called shuffle board. And eats more than he does in London. But, I daresay, its alright. You have to hire dresses for the ball from the barber. I mean we. Do not you. Miss P. has brought her own. So I've thought of a v. clever thing. At least the purser suggested it. And that is to wear the clothes of one of the sailors. I tried his on and looked a treat. Poor Miss P.

Bertie is madly unpop.: he wont play any of the games. And being plastered the other night too, and tried to climb down a ventilator. And the second officer pulled him out. And the old ones at the captains table looked *askance* at him. New word that. Literary, yes? No?

S.S. Glory of Greece

Darling,

Well. The Ball we had to come in to dinner in our clothes, and everyone clapped, as we came downstairs. So I was pretty late, on account of not being able to make up my mind whether to wear the hat. And in the end did. And looked a corker. Well it was rather a faint clap for me, considering so, when I looked about, there were about twenty girls and some women, all dressed like me. So how cynical the purser turns out to be! Bertie looked horribly dull as an apache. Mum and Papa were sweet. Miss P. had a

ballet dress, from the Russian ballet, which couldnt have been more unsuitable. So we had champagne for dinner, and were jolly. And they threw paper streamers. And I threw mine before it was unrolled, and hit Miss P. on the nose. Ha-ha! So feeling matey, I said to the steward: "Isnt this fun?" And he said: "Yes, for them, who hasnt got to clear it up." Goodness how Sad!

Well of course Bertie was plastered and went a bit far. Particularly in what he said to Lady M. Then he sat in the cynical pursers cabin in the dark and cried. So Bill and I found him. And Bill gave him some drinks. And what do you think? He went off with Miss P.! And we didn't see either of them again! It only shows into what degradation the Demon Drink can drag you. Him I mean.

Then who should I meet, but the young man, who had steak and onions on the first morning and is called Robert, and said: "I have been trying to meet you again all the voyage." Then I bitched him a bit. Goodness, how Decent!

Poor Mum got taken up by Bill and he told her all about his wife, and how she had disillusioned him with the foreigner. So tomorrow we reach Port Said d.v. (which is latin, in case you didn't know, meaning "God Willing") and all to go up the nile and to Cairo for a week.

Will send P.C. of Sphinx
XXXXXX.

S.S. Glory of Greece

Darling,

Well. So we all came back from Egypt. Pretty excited. And the cynical purser said: "What news?" And I said: "*News*? Well. Im engaged to Arthur. And Bertie is engaged to Miss P. And she is called Mabel now (which is hardest of all to bear, I said) and Robert to a lousy girl. And Papa has had a row with Lady M. And Bill has had a row with Bertie. And Roberts lousy girl was awful to me. And Arthur was sweet." But the cynical purser wasnt a bit surprised, on account. He said: "People always get engaged and have

quarrels on the Egyptian trip every cruise." So I said: "I wasnt in the habit of getting engaged lightly. Thank you," and he said: "You wernt apparently in the habit of going to Egypt." So I wont speak to him again. Nor will Arthur.

All love.

S.S. Glory of Greece

Sweet,

This is Algiers. *Not* very eastern. In fact full of frogs. So it is all off with Arthur I was right about him at the first. But who I am engaged to is Robert, which is *much* better for all, concerned really particularly Arthur on account of what I said originally. First impressions always right. Yes? No? Robert and I drove about all day in the Botanic gardens. And Goodness! He was Decent! Bertie got plastered and had a row with Mabel—Miss P. again—so thats all right too. And Robert's lousy girl spent all day on board (with second officer). Mum bought a shawl. Bill told Lady M. about his disillusionment and she told Robert, who said: "Yes we all know." So Lady M. said it was very unreticent of Bill, and she had very little respect for him, and didn't blame his wife. Or the foreigner.

Love.

Ниже мы предлагаем перевод данного текста на русский язык. Сравнение перевода с оригиналом показывает, что переводчик в плане пунктуации в основном следовал оригиналу, рассматривая ее специальным стилистическим приемом автора. Как мы отмечали выше, автор считает стилистическим приемом не только о т с у т с т в и е знаков препинания там, где они нужны по правилам английской пунктуации, но и использование отдельных знаков, например, употребление знака точки в несвойственной ему экспрессивной функции: эта функция точки в оригинале отражена в переводе. Однако переводчик не везде учел особенности пунктуации оригинала. Так, восклицательный знак в оригинальном тексте вообще не употребляется, даже после обращения. В письмах после обращения стоит везде запятая (ибо в подобной функции персонаж расска-

за — автор этих писем — свою эмфазу выражает лишь запятой и точкой).

В переводе, как мы видим, переводчик использует в этой функции везде восклицательный знак («Моя дорогая!»). Далее, для эмфатического выделения парантетического внесения использованы в тексте оригинала сдвоенные тире, ср.:

> Berthie got plastered and had a row with Mabel — Miss P. again — so that's all right ...;

этот оттенок также утрачен при переводе (ср. с. 147).

Не отвечает художественно-стилистическому замыслу автора и употребление в переводе запятой для оформления зачина начального предложения письма, ср. «Ну так вот» и "Well" (см. ниже и с. 148).

Таким образом в приведенном тексте не только синтаксис высказываний и пунктуация — ее крайнее «ослабление», но и использование отдельных знаков, например, знака точки в несвойственном ему значении представляют собой яркий художественный прием, к которому прибегает автор для характеристики образа персонажа рассказа.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, я обещала сразу написать и написала бы но очень качало просто ужас. Сейчас стало немножко легче так что сажусь писать. Ну вот ты ведь знаешь наше путешествие начинается в Монте Карло а когда папа и мы все приехали на вокзал оказалось что путь от Лондона туда в билеты не входит и папа рассердился просто ужасно и сказал что не поедет а мама сказала глупости конечно поедем и мы тоже но папа успел обменять все деньги на лиры и франки только оставил шиллинг на чай носильщику в Дувре он такой методичный так что ему пришлось все менять обратно и он после этого ворчал всю дорогу и не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне а сам в спальном всю ночь не спал до того был рассержен. Ужас как грустно.

Потом все пошло гораздо лучше судовой кассир

назвал его полковник и каюта ему понравилась так что он повел Берти в казино и проиграл а Берти выиграл и Берти кажется нализался во всяком случае он когда ложился спать издавал такие звуки он в соседней каюте как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко раз он учится в Оксфорде.

Ну так вот в первый день была качка и мне прямо с утра как только я села в ванну стало не по себе и мыло не мылилось п. ч. вода соленая ты ведь знаешь а потом пошла завтракать в меню было ужасно всего много даже бифштекс с луком и очень симпатичный молодой человек он сказал только мы с вами и пришли можно к вам подсесть и все шло замечательно он заказал бифштекс с луком но я сплоховала пришлось уйти к себе и опять лечь а он как раз говорил что больше всего восхищается девушками которые не боятся качки ужас как грустно.

Самое главное не принимать ванну и совсем не делать быстрых движений. Ну на следующий день был Неаполь и мы посмотрели несколько церквей для Берти и тот город который взорвался во время землетрясения и убило несчастную собаку у них там есть с нее гипсовый слепок ужас как грустно. Папа и Берти видели какие-то картинки а нам их не показали мне их потом Билл рисовал а мисс Ф. подсматривала. Я тебе еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот Билл уже старый но очень элегантный то есть на самом деле он наверно не такой уж старый только он разочарован в жизни из-за жены он говорит что не хочет говорить о ней дурно но она сбежала с каким-то иностранцем так что он теперь ненавидит иностранцев. Мисс Ф. зовут мисс Филлипс препротивная ходит в яхтсменском кепи ужасная дрянь. Лезет к второму помощнику это конечно никого не касается но всякому дураку ясно что он ее видеть не может просто всем морякам полагается делать вид будто они влюблены в пассажирок. Кто у нас есть еще? Ну всякие старички и старушки. ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь ты получила мою открытку из Сицилии. Мораль ее в том чтобы не дружить с моряками но я-то подружилась с кассиром это совсем другое дело п.ч. он ведет двойную жизнь у него в каюте граммофон и сколько угодно коктейлей а иногда гренки с сыром и я спросила а вы за все это платите? а он сказал нет но пусть это вас не беспокоит.

Теперь мы три дня будем в море и священник сказал что это хорошо п.ч. мы все сдружимся но мы с мисс Ф. не сдружились она впилась в несчастного Билла как пиявка не хочет рисковать снова оказаться одной когда нас пустят на берег. Кассир говорит что одна такая всегда на пароходе найдется он даже говорит так про всех кроме меня а про меня совершенно правильно говорит что я не такая. Ужас как мил.

На палубе играют во всякие игры гадость ужасная. А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры особенно в шайбу и ест больше чем в Лондоне но это вероятно ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера то есть это нам надо а у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку вернее это кассир мне посоветовал чтобы одеться матросом я уже примеряла костюм он мне идет ужасно. Бедная мисс Ф.

Берти ни с кем не дружит в игры играть он не хочет и вчера вечером опять нализался и пробовал спуститься вниз по вентилятору его второй помощник вытащил и все старички за капитанским столом смотрят на него *скептически*. Это новое слово. Очень литературно? Или нет? ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот на маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах и когда мы входили все аплодировали. Я опоздала п.ч. никак не могла решить надевать шапочку или нет потом надела и получи-

лось дивно. Но мне похлопали совсем мало и когда я огляделась то увидела штук двадцать девушек и нескольких женщин в таких же костюмах вот каким двуличным человеком оказался этот кассир. Берти был апашем банально до ужаса. Мама и папа были прелесть. Мисс Ф. была в балетном костюме из русского балета он ей как корове седло ну за обедом мы пили шампанское а потом бросали серпантин я бросила не раскрутив и попала мисс Ф. прямо по носу. Ха-ха. Мне захотелось поболтать и я сказала официанту как весело правда? а он сказал да, только не для тех кому потом прибираться надо. Ужас как грустно. Ну Берти конечно нализался и немножко переборщил особенно в разговоре с леди М. а потом сидел в темноте в каюте у двуличного кассира и плакал мы с Биллом нашли его там и Билл дал ему выпить и что бы ты думала он исчез куда-то с мисс Ф. и больше мы их не видели это наглядный пример до какого позора может довести нас то есть его Демон Пьянства.

А потом кого бы ты думала я встретила того молодого человека который в первый день заказал бифштекс с луком его зовут Роберт и он сказал я вас все время ищу. Ну я немножко поиздевалась над ним ужас как мил.

Бедную маму выбрал в поверенные Билл он рассказал ей все про свою жену и как она разочаровала его с иностранцем ну завтра мы прибываем в Порт Саид D.V. это по латыни на случай что ты не знаешь означает если богу будет угодно а оттуда вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот мы все вернулись из Египта перебудораженные и двуличный кассир спросил какие новости а я сказала новости? пожалуйста я обручилась с Артуром а Берти обручился с мисс Ф. ее теперь зовут Мэбел это уж совсем невыносимо я так и сказала а Роберт с какой-то противной девицей

а папа поругался с леди М. а Билл поругался с Берти а Робертова противная девица меня обхамила а Артур был прелесть но двуличный кассир ничуть не удивился он сказал что так бывает каждый рейс во время экскурсии по Египту все либо обручаются либо ссорятся а я сказала не в моих привычках обручаться с кем попало за кого он меня принимает а он сказал как видно не в моих привычках ездить в Египет т. ч. больше я с ним не разговариваю и Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка мы в Алжире он не очень восточный тут полным полно французов. Так вот с Артуром все кончено я все-таки оказалась права а теперь я обручилась с Робертом это гораздо лучше для всех особенно для Артура из-за того о чем я тебе писала первое впечатление никогда не обманывает. Правда? Или нет? Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду и он был ужас как мил. Берти нализался и поссорился с Мэбел теперь она опять мисс Ф. т. ч. тут все в порядке а противная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование и она рассказала Роберту а он сказал что да мы все уже про это слышали а леди М. сказала что Биллу недостает умения молчать и она после этого его не уважает и не винит его жену и того иностранца.

Целую.

Подтверждением того факта, что пунктуация в целом и значение ее отдельных знаков является достаточно сильным экспрессивным средством при оформлении высказывания, может служить тот же текст писем, в котором проставлены знаки препинания в соответствии с правилами пунктуации русского языка. Пунктуация русского языка, будучи по своей природе более «грамматизованной», четче членит текст на смысловые элементы, нагляднее подчеркивая границы между сверхфразовыми единствами.

И хотя возникающая при этом «перенасыщенность» текста знаками препинания (в отличие от английского узуса) облегчает восприятие смысловых отношений между элементами высказываний, однако, экспрессивность текста утрачивается, не говоря уже о полном искажении авторского художественного замысла, ср.:

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, я обещала сразу написать и написала бы, но очень качало — просто ужас. Сейчас стало немножко легче, так что сажусь писать. Ну вот, ты ведь знаешь, наше путешествие начинается в Монте Карло, а когда папа и мы все приехали на вокзал, оказалось, что путь от Лондона туда в билеты не входит, и папа рассердился просто ужасно и сказал, что не поедет, а мама сказала: глупости, конечно поедем, и мы тоже, но папа успел обменять все деньги на лиры и франки, только оставил шиллинг на чай носильщику в Дувре (он такой методичный); так что ему пришлось все менять обратно, и он после этого ворчал всю дорогу и не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне, а сам в спальном всю ночь не спал — до того был рассержен. Ужас как грустно!

Потом все пошло гораздо лучше; судовой кассир назвал его «полковник» и каюта ему понравилась, так что он повел Берти в казино и проиграл, а Берти выиграл; и Берти кажется нализался — во всяком случае он когда ложился спать издавал такие звуки (он в соседней каюте) как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко (раз он учится в Оксфорде).

Ну так вот, в первый день была качка и мне прямо с утра как только я села в ванну стало не по себе; и мыло не мылилось (п. ч. вода соленая, ты ведь знаешь), а потом пошла завтракать; в меню было ужасно всего много — даже бифштекс с луком; и очень симпатичный молодой человек (он сказал, «Только мы с вами и пришли, можно к вам подсесть»), и все шло замечательно; он заказал биф-

штекс с луком, но я сплоховала — пришлось уйти к себе и опять лечь, а он как раз говорил, что больше всего восхищается девушками, которые не боятся качки; ужас как грустно!

Самое главное — не принимать ванну и совсем не делать быстрых движений. Ну на следующий день был Неаполь, и мы посмотрели несколько церквей для Берти и тот город, который взорвался во время землетрясения и убило несчастную собаку (у них там есть с нее гипсовый слепок), ужас как грустно! Папа и Берти видели какие-то картинки, а нам их не показали; мне их потом Билл рисовал, а мисс Ф. подсматривала. Я тебе еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот, Билл уже старый, но очень элегантный (то есть на самом деле он наверно не такой уж старый, только он разочарован в жизни из-за жены; он говорит, что не хочет говорить о ней дурно, но она сбежала с каким-то иностранцем; так что он теперь ненавидит иностранцев). Мисс Ф. зовут мисс Филлипс (препротивная, ходит в яхтсменском кепи, ужасная дрянь). Лезет к второму помощнику (это конечно никого не касается, но всякому дураку ясно, что он ее видеть не может; просто всем морякам полагается делать вид, будто они влюблены в пассажирок). Кто у нас есть еще? Ну всякие старички и старушки. ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь, ты получила мою открытку из Сицилии. Мораль ее в том, чтобы не дружить с моряками, но я-то подружилась с кассиром; это совсем другое дело, п.ч. он ведет двойную жизнь — у него в каюте граммофон и сколько угодно коктейлей, а иногда гренки с сыром, и я спросила: «А вы за все это платите?» А он сказал: «Нет, но пусть это вас не беспокоит».

Теперь мы три дня будем в море, и священник сказал, что это хорошо, п. ч. мы все сдружимся, но мы с мисс Ф. не сдружились; она впилась в несчастного Билла как пиявка (не хочет рисковать снова оказаться одной, когда нас пустят на берег).

Кассир говорит, что одна такая всегда на пароходе найдется; он даже говорит так про всех кроме меня, а про меня совершенно правильно говорит, что я не такая. Ужас как мил!

На палубе играют во всякие игры (гадость ужасная!). А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры (особенно в шайбу) и ест больше, чем в Лондоне, но это, вероятно, ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера, то есть это нам надо, а у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку, вернее, это кассир мне посоветовал, чтобы одеться матросом; я уже примеряла костюм, он мне идет ужасно! Бедная мисс Ф.!

Берти ни с кем не дружит, в игры играть он не хочет и вчера вечером опять нализался и пробовал спуститься вниз по вентилятору (его второй помощник вытащил) и все старички за капитанским столом смотрят на него *скептически*. Это новое слово. Очень литературно? Или нет? ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, на маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах; и когда мы входили, все аплодировали. Я опоздала, п. ч. никак не могла решить, надевать шапочку или нет, потом надела и получилось дивно. Но мне похлопали совсем мало, и когда я оглянулась, то увидела штук двадцать девушек и нескольких женщин в таких же костюмах (вот каким двуличным человеком оказался этот кассир!). Берти был апашем (банально до ужаса!). Мама и папа были прелесть! Мисс Ф. была в балетном костюме (из русского балета) — он ей как корове седло; ну за обедом мы пили шампанское, а потом бросали серпантин, я бросила, не раскрутив, и попала мисс Ф. прямо по носу. Ха-ха. Мне захотелось поболтать, и я сказала официанту: «Как весело, правда?» А он сказал: «Да, только не для тех, кому потом прибираться надо.» Ужас как грустно! Ну Берти, конечно, нализался и немножко переборщил (особенно в разговоре с леди М.), а потом сидел

в темноте в каюте у двуличного кассира и плакал; мы с Биллом нашли его там, и Билл дал ему выпить; и что бы ты думала, он исчез куда-то с мисс Ф., и больше мы их не видели (это наглядный пример, до какого позора может довести нас, то есть его, Демон Пьянства).

А потом кого бы ты думала я встретила? Того молодого человека, который в первый день заказал бифштекс с луком (его зовут Роберт, и он сказал: «Я вас все время ищу.»). Ну я немножко поиздевалась над ним; ужас как мил!

Бедную маму выбрал в поверенные Билл (он рассказал ей все про свою жену, и как она разочаровала его с иностранцем); ну завтра мы прибываем в Порт Саид, D.V., это по латыни (на случай, что ты не знаешь), означает — если богу будет угодно, — а оттуда вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, мы все вернулись из Египта перебудораженные, и двуличный кассир спросил какие новости, а я сказала: «Новости? Пожалуйста, — я обручилась с Артуром, а Берти обручился с мисс Ф., ее теперь зовут Мэбел (это уж совсем невыносимо, я так и сказала), а Роберт с какой-то противной девицей, а папа поругался с леди М., а Билл поругался с Берти, а Робертова противная девица меня обхамила, а Артур был прелесть; но двуличный кассир ничуть не удивился, он сказал, что так бывает каждый рейс во время экскурсии по Египту — все либо обручаются, либо ссорятся; а я сказала: «Не в моих привычках обручаться с кем попало (за кого он меня принимает!)», а он сказал: «Как видно не в ваших привычках ездить в Египет», т. ч. больше я с ним не разговариваю и Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка, мы в Алжире; он не очень восточный, тут полным полно французов. Так вот, с Артуром все кончено, я все-таки оказалась права, а теперь я обручилась с Робертом; это гораздо лучше для всех, особенно для Артура (из-за того, о чем я тебе писала, первое впечатление никогда не обманывает. Правда? Или нет?) Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду, и он был ужас как мил! Берти нализался и поссорился с Мэбел; теперь она опять мисс Ф., т. ч. тут все в порядке, а противная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование, и она рассказала Роберту, а он сказал, что да, мы все уже про это слышали, а леди М. сказала, что Биллу недостает умения молчать, и она после этого его не уважает и не винит его жену и того иностранца.

Целую.

Итак, текст перевода с «перенасыщенной» пунктуацией (но с умеренным употреблением точки) не передает особенностей оригинала. На наш взгляд, более выразительным, более отвечающим з а м ы с л у п е р с о н а ж а может быть текст, который членится так (и, соответственно, оформляется знаками препинания, выступающими в своих обеих функциях), как это обусловливает просодия устного аналога текста. Однако при данном оформлении текста (хотя он сам по себе оказывается достаточно выразительным) утрачивается его «образно-художественная» функция, ср.:

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, я обещала сразу написать и написала бы, но очень качало. Просто ужас! Сейчас стало немножко легче, так что сажусь писать. Ну вот, ты ведь знаешь, наше путешествие начинается в Монте Карло. А когда папа и мы все приехали на вокзал оказалось, что путь от Лондона туда в билеты не входит. И папа рассердился просто ужасно

и сказал, что не поедет. А мама сказала: Глупости! Конечно поедем и мы тоже! Но папа успел обменять все деньги на лиры и франки. Только оставил шиллинг на чай носильщику в Дувре. Он такой методичный! Так что ему пришлось все менять обратно. И он после этого ворчал всю дорогу и не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне. А сам в спальном всю ночь не спал. До того был рассержен! Ужас как грустно!

Потом все пошло гораздо лучше. Судовой кассир назвал его «полковник». И каюта ему понравилась. Так что он повел Берти в казино и проиграл. А Берти выиграл! И Берти, кажется, нализался. Во всяком случае он (когда ложился спать) издавал такие звуки (он в соседней каюте), как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко. Раз он учится в Оксфорде...

Ну так вот, в первый день была качка. И мне прямо с утра, как только я села в ванну, стало не по себе. И мыло не мылилось, п. ч. вода соленая, ты ведь знаешь. А потом пошла завтракать. В меню было ужасно всего много. Даже бифштекс с луком! И очень симпатичный молодой человек! Он сказал: «Только мы с вами и пришли. Можно к вам подсесть?» И все шло замечательно. Он заказал бифштекс с луком. Но я сплоховала. Пришлось уйти к себе и опять лечь. А он как раз говорил, что больше всего восхищается девушками, которые не боятся качки. Ужас как грустно!

Самое главное — не принимать ванну. И совсем не делать быстрых движений. Ну на следующий день был Неаполь, и мы посмотрели несколько церквей для Берти и тот город, который взорвался во время землетрясения и убило несчастную собаку. У них там есть с нее гипсовый слепок. Ужас как грустно. Папа и Берти видели какие-то картинки, а нам их не показали. Мне их потом Билл рисовал, а мисс Ф. подсматривала. Я тебе еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот. Билл уже старый, но очень элегантный. То есть, на самом деле, он наверно не такой уж старый. Только он разочарован в жизни (из-за жены). Он говорит, что не хочет

говорить о ней дурно, но она сбежала с каким-то иностранцем. Так что он теперь ненавидит иностранцев. Мисс Ф. зовут мисс Филлипс. Препротивная! Ходит в яхтсменском кепи. Ужасная дрянь! Лезет к второму помощнику. Это конечно никого не касается, но всякому дураку ясно, что он ее видеть не может. Просто всем морякам полагается делать вид, будто они влюблены в пассажирок. Кто у нас есть еще? Ну всякие старички и старушки. ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь ты получила мою открытку из Сицилии. Мораль ее в том, чтобы не дружить с моряками. Но я-то подружилась с кассиром. Это совсем другое дело, п. ч. он ведет двойную жизнь. У него в каюте граммофон и сколько угодно коктейлей. А иногда гренки с сыром. И я спросила: «А вы за все это платите?» А он сказал: «Нет. Но пусть это вас не беспокоит.»

Теперь мы три дня будем в море. И священник сказал, что это хорошо, п. ч. мы все сдружимся. Но мы с мисс Ф. не сдружились. Она впилась в несчастного Билла, как пиявка. Не хочет рисковать снова оказаться одной, когда нас пустят на берег. Кассир говорит, что одна такая всегда на пароходе найдется. Он даже говорит так про всех, кроме меня. А про меня (совершенно правильно) говорит, что я не такая. Ужас как мил...

На палубе играют во всякие игры. Гадость ужасная! А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры. Особенно в шайбу. И ест больше чем в Лондоне. Но это вероятно ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера. То есть это нам надо, а у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку. Вернее это кассир мне посоветовал, чтобы одеться матросом. Я уже примеряла костюм. Он мне идет ужасно. Бедная мисс Ф.

Берти ни с кем не дружит. В игры играть он не хочет. И вчера вечером опять нализался и пробовал спуститься вниз по вентилятору. Его второй помощ-

ник вытащил. И все старички за капитанским столом смотрят на него скептически. Это новое слово. Очень литературно? Или нет? ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот. На маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах. И когда мы входили, все аплодировали. Я опоздала, п. ч. никак не могла решить, надевать шапочку или нет. Потом надела. И получилось дивно! Но мне похлопали совсем мало. И когда я огляделась, то увидела штук двадцать девушек и нескольких женщин в таких же костюмах. Вот каким двуличным человеком оказался этот кассир! Берти был апашем. Банально до ужаса! Мама и папа были прелесть! Мисс Ф. была в балетном костюме. Из русского балета. Он ей как корове седло. Но за обедом мы пили шампанское. А потом бросали серпантин. Я бросила не раскрутив и попала мисс Ф. прямо по носу. Ха-ха! Мне захотелось поболтать, и я сказала официанту: «Как весело! Правда?» А он сказал: «Да, только не для тех, кому потом прибираться надо.» Ужас как грустно! Ну Берти конечно нализался и немножко переборщил. Особенно в разговоре с леди М. А потом сидел в темноте в каюте у двуличного кассира и плакал. Мы с Биллом нашли его там. И Билл дал ему выпить. И что бы ты думала?! Он исчез куда-то с мисс Ф.! И больше мы их не видели. Это наглядный пример, до какого позора может довести нас, то есть его, Демон Пьянства!

А потом кого бы ты думала я встретила? Того молодого человека, который в первый день заказал бифштекс с луком! Его зовут Роберт. И он сказал: «Я вас все время ищу.» Ну я немножко поиздевалась над ним. Ужас как мил!

Бедную маму выбрал в поверенные Билл. Он рассказал ей все про свою жену и как она разочаровала его с иностранцем. Ну завтра мы прибываем в Порт Саид D.V. Это по латыни; на случай что ты не знаешь, означает: «Если богу будет угодно.» А оттуда вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот, мы все вернулись из Египта перебудораженные. И двуличный кассир спросил: «Какие новости?» А я сказала: «Новости?» Пожалуйста. Я обручилась с Артуром. А Берти обручился с мисс Ф. Ее теперь зовут Мэбел. Это уж совсем невыносимо (я так и сказала). А Роберт с какой-то противной девицей. А папа поругался с леди М. А Билл поругался с Берти. А Робертова противная девица меня обхамила. А Артур был прелесть. Но двуличный кассир ничуть не удивился. Он сказал, что так бывает каждый рейс во время экскурсии по Египту. Все либо обручаются, либо ссорятся. А я сказала: «Не в моих привычках обручаться с кем попало.» За кого он меня принимает? А он сказал, как видно не в моих привычках ездить в Египет. Т. ч. больше я с ним не разговариваю. И Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка мы в Алжире. Он не очень восточный. Тут полным полно французов. Так вот! С Артуром все кончено. Я все-таки оказалась права. А теперь я обручилась с Робертом. Это гораздо лучше для всех. Особенно для Артура (из-за того, о чем я тебе писала). Первое впечатление никогда не обманывает. Правда? Или нет? Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду. И он был ужас как мил. Берти нализался и поссорился с Мэбел. Теперь она опять мисс Ф. Т.ч. тут все в порядке. А противная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование. И она рассказала Роберту. А он сказал, что да, мы все уже про это слышали. А леди М. сказала, что Биллу недостает умения молчать, и она после

этого его не уважает, и не винит его жену и того иностранца.

Целую.

Приведенный выше вариант членения текста не является единственно возможным. Степень его стилизации (под устную речь) может быть увеличена за счет включения (в полной мере) сверхсинтаксической просодии, так называемой «тембровой сверхсинтактики» или «тембра 2», ср.:

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот. Я обещала сразу написать и написала бы, но очень качало. Просто ужас! Сейчас стало немножко легче. Так что сажусь писать. Ну вот. Ты ведь знаешь. Наше путешествие начинается в Монте Карло. А когда папа и мы все приехали на вокзал, оказалось, что путь от Лондона туда в билеты не входит. И папа рассердился. Просто ужасно! И сказал, что не поедет. А мама сказала: «Глупости! Конечно поедем и мы тоже.» Но папа успел обменять все деньги. На лиры и франки. Только оставил шиллинг. На чай. Носильщику. В Дувре. Он такой методичный! Так что ему пришлось все менять обратно. И он после этого ворчал всю дорогу. И не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне. А сам в спальном всю ночь не спал. До того был рассержен! Ужас как грустно!

Потом все пошло гораздо лучше. Судовой кассир назвал его «полковник». И каюта ему понравилась. Так что он повел Берти в казино. И проиграл. А Берти выиграл. И Берти кажется нализался. Во всяком случае, он, когда ложился спать, издавал такие звуки (он в соседней каюте) как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко. Раз он учится в Оксфорде!

Ну так вот. В первый день была качка. И мне (прямо с утра, как только я села в ванну) стало не по себе. И мыло не мылилось! (П.ч. вода соленая. Ты ведь знаешь.) А потом пошла завтракать. В меню было ужасно всего много. Даже бифштекс с луком. И очень симпатичный молодой человек. Он сказал:

«Только мы с вами и пришли. Можно к вам подсесть?» И все шло замечательно! Он заказал бифштекс с луком. Но я сплоховала. Пришлось уйти к себе. И опять лечь. А он как раз говорил, что больше всего восхищается девушками, которые не боятся качки. Ужас как грустно!

Самое главное — не принимать ванну! И совсем не делать быстрых движений! Ну... На следующий день был Неаполь. И мы посмотрели несколько церквей. (Для Берти.) И тот город, который взорвался во время землетрясения. И убило несчастную собаку. У них там есть с нее гипсовый слепок. Ужас как грустно. Папа и Берти видели какие-то картинки. А нам их не показали! Мне их потом Билл рисовал. А мисс Ф. подсматривала. Я тебе еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот. Билл уже старый. Но очень элегантный! То есть, на самом деле, он наверно не такой уж старый. Только он разочарован в жизни. Из-за жены. Он говорит, что не хочет говорить о ней дурно. Но она сбежала с каким-то иностранцем. Так что он теперь ненавидит иностранцев. Мисс Ф. зовут Филлипс. Препротивная! Ходит в яхтсменском кепи. Ужасная дрянь! Лезет к второму помощнику. Это конечно никого не касается. Но всякому дураку ясно, что он ее видеть не может. Просто всем морякам полагается делать вид, будто они влюблены в пассажирок. Кто у нас есть еще? Ну всякие старички. И старушки. ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь ты получила мою открытку из Сицилии? Мораль ее в том, чтобы не дружить с моряками. Но я-то подружилась с кассиром. Это совсем другое дело. П.ч. он ведет двойную жизнь. У него в каюте граммофон. И сколько угодно коктейлей! А иногда гренки с сыром. И я спросила: «А вы за все это платите?» А он сказал: «Нет. Но пусть это вас не беспокоит.»

Теперь... Мы три дня будем в море! И священник сказал, что это хорошо. (П.ч. мы все сдружимся.

Но мы с мисс Ф. не сдружились). Она впилась в несчастного Билла. Как пиявка! Не хочет рисковать снова оказаться одной, когда нас пустят на берег. Кассир говорит, что одна такая всегда на пароходе найдется. Он даже говорит так про всех. Кроме меня! А про меня (совершенно правильно) говорит, что я не такая! Ужас как мил!

На палубе играют во всякие игры. Гадость ужасная! А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры. Особенно в шайбу. И ест больше чем в Лондоне. Но это, вероятно, ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера. То есть, это нам надо. А у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку. Вернее это кассир мне посоветовал. Чтобы одеться матросом! Я уже примерила костюм. Он мне идет ужасно. Бедная мисс Ф.!

Берти ни с кем не дружит. В игры играть он не хочет. И вчера вечером опять нализался. И пробовал спуститься вниз по вентилятору. Его второй помощник вытащил. И все старички за капитанским столом смотрят на него скептически. Это новое слово. Очень литературно? Или нет? ...

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот. На маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах. И когда мы входили, все аплодировали. Я опоздала. (П.ч. никак не могла решить, надевать шапочку или нет.) Потом надела. И получилось дивно! Но мне похлопали совсем мало. И когда я огляделась, то увидела штук двадцать девушек и несколько женщин в таких же костюмах. Вот каким двуличным человеком оказался этот кассир! Берти был апашем. Банально до ужаса! Мама и папа были прелесть! Мисс Ф. была в балетном костюме. Из русского балета. Он ей как корове седло! Ну... За обедом мы пили шампанское... А потом бросали серпантин. Я бросила не раскрутив. И попала мисс Ф. прямо по носу! Ха-ха! Мне захотелось поболтать. И я сказала официанту: «Как весело правда?» А он сказал: «Да. Только не для

тех, кому потом прибираться надо.» Ужас как грустно. Ну Берти конечно нализался. И немножко переборщил. Особенно в разговоре с леди М. А потом сидел в темноте в каюте у двуличного кассира. И плакал. Мы с Биллом нашли его там. И Билл дал ему выпить. И что бы ты думала? Он исчез куда-то с мисс Ф.! И больше мы их не видели! Это наглядный пример! До какого позора может довести нас — то есть, его — Демон Пьянства!

А потом! Кого бы ты думала я встретила? Того молодого человека! Который в первый день заказал бифштекс с луком! Его зовут Роберт. И он сказал: «Я вас все время ищу.» Ну я немножко поиздевалась над ним. Ужас как мил!

Бедную маму выбрал в поверенные Билл. Он рассказал ей все! Про свою жену. И как она разочаровала его. (С иностранцем). Ну завтра мы прибываем в Порт Саид. D.V. Это по латыни. На случай, что ты не знаешь, означает — «Если богу будет угодно.» А оттуда — вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот. Мы все вернулись из Египта перебудораженные. И двуличный кассир спросил: «Какие новости?» А я сказала: Новости? Пожалуйста! Я обручилась с Артуром. А Берти обручился с мисс Ф. Ее теперь зовут Мэбел. Это уж совсем невыносимо. Я так и сказала. А Роберт с какой-то противной девицей. А папа поругался с леди М. А Билл поругался с Берти. А Робертова противная девица меня обхамила. А Артур был прелесть! Но двуличный кассир ничуть не удивился. Он сказал, что так бывает каждый рейс. Во время экскурсии по Египту все либо обручаются, либо ссорятся. А я сказала: «Не в моих привычках обручаться с кем попало.» (За кого он меня принимает?) А он сказал, как видно, не в моих привычках ездить

в Египет. Т. ч. больше я с ним не разговариваю. И Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка! Мы в Алжире. Он не очень восточный. Тут полным полно французов. Так вот! С Артуром все кончено! Я все-таки оказалась права! А теперь! Я обручилась с Робертом. Это гораздо лучше. Для всех. Особенно для Артура. Из-за того, о чем я тебе писала. Первое впечатление никогда не обманывает! Правда? Или нет? Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду. И он был ужас как мил! Берти нализался. И поссорился с Мэбел. Теперь она опять мисс Ф. Т. ч. тут все в порядке. А противная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование. И она рассказала Роберту. А он сказал, что да, мы все уже про это слышали. А леди М. сказала, что Биллу недостает умения молчать. И она после этого его не уважает. И не винит его жену. И того иностранца.

Целую.

Своеобразная синтаксическая организация текста и полное отсутствие в нем знаков препинания (в том числе и точек) могут также служить сильным экспрессивно-стилистическим средством в художественном произведении. В качестве примера приведем текст, представляющий собой «поток сознания» героини романа Джеймса Джойса, ср.:

... she wrote to say she was married to a very rich architect if Im to believe all I hear with a villa and eight rooms her father was an awfully nice man he was near seventy always good humour well now Miss Tweedy or Miss Gillespie theres the pyannyer that was a solid silver coffee service he had too on the mahogany sideboard then dying so far away I hate people that have always their poor story to tell everybody has their own troubles that poor Nancy Blake

died a month ago of acute pneumonia well I didnt know her so well as all that she was Floeys friend more than mine its a bother having to answer he always tells me the wrong things and no stops to say like making a speech your sad bereavement symphathy I always make that mistake and newphew with 2 double yous in I hope hell write me a longer letter the next time if its a thing he really likes me O thanks be to the great God I got somebody to give me what I badly wanted to put some heart up into me youve no chances at all in this place like you used long ago I wish somebody would write me a loveletter his wasnt much and I told him he could write what he liked yours ever Hugh Boylan in Old Madrid silly women believe love is sighing I am dying still if he wrote it I suppose thered be some truth in it true or no it fills up your whole day and life always something to think about every moment and see it all around you like a new world I could write the answer in bed to let him imagine me short just a few words not those long crossed letters Atty Dillon used to write to the fellow that was something in the four courts that jilted her after out of the ladies letter-writer when I told her to say a few simple words he could twist how he liked not acting with precipit precipitancy with equal candour the greatest earthly happiness answer to a gentlemans proposal affirmatively my goodness theres nothing else its all very fine for them but as for being a woman as soon as youre old they might as well throw you out in the bottom of the ashpit. Mulveys was the first when I was in bed that morning and Mrs Rubio brought it in with the coffee she stood there standing when I asked her to hand me and I pointing at them I couldnt think of the word a hairpin to open it with ah horquilla disobliging old thing and it staring her in the face with her switch of false hair on her and vain about her appearance ugly as she was near 80 or a 100 her face a mass of wrinkles with all her religion domineering because she never could get over the Atlantic fleet coming in half the ships of the world and the Union Jack flying with all her carabineros because

4 drunken English sailors took all the rock from them and because I didnt run into mass often enough in Santa Maria to please her with her shawl up on her except when there was a marriage on with all her miracles of the saints and her black blessed virgin with the silver dress and the sun dancing 3 times on Easter Sunday morning and when the priest was going by with the bell bringing the vatican to the dying blessing herself for his Majestad ...

(J. Joyce, Ulysses.)

Однако мы привели в качестве примера текст не только с целью показать, что такая синтаксическая организация высказывания — определенный стилистический прием, использованный писателем. Данный текст удобен нам и для показа роли, которую играет тот или иной вариант синтагматического членения, а также для выявления и демонстрации функций знаков препинания.

Итак, данный текст, как мы видели, отражает так называемую внутреннюю речь, для которой характерны определенные элементы просодии. Посмотрим, как членится этот «поток» (скорее речевой, чем «сознания»). Ср.:

... she 'wrote to ˏsay she was 'married to a very 'rich ˎarchitect | if Im to beˏlieve 'all I hear with a ˏvilla and 'eight ·rooms | her 'father was an ·awfully nice ˎman | he was near ˏseventy ‖ 'always good ˏhumour | 'well ˏnow Miss 'Tweedy or Miss 'Gillespie theres the ˏpyannyer ‖ that was a solid silver 'coffee ˏservice he had 'too on the mahogany ˎsideboard ‖ then dying so far aˎway | I 'hate people that have always their ·poor story to 'tell ˏeverybody ‖ has their 'own ˎtroubles ‖ that poor 'Nancy ˏBlake 'died a month a'go of acute pneuˎmonia | 'well ‖ I didnt know her so ˏwell | as 'all that she was Floyes ˏfriend more than ˎmine ‖ its a bother having to 'answer he always 'tells me the wrong ˎthings ‖ and no stops to ˏsay like making aˏspeech ‖ your sad bereavement 'symphathy ‖ I 'always make that mis ˏtake ‖ and newphew with 2 double ˏyous in ‖ I hope hell write me a 'longer ˏletter the next 'time ‖ if its a thing he really likes ˎme | O'thanks be to the great God ‖ I

got 'somebody to give me ¦ what I 'badly ˎwanted to put some heart ˏup ¦ into ˏme | youve 'no ↗chances at all in this ˏplace ¦ like you used long ago ¦ I 'wish 'somebody would write me a loveletter ¦ his 'wasnt ˎmuch and I told him he could write what he ˎliked ¦ 'yours ever Hugh Boylan in Old Madrid silly women be ˏlieve ¦ love is sighing | I am 'dying still ¦ if he wrote it ¦ I suppose ¦ thered be some ↗truth in ˎit | 'true or ↗no ¦ it fills up your 'whole 'day and life always something to think about every/moment ¦ and see it 'all a'round ↗you like a new ˎworld ¦ I could write the answer in 'bed to let him i'magine me ↗short ¦ just a few words not those long crossed ˎletters ¦ Atty Dillon used to write to the fellow ¦ that was something in the four ˎcourts | that 'jilted her after out of the ladies 'letter ˏwriter ¦ when I 'told her to 'say a few simple ˏwords | he could twist how he liked ¦ 'not acting with precipit precipitancy ¦ with equal candour ¦ the 'greatest earthly ˏhappiness ¦ 'answer to a gentlemans pro ˏposal afˎfirmatively | my ↘goodness | theres 'nothing else | its 'all very fine for ˏthem ¦ but as for being a ˏwoman ¦ as soon as youre ˏold ¦ they might as well throw you out in the bottom of the ˏashpit. | Mulveys was the 'first when I was in bed that ˏmorning | and Mrs Rubio brought it 'in with the ˏcoffee | she 'stood there ¦ 'standing when I asked her to hand ˏme | and 'I | 'pointing at them | I 'couldnt think of the ˏword ¦ a 'hairpin to ↗open it with | 'ah hor ˏquilla ¦ disobliging old ↘thing | and it staring her in the ˏface | with her switch of false hair on ˏher | and vain about her appearance | 'ugly as she was near 80 or a 100 | her 'face a mass of ˏwrinkles ¦ with all her religion domineering ¦ because she 'never could get over the Atlantic ˏfleet | 'coming in half the ships of the world ¦ and the 'Union Jack 'flying with all her carabiˎneros | because 4 drunken English ˏsailors ¦ took all the rock from ↗them ¦ and because I didnt run into 'mass ˎoften enough in Santa Ma ˏria ¦ to please her with her shawl 'up on ˎher ¦ except when there was a marriage ˏon ¦ with all her miracles of the ˎsaints | and her black blessed ˏvirgin ¦ with the silver ˏdress ¦ and the sun dancing

> 3 times on Easter Sunday ˏmorning | and when the priest was going ˏby | with the bell bringing the vatican to the dying ‖ 'blessing herself for his ⸜Majestad ...

Следуя избранной нами методике анализа, представим данное «внутреннее высказывание» в виде «письменного текста» со свойственной ему пунктуацией, обусловленной просодией и соответствующими правилами, ср.:

> ... she wrote to say, she was married to a very rich architect (if Im to believe all I hear) with a villa and eight rooms. Her father was an awfully nice man. He was near seventy, always good humour. Well now Miss Tweedy or Miss Gillespie, theres the pyannyer that was a solid silver coffee service. He had too on the mahogany sideboard then dying so far away. I hate people, that have always their poor story to tell everybody, has their own troubles that poor Nancy Blake died a month ago of acute pneumonia. Well. I didnt know her so well as all that; she was Floeys friend more than mine. Its a bother having to answer, he always tells me the wrong things, and no stops to say like making a speech your sad bereavement symphathy. I always make that mistake and newphew with 2 double yous in I hope hell write me a longer letter the next time, if its a thing he really likes me. O, thanks be to the great God! I got somebody to give me, what I badly wanted, to put some heart up into me. Youve no chances at all in this place, like you used long ago. I wish somebody would write me a loveletter, his wasnt much and I told him he could write what he liked. Yours ever Hugh Boylan in Old Madrid silly women believe, love is sighing. I am dying still, if he wrote it: I suppose thered be some truth in it. True or no, it fills up your whole day, and life always something to think about every moment and see it all around you like a new world. I could write the answer in bed to let him imagine me short, just a few words, not those long crossed letters Atty Dillon used to write to the fellow, that was something in the four courts, that jilted her after out of the ladies letterwriter, when I told her to say a few

simple words. He could twist how he liked not acting with precipit precipitancy, with equal candour the greatest earthly happiness answer to a gentlemans proposal affirmatively. My goodness! Theres nothing else. Its all very fine for them, but as for being a woman, as soon as youre old, they might as well throw you out in the bottom of the ashpit. Mulveys was the first, when I was in bed that morning and Mrs Rubio brought it in with the coffee. She stood there standing when I asked her to hand me; and I, pointing at them, I couldnt think of the word a hairpin, to open it with ah horquilla disobliging old thing. And it staring her in the face with her switch of false hair on her, and vain about her appearance, ugly as she was near 80 or a 100. Her face a mass of wrinkles, with all her religion domineering, because she never could get over the Atlantic fleet coming in half the ships of the world, and the Union Jack flying with all her carabineros because 4 drunken English sailors took all the rock from them, and because I didnt run into mass often enough in Santa Maria to please her, with her shawl up on her, except when there was a marriage on, with all her miracles of the saints and her black blessed virgin with the silver dress and the sun, dancing 3 times on Easter Sunday morning. And when the priest was going by with the bell, bringing the vatican to the dying, blessing herself for his Majestad ...

Продемонстрированное членение текста придало тексту обозримость и наглядность, облегчило восприятие смысловых отношений между элементами высказывания. Однако оформить его экспрессивность могут лишь средства «тембра 2», ср.:

... she wrote to say, she was married to a very rich architect (if Im to believe all I hear) with a villa and eight rooms. Her father was an awfully nice man! He was near seventy, always good humour! Well, now Miss Tweedy or Miss Gillespie theres the pyannyer. That was a solid silver coffee service! He had too on the mahogany sideboard then dying so far away. I hate people that have always their poor story

to tell everybody, has their own troubles. That poor Nancy Blake died a month ago of acute pneumonia. Well, I didnt know her so well as all that she was Floeys friend more than mine! Its a bother having to answer! He always tells me the wrong things and no stops to say like making a speech your sad bereavement symphathy. I always make that mistake! And newphew with 2 double yous in, I hope, hell write me a longer letter the next time, if its a thing he really likes me! O! Thanks be to the great God! I got somebody to give me what I badly wanted to put some heart up into me! Youve no chances at all in this place, like you used long ago. I wish, somebody would write me a loveletter! His wasnt much. And I told him he could write what he liked. Yours ever Hugh Boylan in Old Madrid silly women believe, love is sighing! I am dying still, if he wrote it. I suppose, thered be some truth in it. True or no it fills up your whole day! And life always something to think about every moment, and see it all around you like a new world. I could write the answer in bed to let him imagine me short: just a few words, not those long crossed letters Atty Dillon used to write to the fellow that was something in the four courts, that jilted her after out of the ladies letterwriter, when I told her to say a few simple words. He could twist, how he liked not acting with precipit precipitancy! With equal candour, the greatest earthly happiness answer to a gentlemans proposal affirmatively. My goodness! Theres nothing else! Its all very fine for them, but as for being a woman, as soon as youre old, they might as well throw you out in the bottom of the ashpit! Mulveys was the first, when I was in bed that morning. And Mrs Rubio brought it in with the coffee. She stood there standing, when I asked her to hand me. And I, pointing at them, I couldnt think of the word a hairpin to open it with, ah! horquilla disobliging old thing! And it staring her in the face, with her switch of false hair on her! And vain about her appearance. Ugly as she was near 80 or a 100! Her face a mass of wrinkles. With all her religion domineering, because she never could get over the Atlantic fleet, coming

> in half the ships of the world. And the Union Jack, flying with all her carabineros because 4 drunken English sailors took all the rock from them, and because I didnt run into mass often enough in Santa Maria to please her with her shawl up on her, except when there was a marriage on, with all her miracles of the saints and her black blessed virgin! With the silver dress and the sun dancing 3 times on Easter Sunday morning! And, when the priest was going by with the bell, bringing the vatican to the dying, blessing herself for his Majestad ...

В заключение анализа отметим, что весь приведенный материал представляет очень большой интерес не только и не просто как разновидность «экспрессивного синтаксиса». Он служит прекрасной иллюстрацией к основному направлению всего рассуждения: «правильно» оформленное предложение — это продукт упорядочения письменной речи, освобождаемой от контекста ситуации. Естественная устная речь это, прежде всего, коллокация, которая в единстве с коллигацией обеспечивает пользующегося языком большим набором (и выбором) предельных синтагматических единиц для их функционирования в процессе коммуникации.

ГЛАВА VI

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

Мы уже говорили выше о том, что в построении речи большую роль играет определенный ритм, задаваемый пишущим. Стихотворная речь коренным образом отличается от прозы прежде всего тем, что она заранее разделена на ритмические сегменты — строки и строфы, при этом выбор того или иного членения зависит от эмоционально-эстетических целей данного стихотворного построения.

Поэтический текст принципиально отличается от прозаического потому, что он «компануется» как музыка. Первым шагом в этом направлении является нахождение определенной системы диерем «дизъюнктур» (disjunctures), выбираемой поэтом для определенного стихотворения. Например, такое предложение, как: "Our hearts, ...like muffled drums, are beating funeral marches to the grave", в составе поэтической строфы

... Our hearts, though stout and brave
Still like muffled drums are beating
Funeral marches to the grave.

исследованное с точки зрения строения прозы, будет иметь следующую систему синтаксических диерем: "Our hearts, though stout and brave, still like muffled drums, are beating funeral marches to the grave".

Когда же мы читаем это предложение в четверостишьи Лонгфеллоу, сразу же обнаруживается несоответствие между синтаксическими диеремами и поэтическими дизъюнктурами.

... Art is long, and time is fleeting
And our hearts, though stout and brave,
Still like muffled drums, are beating
Funeral marches to the grave.

"beating" и "Funeral" разделены поэтической дизъюнктурой конца строки, которая накладывается на диерему прямого дополнения.

Выше уже говорилось о том, что в отношении прозы членение потока речи на синтагмы, его фразировка зависит от намерения говорящего, от стиля его речи, контекста, ситуации и т.д. Вот почему каждый отрезок речи может быть произнесен по-разному, в зависимости от обстоятельств — отсюда различный ритмический рисунок высказывания.

Фразировка поэзии отличается от фразировки прозы тем, что ее ритм «задан» читающему, и эта ритмическая структура стиха, подсознательно реконструируемая читающим/слушающим, и графическая форма, в которой представлен текст, заставляют читающего/слушающего однозначно воспринимать определенную, таким образом зафиксированную форму данного отрезка речи.

Но подобное ритмическое построение непосредственно заключает в своей специфической системе дизъюнктур обычные (прозаические) синтаксические связи. При этом следует отметить, что слова внутри одной поэтической строки связаны более тесно, чем в ее прозаическом эквиваленте.

Структура текста стиха, избранная автором, не подлежит изменению. Если стихотворный текст написан в соответствии с законами поэтической композиции, а затем прочтен с немыми толчками диафрагмы на конце каждой строки, то именно определенная система дизъюнктур, заданная поэтом, берет на себя полную ответственность за правильную реализацию структуры стихотворения.

Выше мы попытались показать, что в построении текста нельзя обойтись без знаков препинания, отмечали их смысловую и экспрессивную функции. Заметим, что семиотика прозаического текста и семиотика поэтического текста представляют собой две «отдельные» семиотические системы.

В связи с тем, что в любом ритмическом построении, будь то прозаический или стихотворный текст, заключены, как мы уже подчеркивали, обычные синтаксические связи, то эти две семиотические системы находятся в сложном взаимодействии.

Так, диерема (juncture), которая в прозаическом тексте

служит для выражения какой-либо синтаксической связи, в поэтическом тексте может часто «сополагаться», объединяться с таким прекращением фонации, которое относится к семиотической системе поэтического текста и которое вообще не выражает какой-либо конкретной синтаксической связи. При этом происходит разрыв синтаксической связи. Следует отметить, что соположение диеремы и семиотического знака конца строки и конца строфы может разрывать все виды синтаксической связи. Семиотическое оформление конца строфы и конца нормального прозаического абзаца осуществляется различно.

Известно, что синтаксические связи не отделимы от связей лексико-фразеологических, ибо синтаксис — это диалектическое единство коллигации и коллокации. Когда конец строки разрывает собственно синтаксическую связь, то на характер метрически обусловленной дизъюнктуры влияет степень лексико-фразеологической связанности «разрываемых» синтаксических структур. Например, препозитивный атрибут — это тот вид словосочетания, в котором два слова в устной речи должны сливаться в одно целое. Пауза между прилагательным и существительным является «виртуальной» и, как правило, в прозаическом тексте не реализуется. В мерной же речи (в стихотворном тексте) на виртуальную паузу атрибутивного словосочетания может накладываться дизъюнктура конца строки, ср.:

The 'stern or feeble sovereign, one or both
By turns; the haughtiness whose pride was sloth;
The long degenerate noble; **the debased** |
Hidalgo, and the peasant less disgraced,
But more degraded, ...
(G.G. Byron, The Age of Bronze.)

Когда определение находится в постпозиции, предполагается реализация наиболее тесной формы комплетивной связи, ср.:

His summons found the destined criminal
Begirt by thousands in his swarming hall,
Fresh from their feudal fetters newly riven,
Defying earth, and confident of heaven.
(G.G. Byron, Lara.)

The Sensual and Dark rebel in vain,
Slaves by their own compulation! In mad game
They burst their manacles and wear **the name,**
Of Freedom, graven on a heavier chain!
(T.S. Coleridge, France: An Ode.)

My spirit shrunk not to sustain
The searching throes of ceaseless pain;
Nor sought the self-accorded **grave**
Of ancient fool and modern knave:
(G.G. Byron, The Giaour.)

В языке широко распространены постпозитивные причастные обороты, которые выступают как эквиваленты придаточных предложений. Хотя по своей структуре они и отличаются от придаточных определительных, однако, характер их семантической спаянности с определяемым создает условия для реализации диеремы. Напротив, при наличии (произнесении) придаточного определительного диерема не реализуется. По-видимому, наличие союзных слов, подчеркивающих тесную семантическую взаимосвязь определяемого с определителем, а именно which, that и др., вводящих определительное предложение, препятствует возникновению паузы между антецедентом и соответствующим определительным придаточным предложением. В подобных случаях по правилам английской пунктуации не ставится и запятая, что также указывает на отсутствие здесь границ членения.

At this lone hour **the Paphian boy,**
Descending from the realms of joy,
Quick to my gate directs his course,
And knocks with all his little force;
(G.G. Byron, From Anacreon.)

If thou survive my well-contented day
When that churl Death my bones with dust shall cover,
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bettering of the time,
And though they be outstripp'd by every pen,
Reserve them for my love, not for their **rhyme**
Exceeded by the height of happier men.
(W. Shakespeare, Sonnet 32.)

Таким образом, рассмотрение постпозитивных придаточных предложений позволяет заключить, что изменение картины является как бы «ступенчатой»: чем более обособлена определительная конструкция, тем более весомой будет диерема.

Очень часто поэтическая дизъюнктура сополагается с диеремой комплетивной связи:

No more the streams their murmurs **shall forbear,**
A sweeter music than their own to hear;
But tell the reeds, and tell the vocal shore,
Fair Daphne' dead, and music is no more!
(E.A. Pope, Pastoral Winter.)

The fair breeze blew, the white foam flew,
The furrow followed free;
We were the first that ever **burst**
Into that silent sea.
(S.T. Coleridge, The Rime of the Ancient Mariner.)

And sure there is a secret Power that **reigns**
Here, where no trace of man the spot profanes,
Naught but the chalets, flat and bare, on high
Suspended 'mid the quiet of the sky;
(S.T. Wordsworth, vol. I.)

Понятно, что каждая строфа целостна. Так, тот факт, что за прямым дополнением идет предложное, которое вообще выделяется гораздо более «сильной» диеремой, увеличивает вес прямого дополнения в общей ритмической структуре, изменяя метасемиотически синтаксические отношения в поэтической речи в целях ее экспрессивности.

В этой связи следует обратить особое внимание на то, что для поэтической речи большое значение имеет характер «дополнительной», или «опорной» фразы, которая, с одной стороны, изменяет просодический характер связи дополнения с управляющим глаголом, с другой стороны, сам управляющий глагол всегда оказывается в большой степени «проминантным», так как от него всегда зависит правильное осмысление следующей строки, при этом не последнее место занимает тематическая принадлежность глаголов, т.е. их принадлежность к так называемым verba dicendi, putandi, sentiendi.

Но самое главное это, конечно, то, что поэтическая дизъюнктура открывает очень большие возможности для вариантного осмысления поэтического текста, причем многое зависит от характера прочтения.

Что касается формально-грамматической предикативной связи, то она на уровне членов предложения вовсе не обязательно получает вполне определенное «маркированное» фонологическое выражение. Более того — в простейших случаях она вообще фонетически не реализуется. Регулярно она осуществляется с помощью предицирующей паузы на «динамическом» уровне. Но и здесь возникает целый ряд сложностей, потому что предицирующая пауза уже не ограничивается выражением синтаксической связи подлежащего и сказуемого как главных членов предложения.

Особый интерес в рамках настоящей работы представляют случаи использования «текучей строки», которая приходится на место синтаксической границы между подлежащим и сказуемым. Известно, что реализация паузы в этом случае не является обязательной.

Предикативная связь противопоставляется всем другим видам связи потому, что она «д е л а е т» п р е д л о ж е н и е. Она — связь грамматического подлежащего и грамматического сказуемого.

В мерной речи, и именно в условиях «текучей строки», предикативная связь, нерегулярно реализующаяся в прозаическом тексте и внутри строки в поэтическом, получает, хотя и своеобразное, но обязательное выражение.

Так, в данных ниже трех случаях, только в одном — в случае с эмфатическим "Did send" формально-грамматическая связь получила бы в прозе синтаксическое («диеремическое») выражение. В поэзии она реализуется следующим образом:

And now the Storm-blast came, and **he**
Was tyrannous and strong:
He struck with his o'er taking wings,
And chosed us south along.
(T.S. Coleridge, The Rime of the Ancient Mariner.)

And through the drifts **the snowy clifts**
Did send a dismal sheen:

Nor shapes of men nor beasts we ken —
The ice was all between.

(Там же.)

The many men, so beautiful!
And they all dead did lie:
And a thousand thousand **slimy things**
Lived on; and so did I.

(Там же.)

Но это только простейшие случаи. В языке мы находим огромное разнообразие построений, использующих в самых неожиданных и своеобразных комбинациях те практически неограниченные возможности, которые им представляет «текучая строка».

По общему замыслу работы мы могли бы ограничиться приведенными, наиболее простыми случаями реализации предицирующей паузы за счет просто дизъюнктуры конца «текучей строки». Но как мы знаем из работы над «не мерной» (т.е. «прозаической») речью, не только специфическая форма, но и вообще реализация предицирующей паузы может оказаться в тесной (непосредственной) зависимости от наличия парантетического внесения. Парантезы в поэтических текстах могут быть очень распространенными. В этих случаях предицирующая пауза приобретает иногда исключительную выпуклость и силу, например:

And in thine eye a kindling light
  (whatever it might be) †
Was all on Earth my acking sight
  Of Loveliness could see:

(E.A. Poe, A Song.)

Perhaps the workings of defiance stir
Within me — or, perhaps, a cold despair
Brought on when ills habitually recur, —
Perhaps a kinder clime, or purer air,
(For even to this may change of soul refer,
And with light armour we may learn to bear) †
Have taught me a strange quiet, which was not
The chief companion of a calmer lot.

(G.G. Byron, Epistle to Augusta.)

Итак, парантетические внесения имеют первостепенное значение для реализации предицирующей диеремы, серьезно видоизменяя ее характер и внося в ее реальную просодию многообразные изменения.

В мерной речи особенно интересен вопрос реализации лексико-фразеологической предикативной связи. Как мы уже говорили выше, актуальное членение может совпадать с формально-грамматическим членением.

Случаи совпадения формально-грамматического и актуального членения предложения наблюдаются и в мерной речи, например:

Of all the causes which conspire to blind
Man's erring judgment, and misguide the mind
What the weak head with strongest bias rules, †
Is Pride, the never-failing vice of fools.
(E.A. Pope, An Essay on Criticism.)

But most thro' midnight streets I hear
How the youthful Harlot's curse †
Blasts the new born Infant's tear,
And blights with plagues the Marriage hearse.
(W. Blake, London.)

But that thwart thing betwixt us twain,
Which nothing cleaves or clears, †
Is more than distance, Dear, or rain,
And longer than the years!
(T. Hardy, The Division.)

Мы продемонстрировали случаи, где актуальное членение совпадает с делением по членам предложения. Наблюдаются случаи, когда в подобное членение «вторгается» дополнительная строка поясняющего «парантетического» содержания.

With Death doomed to grapple,
Beneath this cold slab, **he**
Who lied in the Chapel
Now lies in the Abbey.
(G.G. Byron, Epitaph for
William Pitt.)

For happy are they now reposing afar, —
Thy Grattan, thy Curran, thy Sheridan, **all**

Who, for years, were the chiefs in the eloquent war,
And redeemed, if they have not retarded, thy fall.
(G.G. Byron, The Irish Avatar.)

...
But with a piteous and perpetual moan,
And a quick desolate cry, licking the hand
Which answered not with a caress — he died.
(G.G. Byron, Darkness.)

. . . .; they raked up,
And shivering scraped with their cold skeleton hands
The feeble ashes, and their feeble breath
Blew for a little life, and made a flame
Which was a mockery; ...
(Там же.)

Однако, как мы отмечали, на уровне динамического синтаксиса мы неизбежно сталкиваемся со случаями несовпадения актуального членения и членения формально-грамматического.

Рассмотрим на материале мерной речи взаимодействие двух «диеремик» в тех случаях, когда формально-грамматическое членение не совпадает с актуальным.

The Sun with gentle beams his rage disguises,
And, like aspiring Tyrants, temporises — †
Never to be endured but when he falls or rises.
(S.T. Coleridge, Napoleon.)

Though friendship differ endless in degree,
The sorts, methinks, may be reduced to three, †
Acquaintance many, and Conquaintance few;
But for Inquaintance I know only two —
The friend I've mourned with, and the maid I woo!
(S.T. Coleridge, The Three Sorts of Friends.)

I wander thro' each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow,
And mark in every face I meet †
Marks of weakness, marks of woe.
(W. Blake, London.)

Предицирующая пауза — это виртуальный знак, сигнализирующий границу темы и ремы, знак актуального членения предложения. Как всякий знак, входящий в

семиологическую систему естественного человеческого языка, он реализуется как во внутренней речи, так и в прямом «изглашении» в зависимости от целого ряда особых, также как и обобщенных условий фразировки. В мерной речи, когда предицирующая пауза совпадает со знаком конца строки, обязательная реализация этого последнего создает «дизъюнктуру» особого рода и, по-видимому, автоматически, именно в мерной речи выявляется наиболее отчетливо зависимость между собственно синтаксическими средствами членения речи и другими ее особенностями, такими, как диалектика; коллигации и коллокации, монолексемное и полилексемное выражение данного содержания, ритм и стиль произведения в целом. И поэтому здесь еще труднее, чем в прозе придти к четким таксономическим классификациям. Безусловно, установление критериев отграничения разных явлений друг от друга совершенно необходимо. Однако, чем более разнообразным и сложным становится произведение речи, тем яснее становится, что изучение синтаксиса ни в коем случае не должно сводиться к вычленению чистых синтаксических отношений. Всякое упрощение, схематизация явлений человеческой речи приводит не только к огрублению, но и к прямому искажению предмета.

До сих пор, рассматривая построение стихотворной речи, мы, в основном, исходили из синтаксических закономерностей ее образования. Однако, именно в области стихотворной речи можно наблюдать наиболее тесное взаимодействие синтаксических и эмоционально-психологических ее сторон. Так, исследования последних лет показали, что даже актуальное членение в стихотворной речи играет как бы второстепенную роль. На первый же план выходит эмоционально-психологическое членение, свойственное высшим формам словесно-художественного творчества.

В некоторых случаях можно наблюдать совпадение актуального и декламационно-психологического членения:

When wise Ulysses, from his native coast
Long kept by wars, and long by tempests toss'd,
Arrived at last, poor, old, disguised, alone,
To all his friends, and ev'n his Queen unknown,
Changed as he was, with age, and toils, and cares,
Furrow'd his rev'rend face, and white his hairs,
In his own place forc'd to ask his bread,

Scorn'd by those slaves his former bounty fed,
Forgot of all his domestic crew, † |
The faithful Dog alone his rightful master knew!
Unfed, unhous'd, neglected, on the clay,
Like an old servant now cashier'd, he lay;
Touch'd with resentment of ungrateful man,
And longing to behold his ancient lord again.
Him when he saw he rose, and crawl'd to meet,
('T was all he could) and fawn'd and kiss'd his feet,
Seiz'd with dumb joy; then falling by his side,
Own'd his returning lord, look up, and died!
(E.A. Pope, Argus.)

Это стихотворение имеет очень сложное синтаксическое строение. Начало его является сложным, распространенным предложением с придаточным времени. В предложении использовано много постпозитивных определений, которые, однако, не затемняют актуальное членение, а, напротив, создают эффект «ожидания». В данном стихотворении актуальное членение совпадает с декламационно-психологическим. Вся тематическая часть стихотворения создает эмоциональную напряженность, которая разрешается с началом рематической части.

Однако в стихотворной речи синтаксическое и декламационное членение совпадают далеко не всегда.

Так, ниже в стихотворении Байрона мы наблюдаем следующие случаи декламационно-психологического членения:

I speak not, I trace not, I breathe not thy name,
There is grief in the sound, there is guilt in the fame: |
But the tear which now burns on my cheek may impart
The deep thoughts that dwell in that silence of heart.

Too brief for our passion, too long for our peace,
Where those hours — | van their joy or their bitterness cease?
We repent, we abjure, we will break from our chain,—
We will part, we will fly to — | unite it again!

Oh! thine be the gladness, and mine be the guilt!
Forgive me, adored one! — forsake, if thou wilt; — |
But the heart which is thine shall expire undebased
And *man* shall not break it — whatever *thou* mayst.

And stern to the haughty, but humble to thee,
This soul, in its bitterest blackness, shall be: |
And our days seem as swift, and our moments more sweet,
With thee by my side, than with worlds at our feet.

One sigh of thy sorrow, one look of thy love,
Shall turn me or fix, shall reward or reprove; |
And the heartless may wander at all I resigh —
Thy lip shall reply, not to them, but to *mine*.
(G.G. Byron, Stanzas for Music.)

Противительные отношения, неожиданные противопоставления создают как бы эффект неожиданности, эмоционального напряжения в стиле, которое подчиняет себе собственно синтаксическое его строение. Декламационно-психологические паузы как правило отмечаются и пунктуационно. Почти во всех случаях эта пауза накладывается на копулятивную синтаксическую связь.

Нередко декламационно-психологическая пауза используется на границе между строфами:

He was a winter wind,
Concerned with ice and snow,
Dead weeds and unmated birds,
And little of love could know. |

But he sighed upon the sill,
He gave the sash a shake,
As witness all within
Who lay that night awake.
(R. Frost, Wind and
Window Flowers.)

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что в стихотворной речи декламационно-психологическое членение приобретает особое значение. Оно не только передает содержательную сторону поэтического произведения, но и выявляет элементы особой выразительности.[1]

Синтаксис — это не только единство синтаксической структуры и тех сложнейших лексико-фразеологических отношений, в какие вступают слова, соединяемые по законам коллигации. В синтаксис входит диеремика, вся совокупность просодических средств, сопровождающих каждую из диерем. В области мерной речи к системе прозаических

диерем присоединяется еще и система «второй диеремики» — разъединительных знаков конца строки и строфы, — а также еще гораздо более сложная, чем в прозе, совокупность разнообразных ритмико-мелодических закономерностей. Все эти средства в разной их совокупности и во взаимодействии участвуют в создании экспрессивности поэтического текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологической основой изучения экспрессивности в синтаксисе послужило ленинское положение о сущности познания, о том, что «... без «человеческих эмоций» никогда не было, нет и быть не может человеческого и с к а н и я истины» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112). Теоретической опорой явились четыре вычлененных нами синтаксических уровня (членов предложения, динамического синтаксиса, фразировки и парантетических внесений).

Развивая текстоцентрический подход к языку, подчеркивая связь устной и письменной речи, мы в настоящей книге пытались нащупать некоторые пути выхода лингвистической теории в научно обоснованное «нормирование» в ы р а з и т е л ь н о й речи.

Несомненно, в книге затрагивается ряд проблем, проходящих этап научной дискуссии. Так, уже сам подход к обучению построения речи путем выхода за рамки традиционной (дидактической) грамматики, излагающей правила формообразования и правила организации предложений «нейтрального регистра», необычен. Более того, дидактические цели — обучение студентов выразительной речи с помощью анализа образцов текстов различных функциональных стилей для выявления лингвистических основ экспрессивности обусловили и своеобразный прием анализа, а именно членение текста (речи). При этом текст рассматривается нами как та целостность, которая, с одной стороны, организована разными синтаксическими элементами, с другой стороны, — как та речевая среда, в которой эти элементы обретают само свое существование как явление действительности.

Рассматривая синтаксис как учение о построении речи, мы подчеркивали, что синтаксис — это диалектическое

единство коллигации и коллокации, т.е. на всех уровнях собственно синтаксический аспект непременно рассматривается в связи с теми лексико-семантическими отношениями, которые складываются в результате отношений, в которые вступают между собой слова. Оперируя понятием «экспрессивный синтаксис» для обозначения учения о построении экспрессивной речи, мы не упускали из виду, что экспрессивность в синтаксисе — это глубокое проникновение в сущность всех составляющих речи и глубокое понимание того, как эти составляющие помогают правильно ее организовать. Однако необходимый учет различных эмоционально-экспрессивно-оценочных сторон при обучении построению речи, включая эстетику словесно-художественного творчества, не должен, разумеется, затушевывать тот факт, что никакая речь вообще невозможна, если у говорящего нет ясного представления о базовых законах синтаксического построения речи — лингвистических основах «синтаксической экспрессивности».

В объеме данной книги мы, естественно, не могли представить систематический курс экспрессивного синтаксиса английского языка. Отбор представленных в аспекте экспрессивности синтаксических явлений обусловлен их ролью в процессе членения текста (речи).

Наш интерес к раскрытию экспрессивных потенций единиц «докоммуникативного» синтаксиса зиждется на тезисе о первичности предельной синтагматической единицы в процессе построения речи. Когда человек овладевает языком, в особенности языком литературным, овладевает искусством письменной речи, приобретает способность говорить и писать, то первое и самое необходимое условие (независимо от того, имеется ли в виду его родной язык, или язык иностранный, которым он хочет овладéть) — это полное, творческое, активное усвоение не только определенного количества слов, но и их синтагматически правильного соединения. Слова — это еще более низкий уровень в том смысле, что это своего рода «предсинтаксис», т.е. нечто, что предшествует учению о построении речи. Основное — это овладение данной системой 'словосочинения', или 'словосочетания'.

Рассмотрение словосочетаний в плане функциональной синтагматики мы ограничили анализом атрибутивных сло-

восочетаний. При этом мы стремились показать, что атрибутивные словосочетания различных семантических категорий, а именно категории коннотативности, клишированности, идиоматичности, социолингвистической и концептуальной обусловленности, играют определенную роль в организации экспрессивной речи, выступая в ней в качестве лингвистической основы таких стилистических приемов, как повтор, нарастание, полисиндетон, метафора, антитеза и др. Подобный анализ словосочетаний, построенных с помощью других видов синтаксической связи, например комплетивной, сможет также обнаружить их роль в создании экспрессивной речи.

Тот факт, что речь течет не всегда плавно, а прерывается различного рода внесениями, был уже не раз отмечен языковедами. Тщательное изучение этого явления позволило заключить, что существует широкий круг парантетических внесений, планомерно прерывающих плавное течение речи. В круг парантетических внесений включаются разнообразные явления, начиная с пауз и кончая целыми предложениями. Но все эти явления, несмотря на большие и существенные различия, обладают одним и тем же свойством: они прерывают синтаксические связи, как бы разрывая «речевую цепь».

Особый интерес парантетические внесения представляют в плане исследования текста, в плане изучения взаимосвязи и взаимодействия синтаксического построения предложения и сверхфразового единства.

Анализ функционирования парантетических внесений позволяет утверждать, что их некоторые разновидности реализуют свои категориальные функции как в рамках предложения, так и в рамках текста, выступая тем самым текстосвязующим средством. Текстосвязующая функция парантетических внесений, характер их синтаксической связи, предикативности и модальности часто обусловливают экспрессивность высказывания как в научном регистре, так и особенно в художественной литературе.

Изучение парантетических внесений именно в этом аспекте позволяет по-новому поставить проблему разграничения «вводности» и «вставности». Известно, что лингвистика текста выдвинула ряд проблем, связанных с орга-

низацией текста, с выявлением разного рода признаков, обусловливающих целостность и связанность текста.

Анализ синтаксического построения текста путем членения на синтагмы на уровне фразировки позволяет отнести к текстосвязующим средствам и ритм. Рассмотренные функции ритма в организации текста выявляют роль ритма в создании особого эмоционального фона высказывания, т.е. его экспрессивную функцию.

Установление взаимосвязи между фразировкой, просодией и пунктуацией дает основание выделить функции знаков препинания (смысловую и экспрессивную) и определить их роль в целях адекватного восприятия текста.

Рассмотрение проблем экспрессивности на уровне динамического синтаксиса связано, в первую очередь, с актуальным членением или функциональной перспективой высказывания. Тема—рематическое членение текста, его динамика, языковые, и прежде всего, синтаксические средства, играют огромную роль при построении экспрессивной речи.

Письменный текст — это в большинстве случаев стилистически обработанное автором словесное произведение с целью оптимального воздействия на читателя. Анализ подобных письменных текстов, принадлежащих перу видных писателей, ученых, публицистов и др., позволяет выявить те лингвистические, синтаксические средства, которые лежат в основе таких приемов, как парантезы, парцелляция, присоединение, эллипсис, полисиндетон, нарастание и др., обеспечивающих выразительность текста.

Стихотворная, мерная речь — это всегда речь экспрессивная. В комплексе языковых и просодических средств, обеспечивающих эту выразительность, определенное значение имеет система дизъюнктур. Декламационно-психологическое членение позволяет выявить элементы особой выразительности и определить роль синтаксических средств, вступающих во взаимодействие с закономерностями, характерными для построения мерной речи.

В заключение мы хотим отметить, что в рамках небольшого пособия мы не могли охватить все проблемы, связанные с синтаксическим построением выразительной речи, разумеется, не с полной глубиной раскрыты и затронутые нами вопросы. Однако, как нам представляется, в настоящее время, когда современная наука о тексте открыла

плодотворные подходы к тексту с точки зрения его смысловой и функционально-коммуникативной организованности, предложенный нами путь может быть одним из возможных при изучении проблем экспрессивного синтаксиса.

Многостороннего же исследования выразительных средств языка и обучения студентов выразительной речи требует, в первую очередь, дидактико-лингвистическая практика.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Введению

[1] Вопрос об общественной природе языка рассматривается Р. А. Будаговым в связи с проблемой понимания построений, которые нередко приводятся любителями «яростно спорящих зеленых людей». Р. А. Будагов доказывает полную несостоятельность попыток считать лингвистически правильными построения типа «Этот стол круглый стол четырехугольный», так как оно не выполняет никакой языковой функции (коммуникативной, функции называния, функции выражения мысли или чувства) и поэтому к языку не относится... . Социальная природа языка не дает никакой возможности признать такое построение предложением русского языка. Развивая далее это важнейшее положение, Р. А. Будагов подчеркивает, что нельзя одновременно защищать тезис об общественной природе языка и считать фактом языка приведенное выше построение, так как природа языка всегда имеет общественный характер. См.: *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., Изд-во МГУ, 1976, с. 59. См. рецензию также на эту книгу Р. А. Будагова О. С. Ахмановой. — Вопр. языкознания. М., 1977, № 5, с. 137—139.

[2] «Филологическая фонетика» явилась лишь одним из проявлений несравненно более широкой области знания, которую мы назвали «речеведением», вслед за «нео-макро-фонетикой» или "speechology" профессора токийского университета Масао Онисн. См.: *Ахманова О. С.*, *Минаева Л. В.* Место звучащей речи в науке о языке. — Вопр. языкознания, 1977, № 6, с. 44—50; *Akhmanova O.*, *Minajeva L.* The Babel of Prosodic Representation. Tokyo, 1977; *Akhmanova O.*, *Minajeva L.*, *Mindrul O.* The Prosody of Grammar and the Grammar of Prosody. — "The Bulletin of the Phonetic Society of Japan", No. 163, April, 1980.

[3] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957, с. 172.

[4] *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики. — Вопр. языкознания, 1953, № 1, с. 61.

[5] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 12.

[6] См. наши работы: *Долгова О. В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978; *Долгова О. В.* Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980; *Alexandrova Olga.* Major Syntax. M., 1981.

[7] Как указывает А. И. Смирницкий, знание языка собственно и есть то, что де Соссюр обозначает термином langue (язык как основной предмет лингвистики). Знание языка является предпосылкой для воспроизведения его единиц в речи, и, таким образом, между существованием языка в речи и его знанием происходит постоянное

взаимодействие ... Следовательно, реальные звучания не только связаны в языке с определенными значениями, но играют важную роль в самом формировании этих значений. Ведь именно с помощью реальных языковых звучаний значения воссоздаются в сознании каждого члена общества на основе всего предшествующего общественного опыта, и индивидуальное знание значений оказывается знанием значений, выработанных обществом на протяжении его истории, т.е. значений, существующих помимо каждого данного индивида. См.: *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М., 1954, с. 30—31.

Цитируемая здесь работа А. И. Смирницкого имеет важное научное и методологическое значение, особенно в плане размежевания в вопросе о задачах и содержании языкознания с «лингвистической философией», представителем которой является Дж. Сёрль. Его книга, посвященная философии языка и «теории речевых актов», является ярким примером смешения языкознания и философии. Так, Сёрль пишет: «Лингвистическая философия» это, прежде всего, название метода (философского — *О. А.*). Философия языка — название предмета... Настоящая книга не является лингвистическим исследованием. Лингвистика ставит себе задачи описания подлинных структур — фонологических, синтаксических и семантических — естественных человеческих языков, тогда как выводы, касающиеся таких вопросов как: «что значит соответствовать истине, что значит быть суждением или обещанием, если они обоснованы», могут применяться к любому языку, способному производить истины суждения или обещания.

(Linguistic philosophy is primarily the name of a method. The philosophy of language is the name of a subject ...

It is not an essay in linguistics. Linguistics attempts to describe the actual structures — phonological, syntactical and semantic — of natural human languages, but many of the conclusions about e.g. what it is to be true, or to be a statement or a promise, if valid, should hold for any possible language capable of producing truths of statements or promises.)

См.: *Searle John R.* Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press, 1970, p. 10—11.

Высказывание Сёрля о языке начинается со следующего основного философского вопроса: Каким образом слова соотносятся с внешним миром? Как это может быть, что, когда говорящий стоит перед слушающим и издает акустический вихрь, вдруг возникают столь удивительные явления: говорящий что-то имеет в виду; слушающий понимает то, что тот имеет в виду или подразумевает; говорящий заявляет о чем-то, задает вопрос или отдает распоряжение? Как это может быть, что, когда я говорю "Jones went home" («Джонз пошел домой»), это, с одной стороны, просто цепочка шумов (noises), с другой то, что я имею в виду, а именно: «Джонз пошел домой» просто не существует. Для него ясно, что люди смогут понять друг друга и вообще общаться между собой только при условии, что оба знают данный язык.

(How do words relate to the world? How is it possible that when a speaker stands before a hearer and emits an acoustic blast such remarkable things occur] as: the speaker means something; the hearer understands what is meant; the speaker makes a statement, asks a question,

or gives an order? How is it possible, for example, that when I say "Jones went home", which after all is in one way just a string of noises, what I mean is: "Jones went home".)

То, что мы находим у «философов языка», представляет собой устаревший взгляд на методы языкознания. По их мнению, только «лингвистическая философия» в состоянии решать проблемы реального языка. О вопросах методологии см. работы советских лингвистов, в частности, *Ахманова О. С.*, *Александрова О. В.* Некоторые теоретические проблемы советского языкознания (в связи с выходом в свет энциклопедии «Русский язык»). — Вопр. языкознания, 1980, № 6, с. 23; О состоянии и направлениях философских исследований. — Коммунист, 1979, № 15; *Федосеев П. Н.* Некоторые методологические вопросы общественных наук. — Вопр. философии, 1979, № 11. Из последних языковедческих работ методологического значения особенного внимания заслуживают следующие: *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы современного языкознания. — Вопр. языкознания, 1978, № 4; *Будагов Р. А.* Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1978; а также: *Ахманова О. С.* Рецензия на книгу: *Parret H.* Discussing Language. — Вопр. языкознания, 1976, № 3; *Ахманова О. С.*, *Долгова О. В.* Синтаксическая теория и знание языка. — Вопр. языкознания, 1979, № 1; *Ахманова О. С.*, *Минаева Л. В.* Еще раз о так называемой «теоретической лингвистике». — Вопр. языкознания, 1979, № 5.

[8] См. примечание 6.

[9] *Долгова О. В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978.

К главе I

[1] Мы пользуемся терминами «коллокация» и «коллигация» (англ. collocation, colligation), предложенными Ферсом (J. R. Firth), вместо соответствующих длинных описательных терминов по причине их компактности и способности служить основой для образования соответствующих русских терминов. Следует, однако, подчеркнуть, что ни у самого Ферса, этого выдающегося языковеда, ни у его учеников высказанные важные и интересные мысли не получили дальнейшего развития вследствие того, что за пределами их соответствующих изысканий оказалась д и а л е к т и к а коллокации и коллигации, их д и а л е к т и ч е с к о е е д и н с т в о. В разных работах отмечается значение «коллокационного» подхода, его роль в датировке текста (*Marjorie Daunt.* Some Modes of Anglo-Saxon Meaning.); в выявлении особого уровня изучения языка — «коллокационного» (*M.A.K. Halliday.* Lexis as a Linguistic Level): "... Firth did not accept the equation of "lexical" with "semantic" and he ... regarded the statement of collocation as the most fruitful approach ..., and he sometimes referred, within the framework of his general views on the levels of linguistic analysis to the "collocational level". (Дж. Р. Ферс не признавал отождествление понятий «лексического» и «семантического» и считал введение понятия коллокации как наиболее плодотворное ..., иногда он выделял в рамках его общей концепции уровней языковедческого исследования «коллокационный уровень»); наконец, по мнению других лингвистов, именно привычные коллокации дают наиболее надежный способ проникновения в значения слов и их оттенки (см. в частности, J. McH Sin-

clair, 1966). Но большей частью значение коллокации обсуждается вне связи с вопросом о коллигации. В качестве контраста небезынтересно привести выдержку из известной работы Л. И. Илия (1972): «Изучение словосочетания позволяет: 1) установить потенциал сочетаемости каждой части речи, ее комбинаторные свойства, 2) исследовать средства выражения связи в словосочетании, 3) наблюдать условия изменения функций части речи под влиянием отношения зависимости, так называемую транспозицию частей речи, 4) выделить парадигматические классы словосочетаний, образующие одну из закрытых подсистем языка».

В этой связи целесообразно привести также заключительные строки из статьи В. В. Виноградова, посвященной памяти академика А. А. Шахматова: «А. А. Шахматов, создавая собственную грамматическую систему, далеко выходящую за пределы фортунатовской концепции, не мог удовлетвориться и тем решением, которое получил у Фортунатова вопрос о неразложимых словосочетаниях. Изучение громадного фактического языкового материала с новых синтаксических точек зрения открывало перед исследователем новые горизонты в этой области. Но академик А. А. Шахматов не успел разрешить все вопросы, в новом свете встававшие перед ним, тем более, что для него все очевиднее становилась тесная связь грамматики с областью лексикологии и фразеологии. Разработка проблем лексикологии и фразеологии должна вестись параллельно с дальнейшим развитием синтаксической науки». *Виноградов В. В.* Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 31—62.

[2] Атрибутивным сочетаниям ввиду их простоты отдается предпочтение в практике преподавания и изучения языков, а также в практике психолингвистических экспериментов в плане распространившегося сейчас понятия приемлемости/неприемлемости (acceptability/non-acceptability) и т.п.

[3] Имеются в виду нестойкие сложные слова типа stone wall и speech sound. См.: Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. М., изд-во МГУ, 1969, с. 61.

[4] В частности, *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 65.

[5] Русская грамматика. М., 1980, т. II, с. 6.

[6] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 19.

[7] Пример заимствован из: *Тер-Минасова С. Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., изд-во МГУ, 1980, с. 94.

К главе II

[1] См. в частности, *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981, с. 26; *Леонтьев А. А.* Признаки связанности и цельности текста. — Лингвистика текста. Материалы научной конференции. М., 1974.

[2] *Долгова О. В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978.

[3] Русская грамматика. М., 1980.

[4] По мнению А. Н. Гвоздева, с категорией модальности связаны только те вводные слова, которые «характеризуют, насколько ответственно говорящий относится к делаемым им заявлениям». См.:

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1958, ч. II, с. 164; Модальность — понятие сложное и многоплановое, включающее разнородные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую. (Там же, с. 140)

[5] Очень ценны мысли В. В. Виноградова, положившего, как известно, начало активному изучению модальности в русском языкознании. Он писал в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (М., 1950) об «известной перспективе модальных отношений», создающейся в результате сочетания в предложении разных модальных средств. «Различия в способах выражения этой категории (модальности) отчасти связаны с внутренними различиями в самих ее синтаксических функциях, в ее функционально-синтаксическом существе» ... «Модальность, выражаемая вводными синтагмами ... совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката.» (Там же, с. 55)

«Очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение». (Там же, с. 59)

[6] Так по данным исследования Д. И. Жученко, вставки всегда вычленяются в отдельную синтагму и оформляются самостоятельным мелодическим контуром, независимо от их положения в основном предложении и их синтаксической структуры. См.: *Жученко Д. И.* Интонационная организация вставных конструкций. (Экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка): Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Киев, 1973, с. 24. См. также: *Яковлева Е. Б.* Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1976.

[6] *Панфилов В. З.* Роль модальности в конструировании предложения и суждения. — Вопр. языкознания, 1974, № 4.

[7] *Виноградов В. В.* О теории поэтической речи. — Вопр. языкознания, 1962, № 2.

[8] *Долинская Л. Д.* Лексико-синтаксический способ выражения модальности в связи с функциональной перспективой и ритмической организацией текста. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1975.

[9] *Котляр Т. Р.* Вставные конструкции в современном английском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1962; *Тихонова И. С.* Интонационно-семантический анализ вводных единиц в английской разговорной речи. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1965; *Жученко Д. И.* Интонационная структура...

[10] См., в частности, *Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1958, с. 138—140; *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис. М., 1973.

[11] См. ссылку 9.

[12] *Яковлева Е. Б.* Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1976.

[13] *Стунгене А. Э.* Проблема вводного и вставного элемента в потоке речи. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1974.

К главе III

[1] «Небезупречность терминов «актуальное членение» (выражение композиционно-синтаксической роли предложения не всегда связано с его расчлененностью), а также «актуализация», словообразовательная структура которого позволяет думать о чем-то извне вносимом (или, следовательно, не вносимом) в структуру предложения, способствует иногда подмене понятия речевой структуры предложения факультативным приемом эмоционально-экспрессивного выделения той или иной его части.» *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 333.

[2] Ср. замечание Г. А. Золотовой: «В ряде работ объектом наблюдений над актуальным членением служит изолированное, вне контекстных связей предложение.» *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 333.

См. также: *Крушельницкая К. Г.* «О синтаксической природе «актуального членения» предложения». — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969; *Панфилов В. З.* Грамматика и логика. М.—Л., 1964.

[3] Грамматика русского языка. М., 1954, т. II. Введение, с. 80.

[4] Следует добавить, что известность «данного» или «темы» сообщения устанавливается не с точки зрения воспринимающего речь, а с точки зрения говорящего, его волей...

Выразителем актуального, или композиционно-синтаксического, членения предложения является логическое ударение. Можно назвать его к у л ь м и н а ц и о н н ы м у д а р е н и е м, в преодоление терминологических разногласий... См.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка..., с. 334.

[5] См.: *Гаман Н. П.* Семиотика предицирующей паузы. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1978, с. 2.

[6] О просодии парентетических внесений см.: *Фенова Е. А.* Соотношение синтаксической просодии парентетических внесений и предицирующей паузы. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1984, с. 13—15.

[7] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 621—622.

[8] См. *Ванников Ю. В.* Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969, с. 5.

[9] *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981, с. 202—203.

[10] *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика..., с. 204.

[11] *Филонова Н. К.* Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1982.

[12] *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 227—229.

[13] *Иванчикова Е. А.* Парцелляция, ее коммуникативно-экспрес-

сивиые и ситаксические фуикции. — В ки.: Морфология и синтаксис русского литературиого языка. М., 1968, с. 279.

[14] *Стрельцов В. Н.* Парцелляция в структуре сложиоподчииеииого предложения в совремеииом аиглийском языке. Дисс. иа соиск. учеи. степ. каид. филол. иаук. М., 1973.

[15] *Бояджиев Ж.* Още ведиъж по въпроса за силио обособеиите части. — Съпоставителио Езикозиаиие, VII. София, 1982, № 6, с. 16.

[16] *Золотова Г. А.* Очерк фуикциоиального синтаксиса русского языка..., с. 93.

[17] См. об этом *Хаджов И.* За иякои свързваиия в съвремеииата иевезаиа българска реч. — Училищен преглед, XXXIV, 1935, № 5—6; также: Помагало по български ситаксис. София, 1979 (съставил К. Попов).

[18] *Георгиева Е.* Обособеии части в българския киижовеи език. София, 1964.

[19] *Москов М., Бояджиев Ж.* Едии особеи стилистичеи похват — безглаголни изречеиия. — Български журиалист. IX, 1967, № 2.

[20] *Blokh M. Y.* A Course in Theoretical English Grammar. M., 1983, p. 237.

[21] См.: *Стрельцов В. Н.* Парцелляция в структуре сложиоподчииеиного предложения...

[22] См., в частиости: *Ваииков Ю. В.* указ. раб.

Филонова Н. К. Парцелляция полипредикативиых высказываний..., *Слюсарева Н. А.* Проблемы фуикциоиальиого ситаксиса совремеииого английского языка. М., 1981, с. 206.

[23] См., в частиости следующие работы: *Стрельцов В. Н.* Парцелляция в структуре сложиоподчииеииого предложеиия..., с. 23. *Петрашевская Ж. Е.* Парцелляция простого предложеиия в английском языке. Дисс. иа соиск. учеи. степ. каид. филол. иаук. М., 1973. *Иваичикова Е. А.* Парцелляция, ее коммуиикативно-экспрессивиые и ситаксические фуикции..., с. 279.

[24] См. в частиости; *Петрашевская Ж. Е.* Парцелляция простого предложеиия в аиглийском языке...

[25] *Волкова С. С.* Парцелляция или эллипсис. — В ки.: Исследоваиия по ромаиской и германской филологии. Киев, 1977, с. 36—40.

[26] *Рогова К. А.* Современиый русский литературиый язык. Одиосоставиые предложеиия. Л., изд-во ЛГУ, 1971, с. 39.

[27] *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика. М., 1973, с. 109—110.

[28] В частиости, *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика... *Петрашевская Ж. Е.* Парцелляция простого предложеиия...

[28] См., иапример, *Филонова Н. К.* Парцелляция полипредикативиых высказываиий...

[30] См.: *Петрашевская Ж. Е.* Парцелляция простого предложеиия...

[31] «Предложеиие в речи — это предложение в контексте, в речевой ситуации... Реализуясь в коикретиой речевой ситуации, пишет далее Г. А. Золотова, языковая модель предложеиия подвергается разиообразиым измеиеииям, преобразоваииям, усложиеииям — в осиовном это касается порядка слов и иитоиации. Эти измеиеиия обусловлеиы дополиительиыми речевыми фуикциями предложения — композициоиио-ситаксической, которая обязательиа для каждого речевого предложеиия,

и экспрессивно-оценочной, которая факультативна.» — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка..., с. 331; см. также: *Виноградов В. В.* Грамматика русского языка, М., 1954, т. II, ч. I. Введение; *Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б.* Современные синтаксические теории. М., 1963; см. также: «Язык и речь». Тезисы докладов межвузовской конференции. М., 1962.

К главе IV

[1] См. об этом *Александрова О. В., Куницына В. А.* Принципы сегментации речевого потока (текста). СГУ, 1982, с. 66—68.

[2] *Жирмунский В. М.* О ритмической прозе. — Русская литература. 1959, № 4, с. 103—114.

[3] См.: *Akhmanova Olga, Šiškina Tatjana eds.* Registers and Rhythm. MGU, 1977.

[4] См. также: *Шишкина Т. Н.* К вопросу о ритмическом построении речи. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1974. (Примеры для анализа заимствованы из данной диссертации.)

[5] *Vallins G. H.* Good English. How to Write it? London, 1974, p. 102, 112.

[6] *Carey G. V.* Mind the Stop. Cambridge, 1980, p. 19.

[7] *Carey G. V.* Mind the Stop..., p. 69.

[8] *Carey G. V.* Mind the Stop..., p. 68-70.

[9] *Carey G. V.* Mind the Stop..., p. 71-72.

К главе V

[1] *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981, с. 202.

[2] *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика..., с. 202.

[3] *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Синтаксис. М., 1958.

[4] *Медведева С. Ю.* О лингвистической природе и функциях стилистического приема нарастания. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1972.

[5] На этот факт указывал еще Л. В. Щерба, который писал: «Сделать теорию небуквенных знаков ... письма представляется делом крайне трудным, ибо система этих знаков возникла стихийно и, строго говоря, никакой единой теории не лежит в ее основании.» — *Щерба Л. В.* Теория русской пунктуации. Л., 1983, с. 123.

[6] См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. — Труды по филологии. М., 1952, т. VII.

[7] «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многими присовокуплениями разного учебного и полезно-забавного вещесловия. Осьмое издание, вновь выправленное и приумноженное и разделенное на две части». С.-Пб., 1809, с. 109.

[8] См. *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика. 2-е изд., М., 1918.

[9] *Щерба Л. В.* Пунктуация. Литературная энциклопедия. М., 1935, т. IX, с. 366.

[10] *Шапиро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, с. 70.

[11] *Шапиро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация..., с. 75.

[12] *Шапиро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация..., с. 139.

[13] Из этого, однако, не следует, что изучение построения спонтанной речи сводится к изучению так называемых речевых актов (speech acts), основы которого были заложены оксфордской школой. Этот подход к изучению языка (ordinary language) основывается на логическом позитивизме и для нас неприемлем. См., напр.: *Searle John R.* Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press, 1970.

[14] *Земская Е. А.* О понятии «Разговорная речь». Саратов, 1970, с. 3—10.

[15] *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Петроград, 1915.

[16] *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. М., 1973.

[17] *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

[18] *Гаспаров Б. М., Паперно В.* The English Oral Text: A Typological Study. Linguistica. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, 453). Tartu. 15—31.

[19] Понятно, что приводимый здесь материал не имеет отношения к проблемам «нормы для разговорной подсистемы» данного языка, как пишет Г. А. Золотова. (Очерк функционального синтаксиса русского языка..., с. 76). например: Он будет вторник и пятница теперь бывать, А скажете, Дом преподавателей бывает боржом?, Люся, а где вы живете? — Бронная, У нас комбинат устраивает сентябрь месяц дом отдыха, Вот зимний период у нас комбинат снимает базу на Трехгорке, Шестьдесят шесть, пожалуйста. Куда. — Колбаса, А скажите угол Ленинского и Кравченко идет?, Музей не работает понедельник и вторник и др.

[20] См. об этом: *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

[21] См., например, *Aniansson Eva, Hammermo Olle.* Generationsmassig och situationell variation speglad i språket hos yngre Eskilstunabor. Tva delstudier fran projektet Barnets språkliga identifikation. — FUMS Rapport, nr. 99. Uppsala, 1981; *Thelander Mats.* A qualitative approach to quantitative data of speech variation. — In: Sociolinguistic variation, ed. Suzanne Romaine. London, 1982, p. 65-83.

К главе VI

[1] См. *Лыхина Е. В.* Динамический синтаксис в стихотворной речи (на материале английского языка). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 1983.

Каждый знак препинания имеет свою графическую форму, и каждая из этих графических форм имеет свое, присущее только ей звуковое выражение, которое воспроизводится читающим, когда в письменном эквиваленте какого-либо произведения речи появляется эта графическая форма.

В Словаре Вебстера даются следующие правила употребления знаков препинания.[1] Мы сочли необходимым дополнить эти правила просодическими параметрами, присущими тому или иному знаку препинания.

Двоеточие (:)

Употребление:
1 для выделения предложения или словосочетания, которое объясняет, иллюстрирует, расширяет, дополняет или развивает то, что уже было сказано раньше;
2 для выражения синтаксической функции приложения;
3 для введения рядов при перечислении;
4 при введении довольно длинного произведения речи, которое отделяется от основного текста красной строкой, но без кавычек;
5 для оформления ссылок;
6 для выделения обращения в письмах.

Просодия:
1 высокий нисходящий тон;
2 пауза в две единицы прекращения фонации.

Примеры:
1 The sentence was poorly constructed: it lacked both unity and coherence.

[1] Ср.: Webster's New Collegiate Dictionary A Merriam-Webster G. & C. Merriam Company Springfield, Massachusetts, USA, 1973, p. 1520—1526.

There remained one thing he desired above all else: a country cottage.

2 He had only one pleasure: eating.
I have some news for you: John has arrived.

3 Three countries were represented: England, France, and Belgium. Speech includes all forms of speech activities: conversation, interviewing, storytelling, formal and informal discussions.

4 I quote from the text of Chapter One: The new method was first introduced in 1925...
I mean the following famous quotation from Shakespeare: 'Tis but thy name that is my enemy.

5 New York: Smith Publishing Co.
Quarterly XX:96. (For 'See The Quarterly Review, volume XX (or 20), page 96'.

6 Dear Sir:
Gentlemen:

Запятая (,)

Употребление:

1 для отделения друг от друга частей сложносочиненного предложения, как при наличии соединительных союзов, так и без них;

2 для отделения длинного обстоятельственного оборота или обстоятельственного придаточного предложения, если они предшествуют главному предложению;

3 для выделения вводных слов или словосочетаний, таких, как on the contrary, on the other hand, соединительных наречий consequently, furthermore, however;
запятая употребляется также для отделения от основной части предложения иллюстраций и примеров;

4 для отделения друг от друга элементов перечисления;

5 для отделения друг от друга придаточных предложений в составе главного;

6 для оформления прямой речи: разделение собственно высказывания и тех слов и выражений со значением говорения, которые за ней следуют и повторяют ее интонацию;

7 для выделения обращений, абсолютных причастных конструкций и некоторых видов междометий;

8 для отделения так называемых «зависимых вопросов» от утвердительной части высказывания;
9 при опущении слова или слов, явно подразумевающихся из контекста;
10 чтобы избежать неясности, а также чтобы специально подчеркнуть или выделить какую-то часть высказывания;
11 для обозначения на письме числительных и отделения их разнопорядковых частей. В случае, если числительное не превосходит четырех единиц, очень часто запятая опускается;
12 при отделении фамилии от имени, если имя стоит после фамилии.

Просодия:
1 низкий нисходящий тон (при сочинении);
2 низкий восходящий тон (при подчинении);
3 пауза в виде половины единицы или одной единицы прекращения фонации.

Примеры:
1 She knew very little about him, and he volunteered nothing.
2 When she found that friends had deserted her, she sat down and cried.
3 The mystery, however, remains unsolved.
Augustus and Tiberius, on the contrary, were capable administrators.
4 He was young, eager, and restless.
In the stationary shop I bought office files, paper clips a pen, and a paper.
5 If, after hearing the delegate speak, this assembly remains uncovered, you may count on me, as your representative, to press for militant action.
6 John said, "I am leaving."
"I want to stay," Mary said.
7 You may go, Mary, if you wish.
Oh, not now.
I fear the encounter, his temper being what it is.
8 It is a fine day, isn't it?
She is coming, isn't she?
9 Common stocks are preferred by some investors, bonds, by others.
The first group is leaving today, the second, tomorrow.

10 To Mary, Jane was someone special.
To him, it is of vital importance.
11 Smithville, pop. 100,000.
Но:
In the year 1973 I came to London.
12 Smith, John W., Jr.

Кавычки (“ ”). Двойные

Употребление:

1 при прямом цитировании;
2 при написании названий литературных произведений, теле- и радиопостановок.

Просодия:
1 высокий ровный тон;
2 усиленная громкость;
3 замедленный темп;
4 пауза в две единицы прекращения фонации.

Примеры:
1 He said, “I am leaving.”
He called himself “emperor”, but he was really just a dictator.
2 Robert Frost's “Dust of Snow”
Pushkin's “Queen of Spades”
NBC's “Today Show”.

Кавычки (‘ ’). Одинарные[1]

Употребление:
1 для выделения цитаты внутри цитаты;
2 в некоторых случаях двойные и одинарные кавычки взаимозаменяются.

Просодия:
1 сверхсинтаксическая, зависящая от интенций пишущего.

Примеры:
1 It was ‘very clever’ of him.
2 I would rather call it ‘conditional combinability’.

---

[1] Здесь даны наши рекомендации использования одинарных кавычек, не совпадающие с теми, которые даются в Словаре Вебстера.

Отточие (...)

Употребление:
1 для обозначения пропуска на письме;
2 для обозначения неоконченности речи.

Просодия[1]:
1 удлинение конечного звука;
2 пауза хезитации[2].

Примеры:
1 The head is not more native to the heart... that is throne of Denmark to thy father. — Shak.
2 "I'd like to...that...is...if you don't mind..." He faltered and then stopped speaking.

Скобки /()/

Употребление:
1 для вынесения какой-либо части речевого произведения за пределы основного потока речи;
2 также для выделения одного внесения внутри другого.

Просодия:
1 понижение тона;
2 уменьшение громкости;
3 убыстренный темп;
4 прекращение фонации до и после скобок в виде паузы в пол-единицы.

Примеры:
1 Underpunctuation (which is fashionable today) throws a great deal of burden of interpretation on the reader...
2 It is usually assumed that somewhere (where exactly nobody has so far been able to show) there is a line which divides the rest of a proizvedenie reći from those which have a specific or, as is sometimes said, literary value.

Тире (—)

Употребление:
1 для обозначения внезапного изменения плавного течения высказывания;

[1] Только для второго правила употребления.
[2] Более подробно об этом см.: *Долгова О. В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978.

2 когда требуется подытожить то, что уже было сказано выше;
3 для атрибуции (т.е. указания на источник) приведенной цитаты, в комплексе с отточием.

Просодия:
1 пауза в две единицы (т.е. простое разделение нисходящей шкалы на две части).

Примеры:
1 After all, there is but one race — humanity.
2 Oil, steel, and wheat — these are the sinews of industrialisation.
3 My foot is on my native heath... — Sir Walter Scott.

Тире Двойное (—...—)

Употребление:
для выделения какой-либо части речевого произведения.

Просодия:
прекращение фонации в виде паузы в две единицы.

Примеры:
1 But however hard it would be to say what literature is — as distinct from what is not — we are all convinced that the division is there, that it **does exist.**
2 But the effectiveness of the engineer — and with it his usefulness — depends as much on his ability to make other people understand his work as it does on the quality of the work itself.

Точка (.)

Употребление:
1 для формального завершения данного отрезка речи, т.е. для обозначения выделенности данного отрезка речи в виде законченного предложения;
2 при сокращениях.

Просодия:
1 низкий нисходящий тон;
2 прекращение фонации в виде паузы в две единицы.

Примеры:
1 Obey the law.
He obeyed the law.
He asked whether the law had been obeyed.

2 Dr.
etc.
Esq.
A.D.

Точка с запятой (;)

Употребление:
1 между сочиненными предложениями, при отсутствии сочинительного союза;
2 между сочиненными предложениями, связанными обстоятельством в функции союзного слова;
3 для выделения придаточных предложений при наличии запятых в их составе.

Просодия:
1 средний нисходящий тон;
2 прекращение фонации в виде паузы в две единицы.

Примеры:
1 Some people have the ability to write well; others do not.
2 Speeding is illegal; furthermore, it is very dangerous.
3 Thus our search was for people who could think in very fundamental ways, who could buttress their views with careful analysis; people who were able to hang in during deliberations with their own ideas, but who could also comfortably and effectively work within the confines of a small group. — Frank Newman.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.

Александрова О. В., Куницына В. А. Принципы сегментацин речевого потока (текста) (на матернале англнйского языка). СГУ, 1982.
Ахманова О. С. Словарь лингвистнчсскнх терминов. М., 1969.
Ахманова О. С., Долгова О. В. Снитакснческая теорня н знание языка. — Вопр. языкознаиня, 1979, № 1.
Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А. Грамматнка аиглнйского языка. М., 1973.
Березин Ф. М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматня. М., 1981.
Будагов Р. А. Борьба ндей н направленнй в языкознанин нашего временн. М., 1978.
Будагов Р. А. Что такое материалнстическое языкознанне? (по поводу кннги Б. А. Серебреннкова «О матерналнстнческом подходе к явлениям языка») М., 1983, с. 318. — Вестннк Московского ун-та, 1984, № 1.
Будагов Р. А. Человек и его язык. М., МГУ, 1976.
Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. М., 1983.
Будагов Р. А. Язык, теория н современность. М., 1971.
Ванников Ю. В. Снтаксис речн н снитакснческне особенности русской речн. М., 1979.
Виноградов В. В. Из исторни нзучения русского синтаксиса. М., нзд-во МГУ, 1958.
Виноградов В. В. О категорнн модальностн н модальных словах в русском языке. — Труды нннстнтута русского языка АН СССР, 1950, вып. II.
Виноградов В. В. Итогн обсуждення вопросов стнлнстики. — Вопр. языкознання, 1953, № 1.
Виноградов В. В. Стилистика. Теорня поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
Виноградов В. В. Общелнннгвнстические н грамматнческне взгляды академнка Л. В. Щербы. — В кн.: Памятн академнка Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 31—62.
Виноградов В. В. Об основных типах фразеологнческих едииниц в русском языке. — В кн.: Сборннк статей н матерналов. А. А. Шахматов. М.—Л., нзд-во АН СССР, 1947, с. 339—364.
Вопросы оптнмнзации естественных коммуннкатнвных снстем. / Под ред. О. С. Ахмановой. М., нзд-во МГУ, 1971.

Грамматика русского языка. М., изд-во АН СССР, 1954, т. I. Фонетика и морфология, т. II. Синтаксис, ч. I, II.

Грамматика современного русского литературного языка. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

Долгова О. В. Семиотика неплавной речи (на материале английского языка). М., 1978.

Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980.

Долгова О. В. Формы и функции парантетических внесений в английской научной прозе. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1976.

Жинкин Н. И. Механизм речи. М., 1958.

Золотова Г. А. О характере нормы в синтаксисе. — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 145—175.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Крушельницкая К. Г. О синтаксической природе «актуального членения» предложения. — В сб.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Синтаксис сложного предложения. М., 1968.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.

Маяковский В. В. Как делать стихи. — Полн. собр. соч., М., 1976, т. II.

Медведева С. Ю. О лингвистической природе и функциях стилистического приема нарастания. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1972.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945.

Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний. М., 1964, с. 280—285.

Панасюк А. П. К вопросу об экспрессии как лингвистической категории. Вестник МГУ, Серия 10, филол., 1973, № 6.

Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.—Л., 1964.

Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.

Петрашевская Ж. Е. Парцелляция простого предложения в английском языке. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1973.

Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд., М., 1956.

Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. 2-е изд. М., 1958.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.

Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Распопов И. П. Актуальное членение коммуникативно-синтаксических повествовательных предложений в русском языке. — Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. М., 1964.
Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
Русская грамматика. М., 1980.
Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. /Под ред. О. С. Ахмановой. М., изд-во МГУ, 1969.
Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
Степанов Г. В. О художественном и научном стилях речи. — Вопр. языкознания, 1954, № 4.
Стрельцов В. Н. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1973.
Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., изд-во МГУ, 1980.
Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей. Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. М., 1980.
Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.
Филонова Н. К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1982.
Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957, т. 2.
Харкевич А. А. Очерки общей теории связи. М., 1955.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1955.
Шведова Н. Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.
Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
Щерба Л. В. Пунктуация. — В кн.: Литературная энциклопедия. М., 1935, Т. IX.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Akhmanova Olga. Optimization of natural communication systems. The Hague—Paris, 1977.
Akhmanova O., Idzelis R. F. Linguistics and Semiotics. MGU, 1979.
Akhmanova O., Mikaeljan G. The Theory of Syntax in Modern Linguistics. The Hague—Paris: Mouton, 1969.
Akhmanova Olga, Minajeva L'udmila, Mindrul Olga. The Prosody of Grammar and the Grammar of Prosody. — The Bulletin of the Phonetic Society of Japan. Tokyo, 1980, April, No. 163.

Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. M., 1983.
Carey G. V. Mind the Stop. Cambridge, 1980.
Crystal D., Quirk R. Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English. — The Hague: Mouton, 1964.
Daneč F. A Three-Level Approach to Syntax. — Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1964, 1.
Davy D., Crystal D. Investigating English Style. London, 1969.
Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1973.
Daunt, Marjorie. Some Modes of Anglo-Saxon Meaning. — In: In Memory of J.R. Firth. Longmans, 1966, p. 66—78.
Faulkner C. W. Writing Good Sentences. A Functional Approach to Sentence Structure, Grammar and Punctuation. New York, 1957.
Firbas J. On the Problem of the Main Principle in English Sentence Punctuation. — Casopis pro moderni filologie. 1955, Vol. 37, No. 5.
Firth J. R. Studies in Linguistic Analysis. London, 1957.
Fowler H. W., Fowler F. G. The King's English. Oxford, 1951.
Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1976.
Fries Ch. The Structure of English. New York, 1952.
Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951.
Graustein G., Thiele W. Englische Zeichensetzung. Leipzig, 1975.
Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. The Hague—Paris: Mouton, 1967.
Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level. — In: In Memory of J.R. Firth. Longmans, 1966, p. 148—162.
Hornby A.S. Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1978.
Huddleston R.D. The Sentence in Written English. A Syntactic Study Based on an Analysis of Scientific Texts. — Cambridge, 1971.
Lyons J. Firth's Theory of 'Meaning'. — In: In Memory of J.R. Firth. Longmans, 1966, p. 288—302.
Martinet A. Elements of General Linguistics. London, 1964.
Nida E.A. A Synopsis of English Syntax. The Hague: Mouton, 1966.
Optimization of Linguistic Message. Ed. by O. Akhmanova, T. Perekalskaya. M., MGU, 1974.
Partridge E. You Have a Point there. London, 1955.
Poldauf I. Evaluative predication. — Philologica pragensia, 1968, No. 1.
Poldauf I. Trétisyntakticka rovina (The third syntactic plan). — Philologica pragensia, 1963, No. 2.
Quirk R., Greenbaum S. A Concise Grammar of Contemporary English. London, 1974.
Quirk R., Svartvik J. Investigating Linguistic Acceptability. The Hague: Mouton, 1966.
Quirk R., Svartvik J., Leech G.N., Greenbaum S. A Grammar of Contemporary English. Longmans, 1972.
Searle John R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1970.
inclair J. McH. Beginning the Study of Lexis. — In: In Memory of J.R. Firth. Longmans, 1966, p. 410—430.
Turner G.W. Stylistics. Penguin Books, 1973.
Vallins G.H. Good English. How to Write it? London, 1974.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ольга Викторовна Александрова

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
(на материале английского языка)

Заведующий редакцией *И. В. Смирнов.* Редактор *В. М. Завьялова.* Художественный редактор *В. И. Пономаренко.* Художник *В. И. Сидоренко.* Технический редактор *Л. А. Григорчук.* Ст. корректор-вычитчик *Г. Н. Середина.* Корректоры *Н. А. Казак, З. Ф. Юрескул, Т. И. Яковлева*

ИБ № 5249

Изд. № А-889. Сдано в набор 21.08.84. Подп. в печать 05.11.84. Формат 84×108[1]/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 11,13 усл. печ. л. 11,13 усл. кр.-отт. 10,21 уч. изд. л. Тираж 5000 экз. Зак. № 466. Цена 65 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» «Союзполиграфпрома» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.